
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

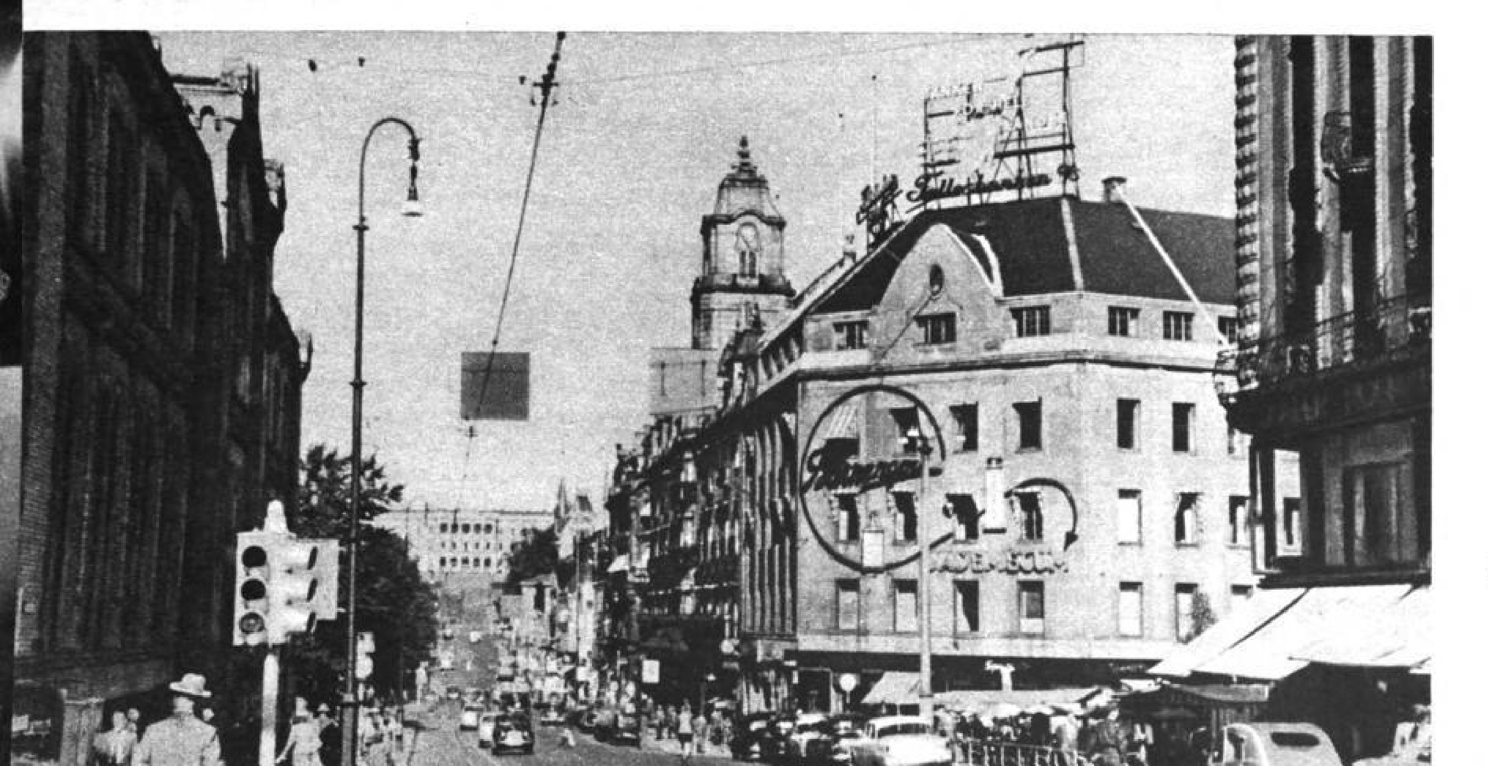
№ 25 (1930)

14 ИЮНЯ 1964

Копенгаген. Площадь перед зданием Ратуши.
Фото Б. Тихомирова (ТАСС).

Стокгольм. Центр города.
Фото Д. Бальтерманца.

Осло. Главный проспект.
Фото Г. Белянкина (ТАСС).

Гостиница «Украина» в праздничном убранстве. Огромный портрет Тараса Григорьевича Шевченко окаймляют даты: 1814—1964. На трибуне — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев, руководители Коммунистической партии и Советского правительства, Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт. Вся площадь перед гостиницей запружена народом: тысячи москвичей собрались на открытие памятника великому кобзарю.

Первый секретарь Московского городского комитета Коммунистической партии Н. Г. Егорычев открывает торжественный митинг. Н. С. Хрущев разрезал ленточку, и взорам присутствующих открылся величественный памятник. Его создали молодые украинские скульпторы Михаил Грицюк, Юлий Синькевич, Анатолий Фуженко и архитекторы Анатолий Сницарев и Юрий Чеканюк.

На митинге выступили с речами Н. С. Хрущев, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, рабочий завода имени Владимира Ильича А. А. Кубарев, писатель Н. С. Тихонов.

Митинг закрыт. Под небом Москвы вдохновенно звучит шевченковский «Заповіт» в исполнении сводного хора. Затем руководители партии и правительства высаживают возле памятника молодые дубки, привезенные с Украины, с земли Тараса.

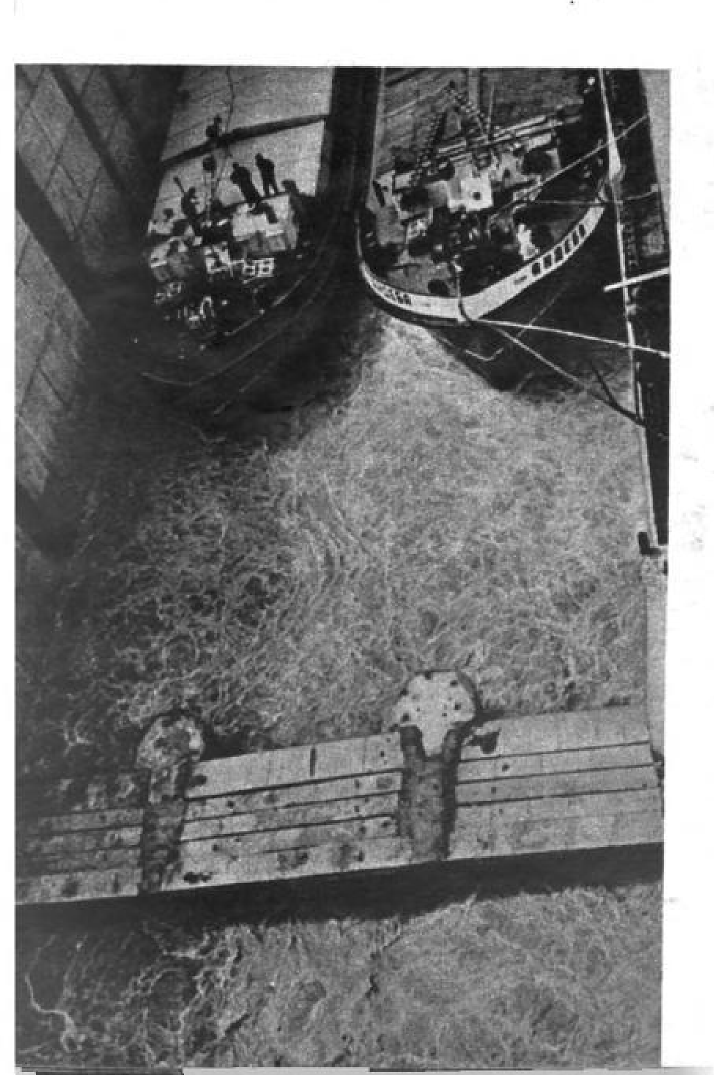
Фото А. Гостева.

ДРУЖБА, ЕДИНСТВО, БРАТСТВО

С большой теплотой приветствовал Ленинград Генерального секретаря Союза коммунистов Югославии, Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии Иосипа Броз Тито, посетившего город Ленина по приглашению Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. «По всем вопросам, которые мы обсуждали,— заявил в своем выступлении на аэродроме товарищ Тито,— у нас

Волго-Балт

В последние дни имя старого прионежского города Вытегры не сходит с газетных страниц: здесь начинается Волго-Балтийский канал, заголосили сирены судов. Волго-Балт впервые распахнул свои ворота.

На трассе канала в 361 километр — 7 судоходных шлюзов с каналами в два раза длиннее, чем на Волго-Доне, три гидроэлектростанции, плотины с водосбросами, водонапорные дамбы, мостовые переходы, 4 водохранилища, поселки, пристани. Канал прокладывался через леса, топкие болота, торфяники. Пришлось перенести на новые места 100 населенных пунктов.

По Волго-Балтийскому каналу корабли пошли в порты пяти морей: Белого, Балтийского, Каспийского, Черного, Азовского.

По всему водному пути, протяженностью в тысячи километров, идут корабли с углем, зерном, нефтью, машинами...

Вода наполняет камеру шлюза.
Фото Н. Ананьева.

Собрание общественности Москвы 8 июня, посвященное памяти Джавахарлала Неру. Минута молчания.

На собрании в Колонном зале Дома союзов выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и посол Индии в СССР Трилоки Н. Кауль. Собрание общественности Москвы направило телеграмму Президенту Индии Сарвапалли Радхакришнану и премьер-министру Индии Лалу Бахадуру Шастри.

Фото А. Ляпина и А. Пахомова.

нет разногласий. И я уверен, что разногласий между нами не будет и впредь». Н. С. Хрущев пожелал коммунистам Югославии, правительству и свободолюбивым народам страны успехов в борьбе за наше общее дело — торжество коммунизма.

На снимке: товарищи Н. С. Хрущев и Иосип Броз Тито в Ленинградском аэропорту.

Фото С. Раскина.

10 июня в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась третья сессия Верховного Совета РСФСР шестого созыва.

На повестке дня сессии такие вопросы: 1. О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения в РСФСР; 2. Проекты Гражданского и Гражданского процессуального кодексов РСФСР; 3. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

На снимке: в зале заседаний сессии Верховного Совета РСФСР.

Фото С. Раскина.

Полпред Кузбасса — так называют москвичи Новокузнецкий государственный драматический театр, приехавший на гастроли в Москву. Его биография коротка, но поистине романтична. Время и место рождения — Новокузнецк, стройка первой пятилетки. Многие еще жили в бараках, не хватало яслей, детских садов, но за сто субботников на самой лучшей площади будущего города комсомольцы построили театр.

Мы смотрим сегодня в Москве спектакли театра: Сибирскую трилогию — три пьесы, которые идут в течение трех вечеров; трагедии Шекспира, драму Горького... И видим, на какого требовательного, взыскательного зрителя привык равняться театр. Это ощущаешь и в игре актеров, и в культуре режиссуры, и в работе художников.

Может быть, поэтому такой удачей стала созданная театром совместно с сибирскими драматургами трилогия: комедии Тамары Ян «Гордячка» и «Мой человек» и баллада А. Волошина «Кузнецкая легенда». Эти пьесы не связывает общность героев и сюжета, действие происходит в разное время, единство — в самом пафосе спектаклей, в стремлении авторов, актеров, постановщика Л. Щеглова в обыденном раскрыть необычное, через тему труда показать величие сегодняшней Сибири.

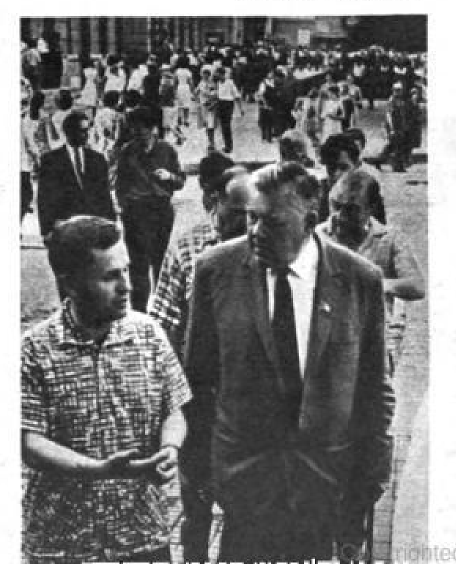
Фото И. Ефимова.

Закончил работу пленум правления Союза писателей РСФСР, который проходил в Краснодаре. Около 150 делегатов из разных концов России, работающих над проблемами сельского хозяйства, собрались на этот форум. Писатели выезжали к труженикам полей в Адыгейскую автономную область, в Славянский и Каневский районы, в Усть-Лабинск, побывали во многих колхозах и совхозах Кубани.

Не случайно вопросы взаимоотношений литературы и сельского хозяйства обсуждались на пленуме в Краснодаре. Именно здесь, на родине новых методов сельскохозяйственного труда, лучше всего обсуждать литературные произведения о селе.

На нашем снимке (слева направо): участники пленума Лев Якименко, Леонид Соболев.

Фото В. Шагова.

Посланцы «Страны восходящего солнца» — центральный хор «Поющие голоса Японии» сейчас гостит в Советском Союзе.

Это началось 16 лет назад с небольшого кружка любителей пения. А теперь в Японии не сыскать уголка, в котором у «Поющих голосов» нет своих активистов. Весело и интересно проходят спевки в каждом из 8 700 коллективов самодеятельности. Вместе они могли бы составить «двухмиллионоголосый хор», создатель и бессменный руководитель которого лауреат международной Ленинской премии Акико Сэки.

Японцы тонко чувствуют и душу советских песен и поют их много, с удовольствием.

Выступления «Поющих голосов» у нас заслужили высокую похвалу слушателей и строгих специалистов. Родилась добрая слава о большом мастерстве замечательных певцов, чей девиз — «Поющие голоса — сила мира!».

Фото А. Конькова (ТАСС).

У школьников сегодня экскурсия по Копенгагену.

Генрих ГУРКОВ

Фото автора.

БАШНИ, КОРАБ

Первую прогулку по датской столице каждый совершал в детстве. Мудрый и добрый человек по имени Ганс-Христиан Андерсен знакомил нас с далеким и еще не совсем понятным словом «Дания». Мы подружились с Дюймовочкой и стойким оловянным солдатиком, симпатичным маленьким Туком и озорным Гансом-чурбаном. Вместе с советником юстиции Кнапом путешествовали по Восточной улице и Новой Королевской площади Копенгагена, шмыгали носом, слушая трогательную историю маленькой русалочки. И уж, конечно, в ушах звучали знаменитые пушки Кронборга. Помните? «Есть в Дании старинный замок Кронборг. Он стоит на берегу пролива Эресунн, по которому каждый день проплывают сотни больших кораблей. Среди них встречаются и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют древний замок пушечными залпами: бум-бум, и пушки замка тоже отвечают им: бум-бум».

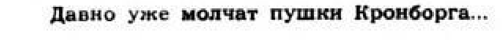
С годами сказки в памяти тускнеют. Но когда попадаешь в Копенгаген, многое напоминает о них. Сказки бродят по этому городу. Правда, пушки Кронборга молчат уже не одно десятилетие, и сегодня почетных гостей приветствуют салютом наций береговые батареи. Правда, многие улицы и площади Копенгагена изменили свои названия, и нам нелегко будет повторить некоторые маршруты андерсеновских героев. Зато в порту встречаешь маленькую русалочку: она поднялась со дна морского и позирует перед фотоаппаратами туристов. Как-то ночью неизвестные хулиганы отпилили ей голову — вся Дания переживала это как личное горе. Была найдена старая форма, и русалочку вылечили... В любой лавчонке предлагают сувениры с персонажами андерсеновских сказок: штопоры со все той же русалочкой, термометры с лебедями, фарфоровых, бронзовых, гипсовых собак — глаза величиной с чайное блюдце.

Миллион жителей, десять веков истории — это Копенгаген. Его зеленые башни видели пышные коронации и шумные первомайские празднества, видели нацистское вторжение («Рейх берет под защиту Норвегию и Данию»,— кощунствовал гитлеровский листок «Фелькишер беобахтер»), видели мужество патриотов и торжество победы. Скромный музей в районе порта рассказывает об истории Сопротивления. Помню листовку, отпечатанную на гектографе: «Красная Армия уничтожит Гитлера». Вся страна, прильнув к радиоприемникам, с волнением и надеждой слушала сводки лондонского радио о великой битве на Востоке, горячо рукоплескала освободителям Борнхольма.

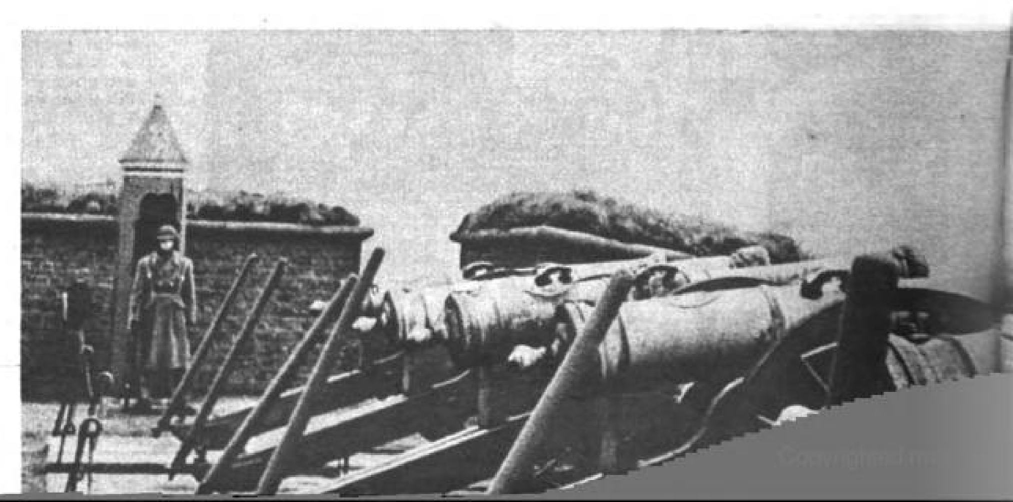
Есть много добрых примеров советско-датской дружбы и сотрудничества. Мне довелось видеть в Москве патриарха науки Нильса Бора: незадолго до смерти великий физик посетил советскую столицу. Разве забудешь, какими сердечными были его встречи с академиками Ландау, Капицей, Несмея-

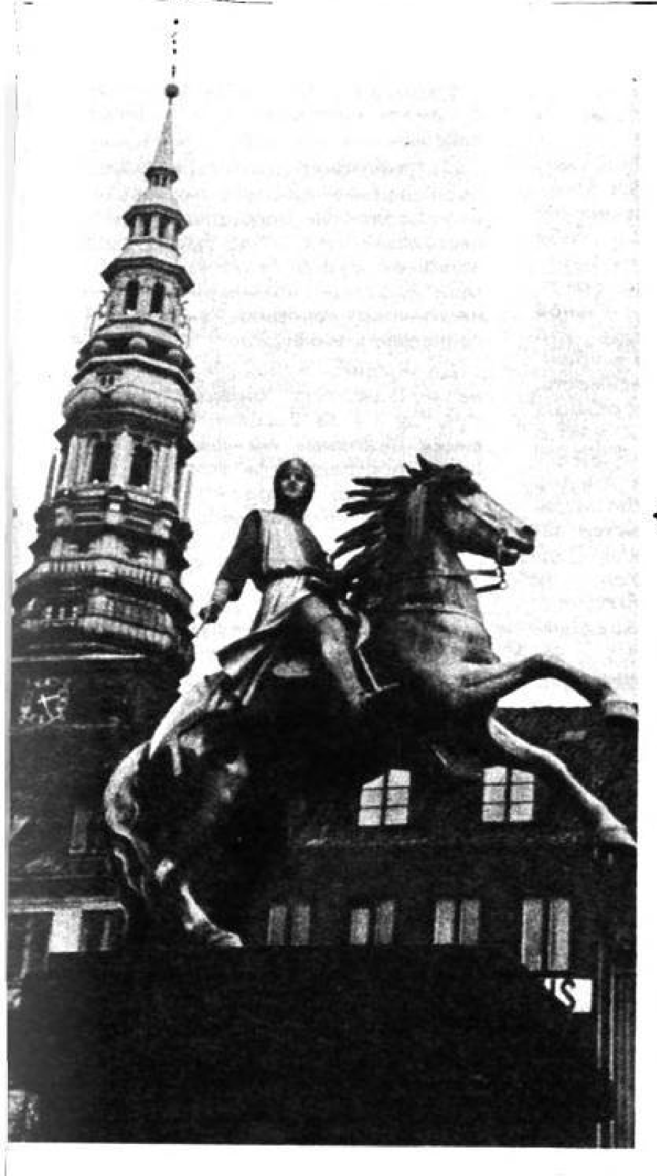
О Дании говорят, что это маленькая страна, густо населенная велосипедистами. Велосипедная стоянка — неотъемлемая деталь копенгагенского пейзажа.

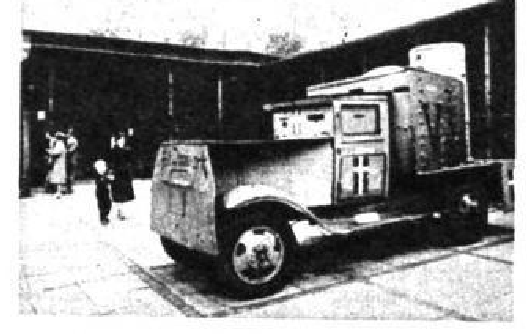

Давно уже молчат пушки Кронборга...

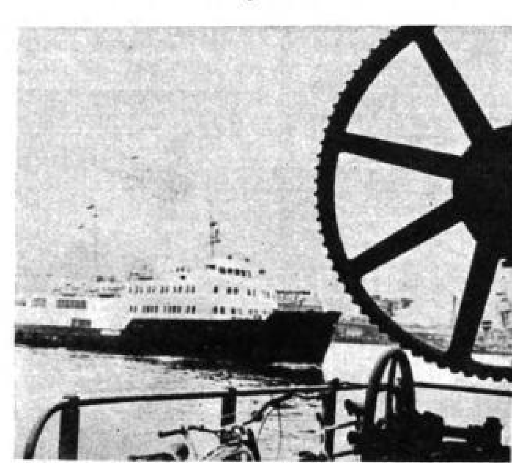

У входа в музей Сопротивления.

◀ Епископ Абсалон — легендарный основатель города.

Порт с трех сторон наступает на городские кварталы.

ЛИ, ЛЕГЕНДЫ...

новым, Арцимовичем, как принимал Бора Московский университет... На прославленных верфях «Бурмейстер ог Вайн» вот уже три десятилетия строят суда для Советского Союза (между прочим, там построили легендарный «Челюскин»), а в театре Орхуса идет «Снегурочка», поставленная советским режиссером, в Ленинграде филологи изучают творчество классика датской литературы Людвига Хольберга, а кинозритель Дании восторгается «Балладой о солдате», на советских заводах работают станки, созданные датскими рабочими, а в копенгагенском аэропорту Каструп приземляются «ТУ-104»... Да разве перечислишь все эти добрые приметы!

Копенгаген сейчас ждет высокого гостя Никиту Сергеевича Хрущева. Он готовится встретить главу Советского правительства с радушием и гостеприимством. Ими издавна славен этот город на великой морской дороге, город зеленых башен и соленых ветров, город тюльпанов и кораблей, велосипедов и сказок.

Памятник погибшим на море.

Вечерний Копенгаген. Площадь перед зданием ратуши.

НАКАНУНЕ

Моторист катера, идущего по каналу так называемой «Длинной линии», мимо причалов копенгагенской Новой гавани, рассказывает пассажирам:

— Смотрите, вон там пришвартуется советское судно, на котором прибудет премьер Хрущев.

На Вокзальной площади водитель такси притормаживает машину у многоэтажного, самого высокого в Копенгагене здания — нового отеля «Рояль»:

— Здесь будет резиденция советского премьера.

Близ стапелей судостроительной фирмы «Бурмейстер ог Вайн», построившей десятки судов для нашей страны, мастер торопится поделиться приятной новостью:

— В присутствии премьера Хрущева мы спустим на воду новый рефрижератор. А знаете, как он будет называться? «Сказочник Андерсен». И знаете, кого фирма просит быть крестной матерью этого судна? Госпожу Хрущеву.

Такие сценки типичны сегодня для датской столицы.

Небо над ней чистое, ясное, как выразился один датский писатель, классически лазурное. Если временами и брызнет дождик, то ненадолго.

И матери спешат с детьми в парки, сады и на бульвары, где сирень и акация стремятся перещеголять друг друга ароматом своих цветов.

В Королевском парке подле молодой женщины копошатся ребята — их более десяти. Детский сад? Нет, жительница окраинного района привезла сюда на трамвае свою дочь и детей соседок по дому. Дети резвятся на лужайке, взбегают на алые от первых цветов холмы.

В руках «дежурной мамы» книга. Смотрю на обложку: Карин Микаэлис «Волшебный мир». Знает ли «дежурная мама», что в 1945 году, вернувшись в освобожденную от гитлеровских оккупантов Данию, Карин Микаэлис сказала: «Я уверена, что спасение мира придет из России»?

С некоторыми из современных датских писателей мы встретились в заповедном домике-музее, где жили и работали знаменитые датские писатели Кнуд и Камма Рабек. На встрече были Торкил Хансен, Йенс Бьерре — автор изданной недавно в Москве интересной книжки о путешествиях, драматург Кнуд Сандербю, который известен москвичам по пьесе «Бунт женщин» в Театре имени Моссовета, профессор славянских языков Копенгагенского университета Карл Стиф и другие литераторы.

Они чистосердечно признают, что боятся советских бомбардиров... на футбольном поле в Испании, где 17 июня встречаются сборные команды Дании и Советского Союза.

Они жаждут беспощадной войны... на шахматной доске, за которую сядут датчанин Ларсен и Михаил Таль на турнире в Амстердаме.

А когда разговор становится серьезным, наши собеседники с удовлетворением вспоминают высказывания Н. С. Хрущева о миролюбии датского народа, который вносит свой вклад в дело избавления человечества от угрозы ракетно-ядерной войны, в борьбе за мир на Балтике.

Распрощавшись с писателями и выйдя на шумные улицы предвечернего Копенгагена, мы видим плакаты со знакомыми лицами героев «Оптимистической трагедии». Начинается неделя советского фильма. Газеты отмечают, что среди приехавших кинoработников зрители увидят и «матросского комиссара» — артистку Маргариту Володину.

Многие крупные датские газеты выпускают первые иллюстрированные приложения, посвященные предстоящему приезду Никиты Сергеевича Хрущева. На первой странице специального выпуска газеты «Политикен» изображена веселая стайка смеющихся наших малышей — самых юных москвичей. Газета рассказывает датчанам о достопримечательностях Москвы, о советском авиаторе Сергее Ильюшине, о молодых дарованиях советского балета.

Есть в Копенгагене районы небольших, вернее, крохотных, садовых участков, где горожане, которым не по карману загородная дача и курорт, проводят дни отдыха в маленьких домиках, окруженных несколькими деревцами и миниатюрными цветочными грядками. Но каким бы крохотным ни было жилище, над каждой крышей высится флагшток: по датским обычаям, если в доме дорогой гость, хозяин поднимает государственный флаг.

В воскресенье мне довелось посетить в поселке Венелюст несколько таких домиков. Их хозяева — металлисты, резчики по дереву, мастера судостроения — говорят: когда советский премьер прибудет в Копенгаген, мы поднимем флаги над нашими домами!

Ц. СОЛОДАРЬ

Копенгаген.
По телефону.

ИХ МОНОПОЛИИ

ПЕСКИ ПЫЛАЮТ

Д. ВОЛЬСКИЙ,
В. КУДРЯВЦЕВ

Голос сержанта срывается, он почти не может говорить...

— Да, бой был тяжелым, мы с трудом передвигались. Такая жара нам в Англии и не снилась... Но главное — снайперы. Эти «красные волки» с тысячи футов могут попасть в туза...

— Были потери? — спрашивает репортер.

— За первые же минуты мы потеряли шесть человек. Потом двинулись цепью и попали под настоящий шквал огня... Они стреляли, смотрите, вон из-за того холма...

И на экранах телевизоров всплыл унылый, безлесый холм, возвышавшийся над барханами аравийской пустыни. Миллионы англичан смотрели этот репортаж, передававшийся по лондонскому телевидению. Включены были приемники и в старомодных особняках Сити, где разместились правления нефтяных корпораций. Там особенно напряженно всматривались в экран.

1 миллиард 20 миллионов фунтов стерлингов

Колонки цифр длинными змеями ложатся на лист разграфленной бумаги. Одна, другая, третья. И, быть может, понадобились бы годы, чтобы их сложить, если бы не было счетных машин. Но они свели к одной цифре все, что каждый день сотни клерков вносили в реестры бухгалтерских книг,— 1 миллиард 20 миллионов фунтов стерлингов. Этой астрономической суммой выражаются прибыли, которые каждый год дает британским монополиям аравийская нефть.

Словно колдовское зелье, «черная кровь» пустыни сковала земли Южной Аравии. Лондонские нефтяные боги создали целую армию жрецов, которые принесли им на заклание этот некогда процветавший край. Как многообразны здесь обличья служителей культа «жидкого золота»! Это обожженные аравийским солнцем офицеры колониальных войск, британские резиденты и советники при дворах правителей нефтяных княжеств, наконец, сами властители княжеств — чернобородые султаны и эмиры, которые правят так, будто время остановилось где-нибудь в пятнадцатом веке.

Многие годы безошибочно действовала эта система ограбления. Монополии получали нефть, султаны и эмиры — в качестве платы за нее — серебряные реалы, горы которых росли в подземельях их дворцов, а народ же испытывал двойной гнет нефтяных королей и «собственных» феодалов. На страже нефтяной империи стояла британская военная база в колонии Аден — самая крупная база Англии на Ближнем Востоке. Но именно здесь, в Адене, и начался развал нефтяной империи.

По узким улочкам арабских кварталов Адена ветер разносит отпечатанные на ротаторах листовки, вечерами в пыльных кофейнях арабы стали собираться не только для того, чтобы посетовать на горькую судьбу. Даже за колючей проволокой, ограждающей военные аэродромы и казармы, перестали чувствовать себя спокойно пришельцы с Британских островов.

«Загнать джина обратно в бутылку» — такую задачу поставил Лондон перед губернатором Адена Треваскисом. И губернатор приложил все силы, весь свой богатый опыт колониальной службы, чтобы ее выполнить.

Треваскис ввел чрезвычайное положение, запретил митинги и демонстрации. В ответ вспыхнула всеобщая забастовка; на военной базе прекратились работы, в порту застряли неразгруженные суда.

В тюрьмы бросают всех, кто попадается под руку. Камеры так переполнены, что нечем дышать. Подъезжают и подъезжают к тюремным воротам полицейские фургоны, из них выталкивают мужчин, женщин, детей.

Тюремщик, припадая к глазку, видит, как «самые опасные узники» — лидеры патриотической борьбы — собирают вокруг себя заключенных, слышит глухой, напряженный шепот. Тюрьмы становятся очагами антиколониальной агитации; едва ли не каждый, кто туда попал, превращается в убежденного борца за независимость. Апрельским утром из тюремных дверей вышел моложавый араб с измученным лицом — Абдалла аль-Аснадж, признанный лидер аденских патриотов. Многие месяцы в застенке, издевательства палачей не сломили его воли. Первые же слова, с которыми он обратился к народу, прозвучали как сигнал к борьбе: «Решающий час наступил!»

И не только в самом Адене. Волнения начались за пределами колонии, в султанатах и эмиратах Южно-Аравийской федерации, еще недавно спавших мертвым сном. По ночам тревожный стук копыт все чаще нарушает покой султанских дворцов и вилл английских резидентов; из глубины пустыни доносится слух: кочевники-бедуины чистят ружья,— и не секрет, кому предназначены пули. Племена, вчера враждовавшие друг с другом, начали понимать, кто их общий враг, кто обрек их на бедность и отсталость,— словно нефть вспыхнула под ногами колониальных эксплуататоров.

Миллиард 20 миллионов фунтов... Если не свершится чудо, их не удастся спасти. В Лондоне это становилось все яснее.

«Сейчас или никогда»

Рассекая туман пронзительными желтыми фарами, машина военного министра Торникрофта медленно продвигалась по лондонским улицам. Министр только что вернулся из Адена. Откинувшись на кожаные подушки лимузина, Торникрофт дремал. Он был утомлен. В памяти еще стояли невеселые картины.

На многочасовом совещании пропыленные аравийскими песками, обозленные офицеры подняли настоящий бунт: «Нас бросили на произвол судьбы!» А представители нефтяных компаний в Адене настойчиво говорили ему: «Или сейчас, или никогда!»

Да и здесь, в Лондоне, тревога не меньше. На бирже паника. Чуть ли не за бесценок продают акции нефтяных компаний. Особенно пострадала от этого компания «Бритиш петролеум». Большая часть ее капиталов вложена в аравийскую нефть. Акции «Бритиш петролеум» упали на 1 шиллинг 7 пенсов.

«Ждать нельзя,— думал министр.— Если падет Аден, потерян весь Аравийский полуостров».

Английские монополии не хотят уходить из стран Ближнего Востока. Это они поддерживают реакционные режимы, помогают сторонникам свергнутого йеменского короля, проводят военные карательные операции в Адене. На снимке: английские десантники высадились на йеменско-аденской границе. Они идут убивать, чтобы монополисты могли по-прежнему грабить арабов...

Утром, отдохнувший, чисто выбритый, министр готовил доклад правительству. Десятки референтов сновали по лестницам особняка на Хорсгейд-авеню. Справочный отдел работал чуть ли не круглые сутки. Нервно прохаживаясь по кабинету, Торникрофт диктовал секретарю.

На Даунинг-стрит торопились. Совещание правительства длилось восемь часов. План «урегулирования» аденского вопроса был принят под вечер, в дипломатических кругах уже обсуждали эту новость. Но какой именно план? Этого даже наиболее проницательным журналистам выведать не удалось. Только один неосторожный чиновник проболтался. «Это будет двухступенчатая ракета...» — сказал он. Позже, когда развернулись события, стало ясно, что́ именно имел в виду неосторожный чиновник, когда назвал английский план «двухступенчатой ракетой». Он хотел сказать, что военная операция будет состоять из двух этапов.

...В 12 часов дня Али Салем Али, бывший министр труда в прави-

тельстве Адена, вышел на улицу. Вместе с ним вышла группа чиновников иммиграционного ведомства. Али Салема недолюбливали в городе: он сотрудничал с англичанами. Внезапно из-за угла на бешеной скорости выскочил «джип». Один за другим из него прогремело несколько выстрелов. Столь же стремительно машина умчалась. Али Салем и еще несколько человек были ранены. Полиция прибыла с большим опозданием. Покушавшихся и след простыл.

А через несколько дней — новое покушение. И снова на аденского деятеля, сотрудничавшего с англичанами,— на Мохаммеда Саид аль Хусейна. В его квартире взорвалась граната. И снова полиция запоздала. Подобного рода покушения участились. И тут же, словно по команде, английская пресса подняла страшный шум: «Националисты организовали террор против арабов, сотрудничающих с нами». Но ни один из «террористов» почему-то не был задержан.

Представители патриотических сил решительно заявили, что не имеют ничего общего с этой серией покушений.

Через некоторое время стало ясней, что происходит. В одно из полицейских управлений Адена пришел мелкий торговец финиками. Он рассказал, что слуга бывшего министра финансов Абдул Азиз Шахида предложил ему инсценировать покушение на его хозяина. Слуга показывал ему тугую пачку фунтов стерлингов и предлагал поделиться. Однако торговца прогнали из управления. «Не твоего ума дело»,— буркнул чиновник. Через несколько часов торговца арестовали, чтобы не болтал лишнего. История получила огласку. Обнаружилось, что слуга министра был связан с полицией, а через нее — с английскими властями.

Стало ясно, почему полиция всегда опаздывала и почему она никого не пыталась задержать.

Операция «Щелкунчик»

Бригада генерала Харгрифса была дислоцирована в районе Радфан—60 миль севернее Адена. Здесь, неподалеку от границы Южно-Аравийской федерации с Йеменом и Саудовской Аравией, неспокойно. Племена натанбов стремительно передвигаются по гористой пустыне, тревожа английский военный лагерь Сумейр неожиданными набегами. Обстреляв лагерь, «красные волки», как прозвали англичане эти бесстрашные племена, так же стремительно рассеивались в пустыне. Палящая жара — 43 градуса по Цельсию, неподвижное, раскаленное небо без облачка, удушающее дыхание пустыни. Солдатам казалось, что они воюют с барханами.

Поздно ночью, когда генерал Харгрифс отдыхал от дневной жары, а далеко в горах лениво перестреливались патрули, из ставки главного командования пришел приказ: «Операция «Нэт Крейкер» назначена на 15 апреля. Проведите необходимые приготовления».

Этот приказ отослал командующий английскими сухопутными войсками на Ближнем Востоке генерал Каббон. Он только что проделал подготовительную работу. И, как это ни странно для генерала, на пресс-конференции.

«Необыкновенное варварство!— истерично воскликнул он, обращаясь к аккредитованным в Адене журналистам.— В столице Йемена на площади толпа надругалась над насаженными на кол отрезанными головами двух английских солдат! Мы не будем терпеть! Мы отомстим!»

На следующий день английские газеты кипели негодованием. В парламент сыпался запрос за запросом. Седовласые «тори» пылко требовали отмщения.

Генерал Каббон и другие британские военачальники Южно-Аравийской федерации знали о «планах отмщения» задолго до того, как появилось то, за что надо было «мстить». Операция «Нэт Крейкер» началась. По-английски это означает «Щелкунчик».

Под грохот литавр пропагандистской шумихи об «отрезанных головах» и инсценированных «покушениях» ведомство Торникрофта намеревалось потопить в крови освободительное движение в этом районе. Утром 7 мая началась экстренная переброска новых соединений из Англии в район Южной Аравии. 39-я пехотная бригадная группа, базирующаяся в Лисберне, в Северной Ирландии, была переброшена первой. За ней последовали 45-й десантно-диверсионный полк, морская пехота, шотландские пограничные войска. Каждые два часа мощные транспортные самолеты поднимались с базы Лайнем в Южной Англии. Загрохотали горные долины Радфана. Английские вертолеты «Бельведер» вылетали с базы в Адене, неся дополнительные грузы боеприпасов для английских войск. Они сбрасывали этот груз на парашютах.

Реактивные самолеты «Хантер» обрушились на форт повстанцев, окруженный глинобитными стенами. Но форт не сдался. Одновременно английская авиация совершила разбойничий налет на йеменский город Хариб, находящийся далеко от района боев. Зверской бомбардировке подверглись мирные жители. Самолеты бесцеремонно нарушили воздушное пространство Йемена и в других районах. На горных перевалах гремела артиллерия, по немногим проходимым дорогам медленно двигались броневики. Они шли на высоте 8 тысяч футов, по району, окутанному облаками.

«Щелкунчик» готовился стиснуть свои железные челюсти. Вторая «ступень» плана пришла в действие. Кровопролитные бои развернулись в аравийской пустыне. Но операция развивалась совсем не так, как ее задумали на Хорстейдавеню!

«Красные волки» залегли за каждым камнем, за каждым барханом. Они стреляли из-за скал, с горных вершин. Поднялся весь народ, даже женщины взяли оружие. Военная техника англичан завязала в песках, с грохотом рушилась в пропасти. «Красные волки» подползали к танкам и лентами от чалмы затыкали выхлопные трубы. Страшная машина беспомощно застывала на месте. Повстанцы захватывали английскую артиллерию и обращали ее против врага. Блистательной карательной операции не получилось.

Не по зубам оказался «Щелкунчику» аравийский орешек! Борьба продолжается. Пески пылают.

АТОМНЫЙ ПОКЕР МАРСЕЛЯ ДАССО

Лев КОРОЛЕВ

Вначале ничто не предвещало катастрофу. Когда Бернар Жанжан и его штурман Эмиль Барб поднялись с аэродрома опытного центра Бретиньи, ярко светило солнце. Привычно ревели мощные двигатели. Сигарообразное тело самолета с острым игольчатым носом и треугольником крыльев слушалось малейшего приказания пилота. Это была испытанная машина.

— Са ва Эмиль! — прокричал командир корабля.— Идем на посадку.

— Порядок, мой капитан, можно возвращаться.

Самолет терял высоту. Земля словно поднималась ему навстречу. Вот уже видна извивающаяся лента Луары, утопающие в зелени замки французских королей. Сейчас мелькнет колокольня Бре-ан-Валя. А потом можно будет выпить рюмку «Перно», отдохнуть...

Недалеко от Бре-ан-Валя самолет развалился в воздухе.

Пять минут спустя в роскошном бюро на одной из парижских улиц зазвонил телефон. Из Бретиньи вызывали шефа.

— Шефа нет,— ответила секретарша.— Он в Бурбонском дворце. Что? Катастрофа? Хорошо, я передам, мой генерал.

В тот же вечер в бюро состоялось совещание. Председательствовал сухощавый лысый мужчина лет семидесяти, в темном старомодном пиджаке.

— Большая неприятность, господа! Вы уже знаете, что сегодня днем разбился один из наших опытных «Миражей». Это лишний козырь левым крикунам. Сейчас на карту поставлено многое. «Мираж-IV» — это только начало, хотя мы уже и получили деньги за всю серию. В ближайшее время должен собраться специальный военный совет. Там пойдет речь о новых заказах. Поэтому нужно спасать положение. К тому же речь идет не только о нашем с вами престиже. Дело касается и престижа Франции.

Марсель Фердинанд Дассо, политик, делец, создатель самолетов «Мираж-IV», которые должны стать основой «независимых французских атомных сил», любит иногда произносить красивые речи. Однако любовь к громким словам отнюдь не мешала ему делать бизнес. Деньги за пятьдесят «Миражей-IV» он получил от государства вперед. А в тот момент, когда между Орлеаном и Бретиньи дымились остатки одного из четырех опытных самолетов, он уже думал о новой серии, сулившей дополнительные миллиарды. Но, прежде чем их получить, нужно было «реабилитировать» разбившийся «Мираж-IV». Для достижения этой цели была пущена в ход вся пропагандистская машина короля французской военной авиации. Ссылаясь на авторитетные источники, официозное агентство Франс Пресс заявило, что авария «вызвана поломкой одного из реактивных двигателей и, следовательно, не ставит под сомнение летные качества «Миража-IV».

«Пари-жур» без обиняков объявила, что «Мираж-IV» — единственный в своем роде самолет в Европе, он «обладает качествами, которым могут позавидовать его западные и восточные соперники». Проправительственная газета «Насьон» пообещала, что «Мираж-IV» «преодолеет советскую оборону». Сам Дассо заявил, что «Мираж-IV» так же недосягаем для ударов противника, как для путешественника недосягаем мираж в пустыне, и т. д. и т. п.

Пропаганда сделала свое дело. Репутация господина Дассо и престиж его самолетов были спасены. А несколько дней спустя после катастрофы генерал де Голль собрал специальный военный совет для обсуждения сверхновой модели, изготовленной Дассо. Дассо добился того, что его самолеты остались в числе «китов» атомной стратегии Пятой республики.

В области военных самолетов у Дассо нет конкурентов. Он поставляет французской армии истребители-перехватчики «Мистер» и «Мираж-3С», делает разведчиков «Мираж-3Р», на его заводах собираются базирующиеся на авианосцах палубные штурмовики «Этандар-4», запускаются в производство истребители с вертикальным взлетом «Бальзак». И, наконец, уже знакомый «Мираж-IV», являющийся основой создаваемых французских атомных сил. Пока имеется только три таких самолета, но они уже вооружены атомными бомбами, окрашенными во французские национальные цвета: бомба голубая, бомба белая, бомба красная.

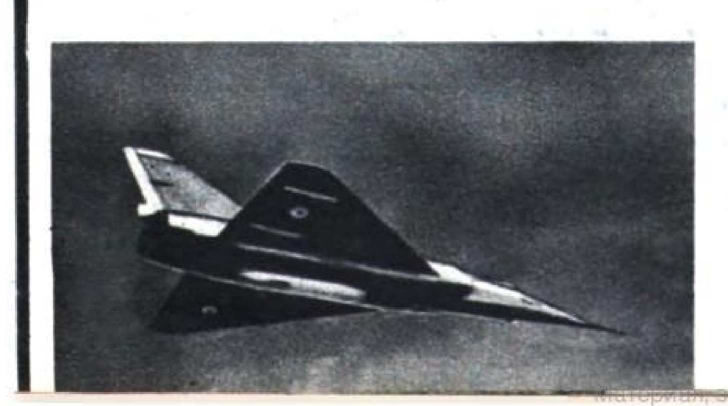
Прибрав к рукам внутренний рынок, «атомный извозчик» Франции неплохо зарабатывает и на стороне. Свой истребитель с вертикальным взлетом он продает бундесверу. Другие марки реактивных истребителей ходко идут на рынках Австралии, Израиля, Саудовской Аравии и даже в Южно-Африканской Республике. Дассо не важно, кому продавать — реваншистам, феодалам или расистам,— лишь бы платили звонкой монетой.

Разыгрывая атомный покер, Марсель Дассо отлично понимает, что самолеты уходят в прошлое. Им на смену приходят ракеты. Поэтому у месье Дассо кое-что имеется в кармане. В частности, акции «Общества по проектированию и производству баллистических ракет».

Наживаясь на гонке вооружений, Дассо закрывает глаза на то, к чему она может однажды привести. Когда Дассо и его газеты трубят о том, как метко их «Миражи» ударят по советским городам, они, видимо, упускают из виду возможный ответный удар. Этим господам, нацелившимся на советские города, хорошо ответил почетный профессор юридического факультета Парижского университета Бернар Лаверпь. В своей статье «Что я думаю о национальной ударной силе», опубликованной еженедельником «Трибюн де насьон», он писал: «Если петух вознамерится ударить шпорой слона, как тот поступит в таком случае? Слон просто раздавит пяткой злополучного петуха. Такова была бы и наша участь, если бы мы собрались напасть на очень мощную державу...»

Самолеты, ракеты... И прибыли, миллиардные прибыли.

Фото из журнала «Пари-матч».

УЖ ПОЛНОЧЬ БЛИЗИТСЯ!

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер,
специальный корреспондент
«Огонька»

У шахматиста должна быть не только хорошая память, но и хороший слух, иначе может произойти такая неприятность, как с Л. Портишем — одним из претендентов на выход в шестерку. Б. Спасский предложил венгерскому гроссмейстеру ничью, но, как рассказал Л. Портиш после партии, он не расслышал обращения Спасского, и игра продолжалась. Когда же значительно позже ничью предложил Портиш, тут уже «не расслышал» Спасский, и венгр потерпел первое поражение...

Восьмым туром закончилась четверть турнира. Кое-что уже выяснилось. Бенко потерпел второе поражение — от Дарга. Эванс без труда доказал, что он... не Фишер. Надежда американцев теперь в одном Решевском.

Самое хорошее впечатление производит Давид Бронштейн. Трудная партия была у Смыслова с Портишем. Казалось, что Портиш вот-вот сдастся, но Смыслову пришлось еще всю ночь искать выигрыш. Самое главное, что он был найден.

Девятый тур! Советские гроссмейстеры лавиной обрушились на своих противников. Лишь один Пахман уцелел, встретившись со Смысловым. Особенно ценна победа Штейна над Глигоричем. Советский гроссмейстер знает, видимо, какой-то секрет: шахматисты встречались пять раз, и Глигоричу удалось только одну партию свести вничью.

В десятом туре наши гроссмейстеры повторили результат девятого: 4,5 из 5 очков! Отличился Спасский, нанесший второе поражение Глигоричу. Плохи дела у югославского гроссмейстера.

После 10 туров можно было сказать: «Уж полночь близится!». «Участники, особенно те, кто постарше, Смыслов и Глигорич, например, начинают уставать. Ничего удивительного в этом нет. Представьте себе амстердамский турнирный режим: при большой жаре девятичасовой рабочий день, кропотливая подготовка к каждой новой партии, анализ отложенных позиций и за пять недель всего-навсего три выходных дня. Профсоюз, где ты? В чем дело? Шахматисты не люди, что ли?!

Если бы сейчас закончился турнир, то шестерка выглядела бы так: Ларсен, Бронштейн, Ивков, Таль, Спасский, Решевский. Эта компания с удовольствием даст согласие сегодня же прекратить турнир, но Смыслов, Штейн, Дарга, Глигорич, Портиш, Лендьел категорически возражают: «О нет, поиграем еще!»

Иностранных участников здесь делят на две группы. Одна уже прошла русскую мельницу, у другой это тяжелое препятствие впереди. Наши шахматисты продолжили успешное наступление в 11-м и 12-м турах. Им удалось дважды выиграть со счетом 5:0. Такой опытный шахматист, как Бенко, участник прошлого турнира претендентов, во встрече с Талем выдержал не больше двух десятков ходов. Между прочим, Бенко не выиграл пока что ни одной партии.

Дарга — молодой немец из Берлина — решил развлекать Амстердам и шахматный мир. В порыве шахматной слепоты он вдруг в выигранной позиции сдался Лендьелу. Подписав акт о капитуляции, он схватился за голову. Но было уже поздно. В шахматах ход назад не дается, а ведь сдача — это тоже ход. Дарга успокаивали словами: «Вы войдете в шахматную историю». «Это очень приятно,— отвечал он,— но я предпочел бы очко».

Есть шахматисты, которые боятся числа 13. Таль идет в таблице под этим номером. В 13-м туре произошла смена лидера. Спасскому, Талю, Штейну, Смыслову понадобилось около двух часов, чтобы победить своих противников Бенко, Билека, Бергера и Переса. На этот раз 5 : 0 не получилось, ибо Бронштейн не смог преодолеть упорного Лендьела. Первое поражение Ларсена от Ивкова дало возможность Спасскому и Талю взять на себя приятную роль лидера.

Говорили, что Ларсен, проиграв одну партию, потом видит серию нулей. Это неверно. В 14-м туре он выиграл у Россетто и занимает по-прежнему высокое место.

Спасский показывает высокий класс. Восемь побед подряд! Ленинградский гроссмейстер стал единоличным лидером, ибо его ближайший спутник Таль отстал после ничьей с Лендьелом.

Самым напряженным туром надо считать 15-й.

Понедельник оказался плохим днем для югославских и венгерских шахматистов. Глигорич белыми проиграл Порату уже на 19-м ходу. «Такой несчастный случай происходит впервые в моей практике»,— сказал Глигорич. Накануне старейшему участнику турнира Порату исполнилось 54 года. И он именно на 54-м ходу проиграл Фогельману. Но Глигорич сделал ему подарок.

Ивков во встрече с Дарга потерпел первое поражение.

Таль и Решевский впервые встретились за шахматной доской. Поединок протекал очень напряженно. Первую часть партии экс-чемпион мира провел удачно. Решевский нервно ерзал на стуле. Времени у него оставалось маловато, казалось, ему грозит цейтнот. Но неожиданно запутался сам Таль. Положение стало неясным. Решевский на всякий случай предложил ничью. Таль подумал минут двадцать и согласился. Редко видели Решевского в таком хорошем настроении, как после этой партии.

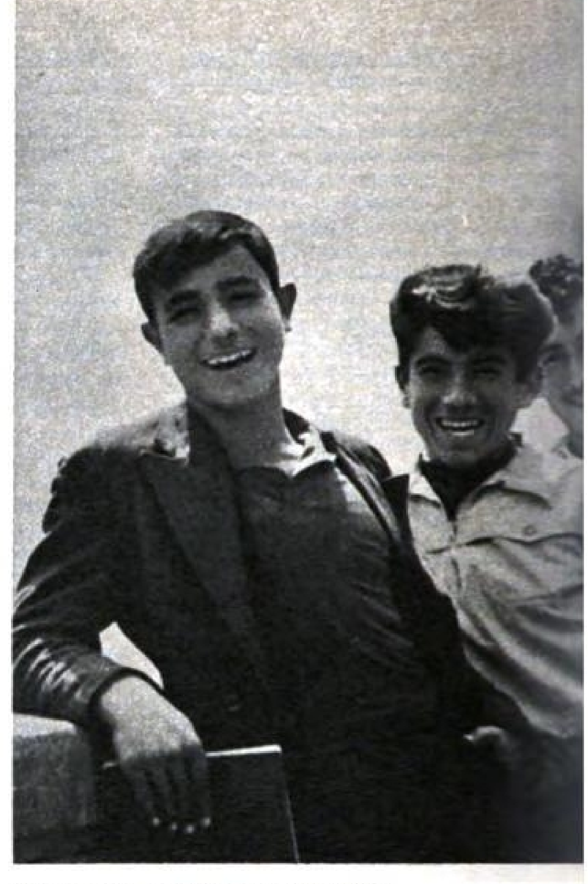
С каждым туром острее, драматичнее становится борьба нашей пятерки. Тут, пожалуй, лишь Спасский может не нервничать. Он на очко опередил своих коллег. Рядом идут Бронштейн, Смыслов и Таль. Но уже в этой тройке есть один лишний. И к тому же нельзя забывать о Штейне. До конца осталось 8 туров. Похоже на то, что только в самом последнем туре мы узнаем имя победителя и имена двух советских гроссмейстеров, которые не будут допущены к дальнейшей борьбе по... географическим данным.

Чем ближе финиш, тем чаще можно слышать резонные упреки из уст настоящих спортсменов: кто придумал эту систему? Разве это настоящее первенство мира? Разве это может быть правильным, что, например, Корчной на расстоянии, а Геллер в турнирном зале в Амстердаме следят за тем, как Бергель из Австралии проигрывает 13 партий из 15?! Мы не хотим винить Бергеля, он не виноват, что проигрывает, он не виноват, что участвует. Подумать о реформе проведения первенства мира надо ФИДЕ. В первенстве мира должны участвовать только гроссмейстеры, и то не все, а лишь активные, ведущие.

Амстердам, 9 июня.
По телефону.

Т. ВОЛЖИНА

Фото Я. РЮМКИНА.

Они учатся, чтобы стать химиками.

ГОРЫ И

Там, где река Дебет, прорвав кольцо скал, образовала узенькую долину, несколько столетий назад поселились люди. Поселение на берегу Дебета стало называться Алаверди.

Жители Алаверди и прилегающих к нему сел издавна занимались выплавкой меди из местных руд. В 1763 году тут были основаны первые литейные цехи.

Алавердские медеплавильни стали прибыльным делом. Скоро их прибрали к рукам французские концессионеры, и много лет все, что добывалось алавердцами, вывозилось во Францию.

После Октябрьской революции концессионеры убрались восвояси, законсервировав медеплавильни. Несколько лет в Алаверди не дымили трубы. В 1923 году Советы Закавказья издали постановление о реконструкции медеплавилен. Строились отражательные печи, суперфосфатный и меднокупоросный цехи. Маленькие медеплавильни превратились в меднохимический комбинат.

Город рос. Лоринское ущелье заметно менялось. Все чаще и чаще горы оглашались паровозными гудками. От Еревана до Алаверди заземлилась шоссейная дорога. В городе, кроме комбината, вставали другие предприятия.

Газы — отходы медеплавильного производства — портили городу вид, а его жителям — настроение и одежду: каждая капля дождя (в особенности моросящего), соединяясь с сернистым газом, превращалась в каплю серной кислоты.

Сернистый ангидрид... Ценное сырье уходило в воздух.

В начале 1935 года в Алаверди началось производство серной кислоты из отходящих газов.

Кислоту добывали башенным способом. Но газ использовался еще далеко не полностью. Кислота выходила недостаточно очищенной от примесей и недостаточно крепкой — семидесятипятиградусной. Стоила же она довольно дорого, ибо для ее получения приходилось применять другую кислоту — азотную. Алавердские химики искали более рациональный способ производства серной кислоты.

Теперь на комбинате башенную систему заменили более прогрессивной — контактной. Результаты не замедлили сказаться. На обработку тонны продукции вместо 60 килограммов азотной кислоты, необходимой при башенном способе, уходило всего 12 граммов контактной массы. Выпуск серной кислоты увеличился в четыре раза, а качество ее намного возросло. Из контактной системы кислота выходила чистой, без медных примесей.

В Алаверди пока пущена первая очередь производства кислоты контактным способом. К концу этого года закончится строительство второй, а до конца 1965 года — третьей и четвертой очереди.

Целые составы из белых железнодорожных цистерн с ярко-красной надписью «СЕРНАЯ КИСЛОТА» ежедневно уходят из Алаверди. Они идут во все концы нашей страны и за ее пределы. Кислоту ждут на многих предприятиях тяжелой и легкой промышленности, а главное, на полях.

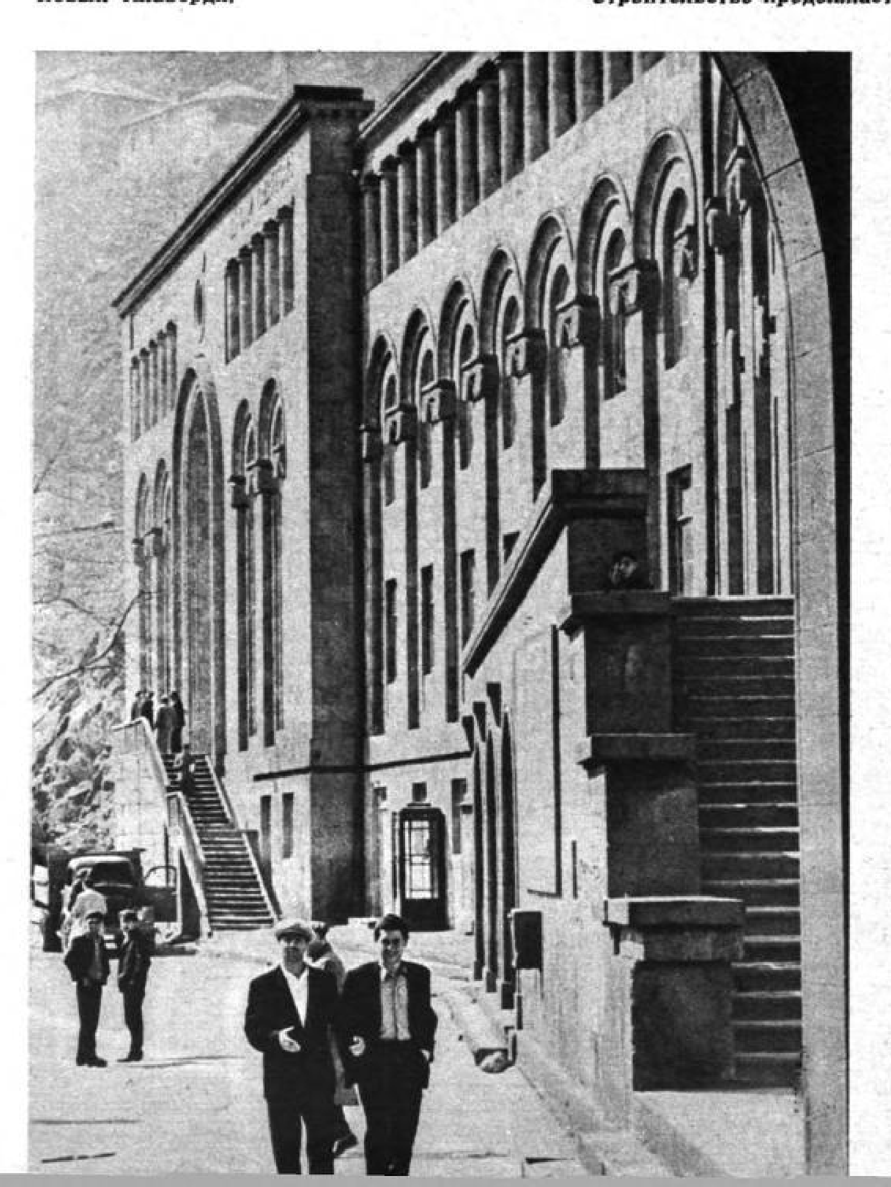
Алаверди отмечает свое двухсотлетие. Но каждый, кто взглянет на него, не усомнится, что это очень молодой город.

ГОРОД

Новый Алаверди.

Строительство продолжается. ▶

На строительстве Алавердинского химического комплекса работают монтажники-верхолазы: армянин Юра Шахвередян, грузин Володя Бедишашвили, молдаванин Владислав Повстянко.

Фото Я. Рюмкина.

Сергей БОГАТКО

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Весело бегут олени — по льду дорога ровная. Ровная дорога — река Иликан. Легко оленям идти: у каюра Сангалаева песня хорошая, ботала звонкие, говорливые.

Скоро ночь, плохо ночью идти: сильно холодно; наледи стерегут: ну-ка промахнись!.. Ветки тонкие над тропой висят, морозом схвачены, как стальные, темно, не видно, все в глаза целятся; стегнет по носу — ничего, только слезы выступят да у инженера очки вспотеют, а в глаз не надо: без глаза какая охота, не тайгой ходить — внуков нянчить, сказки им рассказывать. Олень лучше видит, он рога качнул, ты голову нагни, глядишь, и пронесло ветку.

Третий день в пути, оленям нужен отдых. А инженер Дмитрий Иванович скорей, скорей, говорит, сегодня надо на прииск попасть. Торопился. Целый месяц ходил, лед на реках мерял, в палатке мерз, теперь просит: довези меня, Трофим Иванович Сангалаев, за три дня на прииск. В отпуск торопится. Мне карточку показывал, там девушка Наташа — ничего, красивая, глаза большие, совсем круглые. Летом сюда приедет. Дмитрий Иванович для нее ружье купил. Сильно хорошее ружье! В комнате оставил, пусть, говорит, это подарок будет. Сильно любит свою Наташу, на девчат с прииска не смотрит даже. Катя-учительница все ему письма посылала, да, видно, зря.

Хороший человек инженер, хоть и молодой. В наших краях два года всего, а тайгу понимает, оленей понимает. Другой или кричит, сердится, или крутится, вроде помогает, когда не надо, мешает только, тьфу! Дмитрий-то Иванович ругает правильно, помогает правильно, разговаривает хорошо — правильный человек.

Внук Кешка вырастет, тоже правильным человеком будет, учиться поедет, на самолете полетит, который небо чертит белым следом.

Холодно стало. Ну да ничего, от мороза шуба есть теплая; а в шубе замерз — за нартами беги, грейся; устал бежать, все равно замерз — песни пой: песни поешь — греешься.

Тропа бежит белая, снег синий, скоро совсем темным станет, ночь близка. Сколько дорог пробежали олени твои, Трофим Иванович, сколько следов оставили лыжи, кто посчитает!

Кешка вырастет, будет железные тропы класть.

— Эй, белый, чего в сторону тянешь?! С-с-с!

Старик нагнул голову: жгучий ветер дохнул из ущелья, опалил лицо.

Вьется нартовый след по реке, огибает вздутые ледяные шапки. Давит реку мороз ледяными тисками и сверху и снизу, сожмет накрепко, думает: задушу воду. Река не сдается, упрямится, и чем злее холод, тем вода сильней. Не выдержит лед, ахнет, сверкнет трещиной, и вырвется вода со свистом на волю. Лютует мороз и корчится, трещит вода, пар стоит над рекой. Говорят тогда: «Закипел Иликан». Так до весны борется вода с морозом, а людям это забота лишняя.

Хорошо олени бегут, ровно. Двадцать лучших рогачей впряжены в десять нарт — две связки. Нарты почти пустые, только на двух люди: на передних оленевод Сангалаев, второй связкой правит Дмитрий Иванович. Так всегда: в тайгу — много груза, оттуда — налегке. Остальные олени, хворые и малые, бегут сзади. Все стадо вместе, а считать не надо — примета плохая. Справа облачко пара от дыхания висит — хнус потянул. Собаки убежали вперед, что-то долго их нет.

Нарты выпрыгнули на гладкий, скользкий лед. Здесь недавно разлилась наледь и замерзла. Хорошо оленям по снегу идти, а на голом льду плохо: ноги разъезжаются, нарты заносит.

— Тс-с-с-с!

Молодые олешки отстают, быстро-быстро перебирают копытцами, расползаются ноги: слабы еще на льду держаться. Вон беленький, копытца черные, рожки тонкие, как прутики, совсем боком бежит, отстает от мамки: устал. Утром всегда первый подбегает, тычется мягкими губами, лижет ладони теплым языком — соль ищет. Ласковый.

Нужно сегодня на прииск попасть, километров двенадцать осталось, а день короткий, солнце только скользнуло по сопкам и спряталось; темно.

* * *

Зря торопились, видно, не суждено было попасть в этот день на прииск. Виновата во всем Найда: это она первая учуяла свежий сохатиный след на берегу. Поджав лапу, замерла на секунду, точно раздумывая, и понеслась легкими прыжками к темной щетине кустов. Батар увязался за ней. Рядом со стройной эвенкийской лайкой он казался медведем. Черная лохматая шерсть, мощная грудь с белым пятном, небольшие отвислые уши, но, пожалуй, больше всего сходство с хозяином тайги Батару придавали глаза — черные на черной широкой морде, они были посажены совсем рядом, и выдавал их только мрачный блеск. Внешность обманчива: на всем прииске не было пса добродушней и верней Батара.

Когда звон колокольчиков стал едва слышным, собаки бросили след и кинулись догонять. Они летели по льду, как две черные тени, легко и бесшумно.

Вот тут-то и поднялась паника. Бежавшие сзади оленята, почувствовав, что их настигают, растолкали хворых оленей, кинулись под защиту к мамкам, впряженным в нарты. Хворые, не поняв, в чем дело, тоже прибавили ходу. Ощутив страх малышей, оленухи рванулись, смятение обуяло все стадо.

Охваченные ужасом, олени дикими прыжками понеслись вперед. Люди пытались развернуть, остановить животных, но они, одурев от страха, неслись, не разбирая дороги, пока не врезались в наледь.

Тонкий ледок, только что схвативший воду, раскололся, нарты опрокинулись, путаясь в постромках, олени падали в воду, лезли на нарты, рвали упряжь.

— Лови маток! — пронзительно закричал Сангалаев.

— Черт их разберет, где быки, где матки! — Задохнувшись от колючей воды, инженер потянул за уздечки двух первых попавшихся.

Справа судорожно захрипел, закатывая глаза, здоровенный сохач: веревка перетянула ему шею. Дмитрий полоснул ножом по удавке, сильно дернул за рог и пинком поднял быка из воды.

Возмущенные глупостью оленей, собаки лаяли на них, не давали разбегаться. Бродя по колено в воде, Сангалаев и инженер быстро распутывали животных, вытаскивали нарты на сухой лед. Завтра мороз закует так, что топорами не вырубишь. Холод пронизывал тело; и нарты, и олени, и люди — все покрылось льдом.

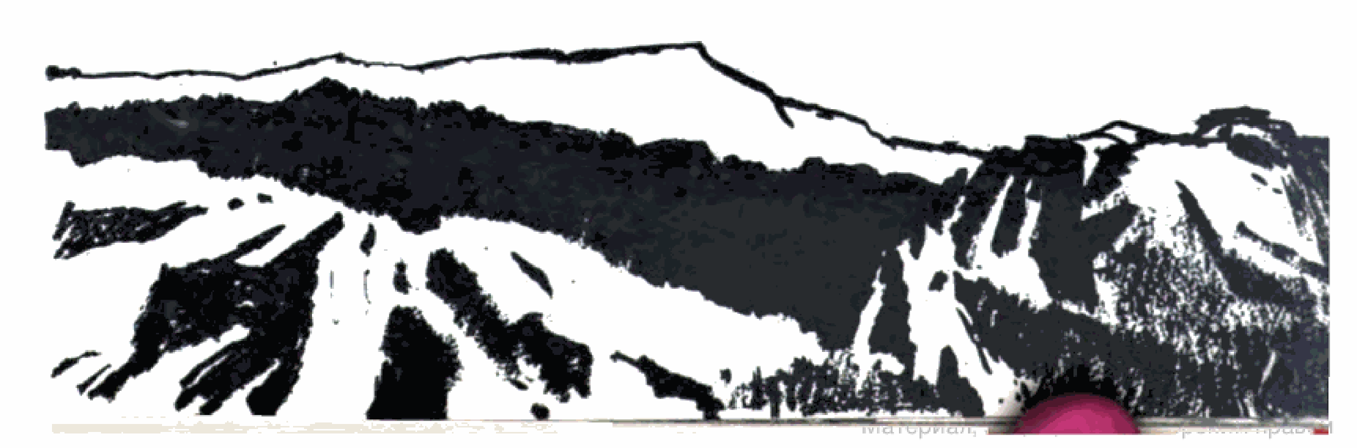
Волоча по снегу каменные унты, Дмитрий и Сангалаев выбрались на берег.

— Скорей огонь!

Потом они молча сидели у костра, Сангалаев чинил упряжь, Дмитрий пристально и хмуро глядел на красные языки пламени.

Он получил письмо пять недель назад, в тот день, когда уходил в маршрут. Это было письмо, полное любви и отчаяния. Буквы разбросанные, торопливые строчки оборваны. В их любви за два последних года — три дня в гостинице аэропорта и редкие недосказанные письма.

Никогда раньше Дмитрию не было так тяжко. Не было и маршрута трудней. Они сделали в пять недель то, что рассчитано на три месяца. Его товарищи во сне стонали от усталости, а утром снова поднимались и грубой бранью встречали мороз, лед, липкое, поседевшее от инея железо. А вечерами опять раз-

гребали снег, ставили палатку и, отогревшись у печки, молча ели и засыпали. Никто из них не сказал Дмитрию ни слова в упрек, никто не заикнулся об отдыхе, об охоте. Хуже всех приходилось Славке Рудометову: его нежная кожа на лице почернела, нос, щеки, скулы покрылись коростой. Потом, когда все было кончено, они остались в зимовье отдохнуть, а Дмитрию Рудометов сказал только: «Не опоздай к Новому году!»

И вот еще один день был потерян. Завтра 26 декабря, а впереди сотни и тысячи километров, шесть часовых поясов. Теперь он попадет на самолет только послезавтра.

На прииск пришли днем. В конторе толкались незнакомые молодые парни. Начальник экспедиции, высокий грузин лет тридцати, сидел на столе и рассказывал что-то очень смешное, от дружного хохота дребезжал жестяной плафон на лампе.

— Здравствуйте, Давид Артемович!

— А-а, Дмитрий Иванович, давно жду тебя, здравствуй, дорогой! — Начальник обнял инженера за плечи.— Посмотри, каких орлов тебе привез.— И, понизив голос: — Как тяжело людей было найти, понимаешь, очень тяжело! Знакомься со своим пополнением.

Дмитрий с удовольствием жал сильные руки и не старался запомнить имена: скоро он будет знать их, как братьев; в тайге человек раскрывается сразу. Парни с уважением разглядывали его походную «сбрую»; молодой инженер чувствовал любопытные взгляды и от души жалел, что не ему придется знакомить этих ребят с тайгой. Вспомнил, как два года назад он приехал сюда таким же восторженным новобранцем, эдаким покорителем Сибири, первооткрывателем...

Между крепкими фигурами протиснулась еще рука, он пожал ее и, подняв глаза, рассмеялся.

— Андрей, здравствуй! Что, кончил маршрут? Я-то думал, ты еще бродишь там, лед ковыряешь.

— Ты разбойник, Димка! Думаешь, забрал Славку Рудометова, забрал Сангалаева с оленями, так и не угнаться за тобой? Да знаешь ли ты, злодей, что такое бригада Вострикова?!

Имена друзей острой радостью отдаются в сердце.

— Не ворчи, старик, у тебя бронетранспортер был, вертолет к тебе летал.

— Вездеход — хорошо, вертолет — хорошо, а олени — лучше!

— А ты загорел, Андрюха, только вот лоб белый...

Начальник подошел к ним.

— Вот что, мужики, в обед приходите ко мне: инженера провожать будем. Успеешь к Новому году?

Дмитрий твердо кивнул.

— Успею.

— Вечером дадим тебе вездеход, поедешь в Дамбуки, оттуда завтра самолетом в Зею и так далее до Москвы и за Москву. Теперь вот что. Тебе, Дмитрий Иванович, наши искатели счастья наверняка целую тетрадку написали, что привезти с запада. Несчастный человек, весь отпуск по магазинам бегать будешь! Тетрадку эту — в печку! Привези нам механические бритвы «Спутник», пять штук, и зажигалок пятнадцать. Потом жребий бросим, кому что достанется,— обидно никому не будет. Вот так. Если надо задержаться там, телеграмму шли, отпуск тебе продлим, но смотри, работы много, нам тяжело будет.

Надрывно гудел вездеход, трещал лед под колесами. Проклятая наледь! Враскачку, с лебедкой, с подкопами несчастных полтораста километров пробивались досять часов. У северной дороги свой характор: километры измеряются минутами, метры — часами.

27 декабря. В Дамбуки машина пришла под утро. Было темно, но прииск уже проснулся. Из всех труб прямо в нобо поднимались белые столбы дыма, в окнах — яркий свет. Густой морозный воздух далеко разносит неторопливый стук электростанции.

Дмитрий пришел в аэропорт, как ему показалось, очень рано, но там уже толпились люди, обсуждая возможность перемахнуть через хребет, попасть в Зею. Начальник аэропорта, большой, плотный мужчина в лохматых волчьих унтах, слушал Дмитрия, болезненно морщился и повторял: «Завтра, только завтра...» Взгляд его равнодушно скользнул вниз; увидав на ногах инженера пилотские унты, начальник как-то смягчился и сразу перешел на «ты»:

— Ладно, посиди здесь. Может быть...— И, заметив кого-то в окне, неожиданно легко выскочил из избы.

«АН-2» на подходе. Низкая комната загудела с новой силой. Дмитрий попытался проникнуть к кассе-амбразуре, однако не помогли широкие плечи; незлобно, но твердо он был выставлен за печку. Всем было некогда, и плечи золотоискателей оказались не мягче, чем у него.

Самолет ушел. Начальник порта объявил, что рейсов сегодня больше не будет, закрыл свою дверь на ключ и только у самого выхода повернулся к Дмитрию:

— Через час подойдет «ЯК» за почтой, попроси пилота, может, возьмет, тогда и билет выпишу.

«ЯК-12» был обут в легкие зеленые лыжи и потому сел прямо на реку. Открылась низкая широкая дверца, летчик вылез на лед, фигура его показалась знакомой. Дмитрий подошел ближе.

— Ба-а! Володька! Так это ты чуть у нас трубу не оторвал колесом?

— Тю! Димка, где тебя черти носили столько времени? Я уже думал, что скрючился где-нибудь в тайге... Летишь? Давай почту растолкаем поудобней, чтобы начальник не ворчал.

Вскоре они повисли над широкой белой лентой Зеи. Самолет набирал высоту, чтобы перепрыгнуть хребет Тукурингра. Они сидели рядом, пилот и инженер. За спиной почта: ящики, мешки, пакеты. Владимир показывал на приборы, что-то объяснял, Дмитрий кивал головой, заглядывал вниз на сопки, на высящиеся впереди склоны гор, на реку, поперек прорезающую хребет.

Правая лыжа висела над горами, на ней налепились комочки снега, под лыжей такая пустота, что пятки щекотало: вдруг дверца откроется?

Летчик сдвинул наушники.

— Дима, покажи, где плотина будет. — И слегка наклонил машину.

У инженера замельтешило в глазах, он напряг брюшной пресс, чтобы придавить заскучавший желудок.

— Так вот же они, Зейские ворота, прямо от мыска и пойдет. Природа сама позаботилась. Идеальное местечко, лучше не найти. Всего метров семьсот по гребню плотины.

— Как ты думаешь, Дима, скоро начнется?

— Скоро загремит так, что только поворачивайся. Переучивайся, брат, на турбовинтовые, пока не поздно, на днях откроют авиалинию Зея — Брюссель — Гавана.

Летчик презрительно хмыкнул.

— Эка невидаль — быстрее звука! Ты попробуй между горами летать да присаживаться не на бетонку, а за кривую березу. Нет, я хочу на вертолет, это интересней!

У самых Зейских ворот небольшой городок подернут морозной дымкой; клуб, кинотеатр двухэтажный, маленькие домишки, огороды, городская баня — белый дым валом валит из трубы.

— Ты как насчет?..— Летчик сделал скорбное лицо.

Инженер пожал плечами и тут же прикусил язык: самолет стал быстро проваливаться.

Вечером Дмитрий трясся в маленьком автобусе. До железной дороги 120 километров.

К полночи он был на маленькой станции Тыгда, читал расписание поездов на восток, на запад. Ему на запад. Время московское — плюс шесть часов.

Ночной вагон, сонные проводники. Сколько же он не спал?

Пустой зал ожидания на станции Магдагачи, гулкие шаги по клетчатому каменному полу.

Почти два года не держал в руках телефонную трубку, только рация дважды в день.

— Аэропорт? Скажите, как добраться к вам? Я лечу в Москву... Прием!

Девушка удивилась и ответила тоже очень лаконично:

— Будьте в зале ожидания, пришлем за вами машину.

— Понял вас, хорошо. Буду ждать...— Дмитрий изо всех сил старался не говорить лишнего и все же не выдержал, произнес не своим голосом, как заклинание: — Прием!

Девушка хихикнула и положила трубку.

Через час он задумчиво стоял в номере гостиницы аэропорта. Роскошная деревянная кровать, застеленная ослепительными простынями, ковровая дорожка, современный шкаф, письменный стол, люстра в три рожка, телефон (было бы кому звонить).

Дмитрий поборол первобытный страх перед цивилизацией и заставил себя провалиться в воздушную яму пенопластового матраса.

В темную комнату заглядывали уличные фонари. Дмитрий посмотрел на часы: пять утра. Надо заснуть, завтра к ночи буду в Москве, послезавтра увижу Наташу... Кровать повисла в пустоте, тихонько покачнулась. Он открыл глаза и увидел утро в застывшем окне. Десять часов! Проспал! Наскоро одевшись, он выскочил в вестибюль.

— Вы куда? — Припухшие глаза дежурной смотрят на него укоризненно.— Спите себе, разбужу, когда надо.

— Но по расписанию...

— Видите, какой туман? Мороз, и ветра нет, раньше двенадцати не придет ваш самолет. Идите досыпайте...

Она потянулась и, подвернув пухлый локоток, опустила на него голову. Над столиком висел календарь — 28 декабря.

В первом часу дня «ИЛ-14» подрулил к зданию порта. По трапу спускались пассажиры — размяться, покурить на воздухе, съесть пирожок...

Чита, Улан-Удэ, сопки, снежные заструги на Байкале, черная полынья — исток Ангары; сильный боковой ветер, болтанка, милая по-

путчица с гигиеническим пакетиком в руках; наконец, Иркутск.

Иркутский аэропорт — благоустроенный муравейник. Непонятно, как диспетчеры разбираются в этой суматохе. Толпа вновь прибывших обступила барьер. Девушки в справочном бюро отвечают вежливо и толково. Порт явно перенаселен. Здесь пересекаются мощные авиалинии. Люди дремлют в креслах, бродят по буфетам, прогуливают детишек, и при всем том нет базарно-вокзальной суеты, нет одуряющего вагонного запаха.

— Если бы еще график был такой же железный, как на железной дороге...— Пожилой мужчина с портфелем на коленях словно прочитал мысли Дмитрия,— ...я бы сказал: «Да здравствует «Аэрофлот»!»

Дмитрий подошел к стойке справочного бюро.

— Как погода на трассе?

— В Москву? Не очень надежная, но самолеты пока идут.

Глубокий, спокойный голос радио:

— Объявляется посадка на самолет «ТУ-104», следующий по маршруту Хабаровск — Иркутск — Омск — Москва. Повторяю...

Мороз градусов под сорок, но без ветра. Девушка с красной повязкой повела несколько десятков мужчин и женщин к ледяной машине, стоявшей неподалеку.

Подошли к трапу. Какая-то заминка. Прибежала еще одна девушка, в меховых ботиночках.

— Товарищи, пожалуйста, пропустите иностранцев: они почти голые!

Пассажиры рассмеялись, посторонились.

— Давай, дочка, веди гостей!

Дмитрий никогда не видел почти голых иностранцев, разве что в кино.

Пожилой мужчина с портфелем под мышкой сдвинул свой меховой «пирожок» на макушку и сказал весело:

— Французы, туристы. Из Индонезии летят на родину.

Полтора десятка странных фигур в плащах с поднятыми воротниками, в беретах и кепочках, натянутых на щеки, рысцой приближались к самолету. Высокий брюнет, поравнявшись с Дмитрием, глянул на него, чуть усмехнулся в ответ на широкую улыбку и, не вынимая рук из карманов плащика, поразительно быстро и звонко застрекотал по ступенькам.

«ТУ» вырулил на старт и долго выл все громче, все тоскливей. Потом мягко двинулся с места и вдруг прыгнул, как из рогатки. Замелькали фонарики в окне, сливаясь в одну яркую полосу.

29 декабря. Аэропорт Омска переполнен: Москва не принимает. Дмитрий пробился к синоптикам, ему разрешили взглянуть на карты. Европейская территория затянута зеленым и желтым — дождь и туман от Ростова до Ленинграда. Барических проломов нет, значит, ветра не предвидится. Он снова подошел к старшему синоптику.

— Значит...

— Да, лучше добирайтесь поездом. Надежды на улучшение пока нет.

— Это пятьдесят два часа, я не успею.

Синоптик пожал плечами.

— Но мне действительно вот так надо...

— Вы спрашиваете совета, я вам отвечаю. Официально могу сказать то, что вы и так знаете: рейс задерживается до восемнадцати часов. Вот что, попробуйте-ка через Ленинград, он пока не закрыт, если уж так надо...

Ленинград принял хмуро. «ИЛ-18» долго кружился над городом, резал плоскостями серые рваные облака.

Душа Дмитрия пела, теперь уж он наверняка успеет к Новому году. Так он обещал Наташе, она ждет его к Новому году. Сегодня 30 декабря, завтра он увидит ее. Теперь на вокзал.

Утром 31 декабря «Красная стрела» подошла к перрону. Дмитрий привык к тому, что его никто не провожает и не встречает, но на этот раз ему стало как-то не по себе. Кругом слышались звонкие поцелуи, счастливый смех; у многих на глазах слезы радости. Он ступил на перрон, унты сразу промокли: лужи, слякоть, туман. Ну ничего, осталось каких-нибудь несколько сот километров.

Тяжелый грузовик летит по черной автостраде, на обочинах грузный, мокрый снег. Слева со звоном проскакивают встречные машины, и ветер заносит на стекло мелкие темные капли, «дворник» размазывает их по стеклу. Ровно гудит мотор, компрессор, время от времени сипя, сбрасывает лишний воздух, нагоняет дрему. На столбах появились трехзначные цифры — скоро он увидит Наташу.

И все-таки он не успел добраться домой, как хотел, к шести часам. Шофер остановил машину в небольшом поселке, буркнул:

— Вон там чайхана.

— Пойдем.

— Нет, давай только скорей, дома успею набраться.

Дмитрий забежал в буфет, хватил стаканчик какой-то кислой бурды и снова забрался в кабину.

— Все, что ли? — недовольно проворчал шофер.

— Поехали.— Дмитрий посмотрел на часы.— Восемнадцать часов, сейчас наши ребята встречают Новый год. Не сердись, браток, я обещал выпить с ними...

Шофер посветлел.

— А я-то думал: вот забулдыга, до дома доехать не может, не клюнув. Правильно. Слово дал — его держать надо... Где же они сейчас, в Иркутске?

— Нет, дальше, за Читой.

Шофер присвистнул.

В десять часов вечера Дмитрий открыл дверь института. У входа стояли незнакомые модно одетые парни с красными повязками на рукавах. Наверное, первокурсники. Один из них, высокий юноша в отлично сшитом костюме, с белой бабочкой, на лице железная непреклонность, преградил дорогу.

— Ваш пригласительный билет!

— Слушай, парень, я только что прилетел с востока, я должен быть здесь...

Двое повели Дмитрия в переполненную раздевалку, разыскали какую-то Шуру и тотчас ушли, он даже не успел поблагодарить их.

Поднимаясь по лестнице, Дмитрий непривычно чувствовал на себе черный костюм, белоснежную сорочку, невесомые туфли. Даже странно: здесь люди могут носить такую одежду каждый день...

Где же Наташа? Он звонил ей из дому и не застал. Конечно, пошла с подружками на вечер, в институт, ведь его дорога такая длинная, мало ли где мог застрять... Не сидеть же одной дома в новогоднюю ночь... Плохо она его знает: он обещал прийти к Новому году, и он пришел.

Праздничная толпа кружилась вокруг елки. Дмитрий устал удивляться, все теперь казалось ему нереальным, как будто он совсем не уезжал из этого города. Сибирь, олени, самолеты, костры у палатки, недели беспорядочной спешки... Может быть, это просто приснилось? Или быстрые пары в волнах музыки — это сон? Только улыбка Наташи, теплая и задумчивая, не может быть сном. Она здесь, он это чувствует... Дмитрий с трудом пробирался сквозь оживленную, смеющуюся толпу.

— Дима, привет! — Его потянули за локоть.— Откуда, какими судьбами?

Это был Григорий Косов, бывший однокурсник, гроза молодых поэтов, автор убийственных эпиграмм, вечный насмешник, он же талантливый химик, он же неудачливый лирик, прятавший от друзей по общежитию свои нежные сонеты «со слезой».

— С востока, только что...

Косов покачал головой.

— Надолго сюда?

— В отпуск.— И спросил рассеянно: — Как у тебя?

— Ничего. Живу прилично, работа интересная: делаем большую химию. Читал, небось, в газетах? Да, Мишку Привалова помнишь? Уже начальник участка. Похудел—смотреть страшно, а ломит, как танк...

Дмитрий внимательно посмотрел на товарища. Изменился Григорий Косов, прежде удивляло в нем странное сочетание мягкости и резкости, сейчас это стало скорей незлобивостью и собранностью.

— Ты не видел Наташу?

— Наташу? Нет, не видел. Слушай, Димка, давай к нам, в компанию. Соберутся старые друзья...

— Только не сегодня, я едва на ногах держусь. Ну, пойду.

Григорий придержал его за рукав.

— Я тебе вот что скажу...

На мгновение разомкнулась стена танцующих, и в конце бесконечно длинной просеки Дмитрий увидел Наташу. Она была очень далеко от него, в другом конце зала. Темноволосый мужчина стоял рядом с ней, и ее руки привычно бережно поправили ему галстук, скользнули по плечам. Еще Дмитрий увидел улыбку — теплую и задумчивую.

И больше ничего не было, только бесшумно кружились пары. Горячий свинец залил грудь и мозг, растекся, застыл в ногах.

Насмешливый голос Косова:

— Что, не узнал? Да, «ряд волшебных изменений милого лица»... Советую подойти к ручке. По субботам в ее салоне собирается настоящий паноптикум, то бишь местный «бомонд». Муженек ее балует... Что ты на меня уставился? Эх, дикарь, думаешь, как ты уехал, здесь жизнь остановилась! Два месяца как милая Гретхен стала дамою, и мне кажется, это всегда было для нее пределом мечтаний... Да что с тобой?

Косов с тревогой посмотрел в глаза Дмитрия и увидел в них только бесконечную усталость.

— Знаешь, тебе действительно лучше пойти домой...

* * *

На улицах, украшенных разноцветными огнями, каждая лампочка светится ожиданием Нового года. Редкие прохожие спешат к друзьям, к родным. Каждого ждет свое освещенное окно, близкие, дорогие лица, прозрачный звон бокалов, ласковое пожатие любимых рук. «С новым счастьем!»

Несколько молодых парней и девушек торопливо шагают наискось по дороге, ребята взяли девушек за руки, девушки почти бегут, едва ступая на каблучки. Звонкий, взбудораженный голос сообщает на весь город:

— А я ему говорю: «Ты нашу бригаду не трогай. На новом заказе мы вам так покажем и расскажем, что Павлик...»

Последние слова гаснут в плеске нетерпеливого смеха.

Дмитрий вернулся в пустую квартиру. Хорошо, что никого нет: никто ни о чем не спросит. Опустился в глубокое кресло.

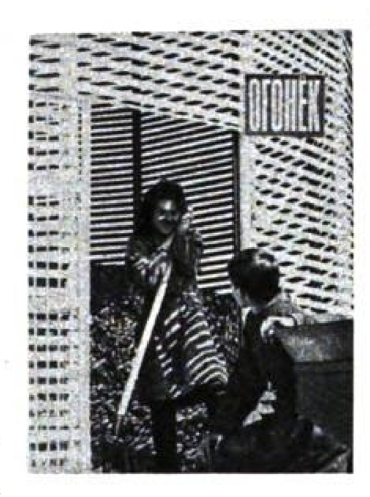
Большие часы с гирями ударили один раз — половина двенадцатого. Через полчаса Новый год. Дмитрию нестерпимо захотелось вернуться туда, за шесть часовых поясов, к друзьям. Он думал о сдержанной мужской дружбе, о чувствах, которые не мерятся расстояниями и временем. Он готов был сейчас же встать и пойти, но тяжесть многих дней дороги каменной плитой навалилась на плечи.

Друзья живут в новом году, а он еще в старом. Условность? Нет, это шесть часовых поясов. Тысячи километров дорог, олени, распадки, море огней под острым крылом самолета, вездеходы, игрушечный «ЯК», ночи без сна, дни беспокойной дремоты, дорога, дорога...

Свет настольной лампы режет глаза. Дмитрий медленно потянулся к выключателю, пальцы нащупали шершавый листок на кнопке. Он недоуменно повертел его, поднес к лицу: «Из Октябрьского Амурской». Быстро развернул бланк: «Пусть новый будет годом твоих сбывшихся надежд полным солнечных дней=Катя».

Мы рабочие...

Открытое поле

В. ПОЛЫНИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

...Мы учащиеся.

Что поделаешь, приходится начинать с избитого парадокса: агроном по образованию иной раз торгует в городе мороженым. Жаль государственных денег, истраченных на учение. Жаль место в вузе, доставшееся не по назначению. Жаль колхоз или совхоз, оставшийся без специалиста. Жаль специалиста: не вкусил человек счастья «вырастить два колоса там, где прежде рос один».

Мыслящих не по-обывательски прежде всего должна беспокоить польза дела. А она требует, чтобы каждый парень и каждая девушка, оканчивающие сельскохозяйственный техникум или вуз, стремились в колхоз, совхоз так, что их никакой силой в городе не удержишь.

Все сказанное — взгляды депутата Верховного Совета СССР, кандидата сельскохозяйственных наук, директора Тираспольского плодоовощного совхоза-техникума Сергея Ивановича Бабина.

Этот «худенький человек, который не знает усталости» (так высказался о Бабине за глаза его заместитель по учебной работе), с поседевшей шевелюрой, которая не столько старит его, сколько оттеняет нестареющую остроту взгляда, этот закоренелый производственник с мягкими манерами доброго учителя, человек, который так и не смог, сколько ни старалась

умудрить его жизнь, отказаться от романтического ее восприятия, именно он, Сергей Иванович Бабин, лучше и быстрее, чем кто-либо другой, должен был нащупать, найти трудноуловимое равновесие в сочетании труда и учения.

Все давно согласились с тем, что в учебном классе хорошего производственника не воспитаешь. Для этого вводились практические занятия. Металлургов посылали на практику к домнам, мартенам, к прокатным станам, агрономов — в колхозы, совхозы. Больше того, в сельскохозяйственных учебных заведениях дело удалось поставить лучше, чем в промышленных. Проще при сельхозинституте или сельхозтехникуме организовать свои парники, или сад, или поле небольшое, чем, допустим, построить при институте стали свою учебную домну или миниатюрный мартен. Выпускник сельхозвуза или сельхозтехникума, приходя с дипломом на поле, в огород, на ферму, не впервые видит, как цветет пшеница. Агроном, зоотехник, приходя в хозяйство на работу, все знает и все понимает. Но почему же в таком случае нередки парадоксальные дезертирства?

А потому — привожу слова Сергея Ивановича Бабина,— что иной выпускник вуза ли, техникума ли боится производства.

Когда в Молдавии в 1960 году решено было перевести техникумы из городов на территории совхозов, Бабин высказал секретарю ЦК республики свое мнение: «Не техникум в совхозе, а совхоз-техникум как единый организм».

Нельзя вырастить моряка на пруду, заведи в пруд хоть крейсер. Пусть школой будет небольшой катерок, но чтобы непременно выходящий в открытое море.

Нельзя, говорил он, вырастить овощевода на 29 парниковых рамах. Только на пяти тысячах. А пять тысяч рам — это уже не учхоз (учебное хозяйство), а совхоз. Это уже открытое поле.

С Бабиным согласились.

Теперь в Молдавии все семь техникумов сельскохозяйственного направления не просто переселены из городов в совхозы, но превращены в совхозы-техникумы. Учащиеся техникумов сделались рабочими совхозов. Разумеется, это нелегко: учиться работая и работать учась. Надо норму, план выполнять. Учащиеся третьего курса уже перестают получать стипендию и живут на зарплату. В руки, с которых только что смыта земля, приходится брать чертежные принадлежности. Следующим после урока литературы может быть урок по прививке виноградчой лозы, и надо надевать одежонку погрязнее, потому что в прививочном классе опять надо давать норму и, простите за грубость, вкалывать.

Кому приходилось сталкиваться с квалифицированными рабочими старой закалки, тот знает, какую трудную школу проходили они, прежде чем им доверяли ответственный заказ. Очень трудная была школа. Но каких рабочих ценят больше всего? Старой закалки.

Нет, будущему сапожных дел мастеру не обязательно проходить школу Ваньки Жукова. Но как часто у нас тачают сапоги люди, которые не в большей степени сапожники, чем пирожники или мороженщики!

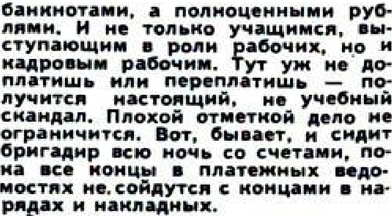
У учащихся совхоза-техникума семичасовой рабочий день. Они укладываются в программу и общеобразовательных и специальных дисциплин и успевают там и тут, потому что учебный корпус (тут его называют лабораторным, так как все ведь в совхозе учебное: и фермы, и мастерские, и парники, и сады, и поля, и огороды, и виноградники) стоит в двух шагах от земли, на которой совхоз-техникум выполняет плановые задания по производству продукции. А земли в совхозе около тысячи гектаров.

Спросишь у ребят: «Трудновато, наверное, приходится?» Отвечают: «Ничего». Хотя известно, что сельскохозяйственный учебный день не всегда ограничивается семью часами.

А иногда, случается, парню для работы-учебы и светлого дня не хватает, всю ночь не спит. Почему не спит? Каждый должен в процессе обучения пройти все специальности — от рядового рабочего до бригадира. А бригадир (каждому приходится побыть в его роли в течение недели) обязан не только покрикивать на подчиненных, но и заработную плату им начислять. А так как практика проходит не в учебном хозяйстве, а на истинном производстве, то и зарплата выдается не игрушечными

Здесь один вредитель, и тот обезвреженный. ...а здесь их миллиарды.

банкнотами, а полноценными рублями. И не только учащимся, выступающим в роли рабочих, но и кадровым рабочим. Тут уж не доплатишь или переплатишь — получится настоящий, не учебный скандал. Плохой отметкой дело не ограничится. Вот, бывает, и сидит бригадир всю ночь со счетами, пока все концы в платежных ведомостях не сойдутся с концами в нарядах и накладных.

Совхоз-техникум — трудная школа. Но зато уж школа! Зато фирма! И марка этой фирмы поднялась в Молдавии уже очень высоко. Из институтов, академий берут специалистов в колхозы и совхозы Молдавии с придиркой, с отбором, а тираспольцев-техникумцев — нарасхват. Умоляют в каникулярное время командировать третьекурсников в хозяйства и сразу ставят их на должности и. о. главного агронома.

Уже сотни полторы делегаций из других республик приезжали в Молдавию посмотреть, как это можно доверить учащемуся производство, а производственнику — педагогику (в совхозе-техникуме все специалисты являются в то же время и преподавателями теории). Оказывается, можно. Надо только, чтобы педагог был производственником, а производственник не был лишен педагогической жилки.

Надо только, создав совхозы-техникумы, поставить во главе их людей, похожих на Сергея Ивановича Бабина, и дело пойдет.

Практика.

◀ Сергей Иванович Бабин.

Теория.

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

Путешествие в Зол

Я был строителем этого города на берегу Охотского моря и знаю каждую пядь его.

Когда Магадан объявили городом, «Нью-Йорк таймс» писала: «Русские строят мертвый город. Магадан ждет участь Даусона...»

Даусон, возникший на Аляске во времена золотой лихорадки, теперь действительно мертвый город. Стихла золотая лихорадка, и Даусон умер.

Магадан же растет и будет расти, даже когда из вечной колымской мерзлоты возьмут последний грамм золота. Я строил здешние дома и школы в не очень-то веселое для себя время. Воспоминания о том времени крепки и горьки, как цветы бессмертника, и все-таки я люблю этот город с его разноцветными зданиями, шестигранные плиты его тротуаров, улицы его, продуваемые злыми охотскими ветрами.

Брожу по городу и не узнаю давно знакомых мест. Новые кварталы взбираются на голое плоскогорье, надвигаются на берег бухты Нагаева. Высокие здания устремились в противоположную сторону — к бухте Веселой. Красными стрелами врезались в ночное небо ажурные мачты телецентра и радиомаяка. Зеленовато светятся рекламы магазинов, с высоты Ленинского проспекта уходят в тайгу тяжеловозы.

Город и ночью живет темпераментной, стремительной жизнью, и я люблю его в любое время. Люблю в белые июньские ночи, и в густые промозглые туманы, и в оранжевые дни сентября, и когда он подкрашен отблесками полярного сияния.

Смотрю на школу-десятилетку, и мне приятно: я строил ее. Гулко хлопает дверь телеграфа, и мне весело: я когда-то навешивал эту тяжелую дверь. Сияет огнями электростанция, и мне хорошо: я рыл для нее котлованы.

Но больше всего люблю я встречаться с колымскими старожилами: эти люди на всю жизнь очарованы Севером. Неодолимая, притягательная мощь Севера сказывается на всех давно живущих здесь.

В годы культа личности Колыма была лагерной снежной тюрьмой без стен. Немало славных людей (имена их не вычеркнешь из истории нашей партии и революции) погибло здесь. Среди этих имен есть одно особенное, с ним неразрывно связана история Колымы.

Его звали Эдуардом Берзиным. Это он был командиром отряда латышских стрелков, охранявших Кремль и Ленина в тревожном восемнадцатом году. Это он раскрыл контрреволюционный заговор Локкарта — Рейли. Английский дипломат Локкарт и международный шпион Рейли предложили Эдуарду Берзину миллионы золотых рублей, чтобы он арестовал Ленина и Советское правительство. По совету Дзержинского Берзин проник в логово заговорщиков, и они были разоблачены. Английская разведка заочно приговорила Берзина к смертной казни, Деникин грозился повесить его.

В тридцатом году Эдуард Берзин был назначен начальником Дальстроя. Он основал Магадан, открыл первые золотые прииски, начал строительство великой северной трассы от берегов Охотского моря к берегам реки Алдана.

В тридцать же седьмом году Берзин был оклеветан и погиб.

Партия восстановила революционную законность, и легендарное имя Эдуарда Берзина снова засверкало героикой первых дней революции. Его именем называют прииски, ему посвящают свои стихи поэты, историки пишут о нем статьи.

Мне надо ехать в тайгу, в Омчакскую долину. Ведь это из-за нее полетел я на Север, ровно за десять тысяч километров. Я уже пятнадцать лет стараюсь забыть про Омчакскую долину и не могу. Суровая, морозная, с голыми вершинами сопок, с каменными осыпями, леденящими речушками, она возникает в моей памяти, и все время тревожит, и все зовет к себе.

Сегодня я снова еду в Омчакскую долину.

Ночью на мосту

— На Тещином языке мыло. Не пробьешься! Не мучай пассажиров, вертай обратно! — Водитель встречного такси разговаривает с нашим, небрежно облокотясь на руль и высунув голову из кабины.

— Тоже мне, Тещин язык! Мы, брат, везде пройдем. Какие наши годы, пройдем! — хвастливо отвечает наш водитель, тоже с нарочитой небрежностью облокотившись на руль.

Холодно, но водители в одних пиджаках, с расстегнутыми воротниками рубашек. Роскошные бороды словно приклеены к молодым румяным лицам. Этот новый, особенный шик колымских шоферов — налегке ездить в далекие таежные рейсы — бросается в глаза. Раньше, собираясь в тайгу, мы одевались теплее.

— Ну, смотри, тебе жить! Мое дело — предупредил, и будь здоров,— снисходительно отвечает встречный.— Я на Тещином языке два часа бился.— Он ухмыляется в черную курчавую бороду и скрывается за поворотом.

От Магадана до Омчакской долины шестьсот километров. На этой трассе нам предстоит преодолеть несколько перевалов, и первый из них — Тещин язык. Маршрутное такси скользит над голыми обрывами, пересекает таежные речушки, крутится вокруг сопок.

Мой спутник Павел Яковлевич Рокатянский — начальник охраны приисков, но облик его не вяжется со строгой и беспокойной профессией. От Рокатянского веет романтикой.

Он постоянно разъезжает по тайге, спит где попало, ест что придется. Бороться с похитителями золота (пусть их мало, но они на Колыме есть) — дело нелегкое и опасное. Рокатянский не жалуется на свою профессию, но и не в восторге от нее.

— Дома бываю редко. Раз в месяц езжу к жене с визитом дружбы,— говорит он и досадливо морщит губы.— Мне бы надо быть оленьим зоотехником. Люблю животных. С удовольствием работал бы в оленьем колхозе. А вы знаете, почему оленей не пасут около озер? — задает он неожиданный вопрос и, не дождавшись ответа, объясняет:— Олени боятся своих отражений в воде. Поэтому их пасут вдалеке от озер. А по-моему, это чушь! Страх животного перед собственной тенью — ерунда это! — Рокатянский чему-то усмехается и опять спрашивает: — А вы не знаете, что в Магадане свой микроклимат? Нет? На разных улицах в одно и то же время разная температура. Точно вам говорю. Сам проверил. Ходил с термометром и сравнивал.— Красивое молодое лицо моего спутника темнеет в наступающих сумерках.

Такси приближается к Тещиному языку и долго огибает оголенный каменный выступ. Над перевалом, над соседними сопками возвышается похожая на вулкан вершина. Над вершиной развернулось гигантское облако, ветер относит его на юг, и кажется: вершина плывет в небе, как парус.

Машина с ревом рвется на перевал, но обессиленно сползает обратно. Трасса покрылась ледком, и такси не в состоянии взять крутого подъема. Водитель вылезает из кабины и, склонив голову набок, мрачно смотрит под колеса.

— Вот попали теще на язычок! Что ж, друзья-пассажиры, подтолкните машину. Не ночевать тут...

Мы толкаем машину час, второй. Давно наступила ночь. Нас выручает подошедший грейдер: он осторожно выталкивает такси на перевал.

Такси скользит с перевала в темную долину, как в пропасть. Схваченный лучом, мечется заяц; откуда-то появляется полярная сова. Взмахнув испуганно крыльями, она взмывает перед радиатором.

— Скоро будет большая река,— информирует Рокатянский.— И скоро об этой реке прокатится слава по всему Северу.

Он называет реку, я ее хорошо помню: таких на Колыме сотни, если не тысячи. Но теперь на ее берегах нашли золото. Дикое, сказочное, невероятное! Совершенно уникальная жила, и Рокатянский говорит о ней трепетным шепотом:

— Стыдно сказать, боюсь, не поверите.— Он называет фантастическую цифру.— Нелепо? Вижу, не верите...

Я действительно не верю. Мне приходилось иметь дело с золотом, и то, что сейчас рассказывает Рокатянский, звучит побасенкой.

Вот и невидимая в ночной мгле река. Такси начинает пересчитывать доски моста и останавливается. Водитель опускает на колени руки.

— Мельтешит в глазах. Утомился. Посижу часок, и поедем дальше.— Он склоняет голову на руль и засыпает.

Над нами непроницаемо угольное небо, и на нем, будто вырезанные из сизого картона, сопки. Я настраиваю карманный радиоприемник. Слышится отдаленная музыка, потом голос магаданского радиодиктора. Он передает последние известия:

— Разведчики недр Чукотки добились новых успехов... Магаданская область—валютный цех страны — пополнится новыми месторождениями... Омчакская долина выполнила годовой план по добыче...

...Всего лишь тридцать три года прошло с тех пор, как большие и неожиданные события обрушились на Дальний Север и навсегда сокрушили его безмолвие.

Там, где кочевали якуты-охотники и орочи-рыбаки, задымились костры геологических партий, заколебались под ветром их брезентовые палатки.

И лодки их заскользили по темным водам колымских рек и озер.

По оленьим тропкам, по зыбким марям, по горным «прижимам» шли в глубину тайги геологи.

Они искали золото в лесах Среднекана и Хатаннаха, в верховьях Колымы, Дебина и Омчака.

И олово в холодных суксуканских горах.

И каменный уголь в сопках Аркагалы.

И редкие металлы в ущельях Хениканджи и Берелеха.

Оленьи тропинки, медвежьи следы, русла речушек превратились в автомобильные дороги, у золотых месторождений возникли прииски и рудники. На географической карте Севера появились имена прославленных писателей, знаменитых полководцев, русских землепроходцев, их именами назвали новые поселки и предприятия.

В начале Отечественной войны была открыта Омчакская долина. Даже бывалых геологов поразила она своими богатыми россыпями.

По приискам Омчакской долины то и дело прокатывались веселые слухи о новых неожиданных находках.

ОТУЮ ДОЛИНУ

Федор Федорович

Желтый язычок свечи колеблется над столом. Стены райкома партии подрагивают от непрерывного и мощного гула. Улицы и дома Усть-Омчуга погружены в сумерки: всюду выключено электричество. А за поселком, судорожно освещая сопки, полыхает зарево, там работает драга — огромный плавучий золотодобывающий завод.

От райкома партии до драги по прямой не больше трехсот метров. Гул ее и отсветы ее огней проникают в райком и в соседние дома. Драга забирает всю энергию районной электростанции, и жители ужинают при свечах. Они ложатся спать и просыпаются под гул драги, но никто не жалуется на неудобства. Никто не пугается, что плавучий завод медленно приближается к центру поселка. Золотая россыпь делает неожиданные зигзаги и повороты. На ее прихотливом пути стоит райцентр, все его дома и учреждения под угрозой сноса.

Драга царствует над поселком и над помыслами людей.

Руководитель местного радиовещания Федор Федорович Безбабичев, высокий, гладко выбритый старик, то и дело поднимает телефонную трубку. Поблескивая рыжими очками, отвечает коротко:

— Дневная смена сняла большую порцию золота. Сплошь мелкие самородки. Какие весом? Да так себе, от пяти до пятнадцати граммов. Сколько дражникам осталось до годового плана? Четыре процента, но это такие проценты, что душу еще помотают. Что? Последние известия? Через полчаса слушайте последние известия...

Федор Федорович вешает трубку, энергично трет сухую щеку, пепельные волосы рассыпаются по морщинистому лбу.

— Вот так, брат, мы и живем — заботою о четырех процентах. А россыпь-то уходит прямо под райком. Вероятно, придется сносить и райком, и клуб, и гостиницу. Ничего не попишешь! Да и кто мог предполагать, когда строили Усть-Омчуг, что здесь золото?

Недавно Безбабичев отпраздновал сразу два юбилея: сорок лет пребывания в партии и двадцать пять лет жизни на Колыме. У него трудная судьба. Оклеветанный во времена культа личности Сталина, он был репрессирован и так же, как я, находился в Омчакской долине. После реабилитации Безбабичев решил остаться на Колыме.

— Изменилась ли Омчакская долина? — переспрашивает он. — Поедешь — увидишь. До Омчака, сам знаешь, рукой подать — двести верст. А у нас, тоже ведь знаешь, двести верст не расстояние.— Он смеется добрым смехом и поворачивается к окну, озаренному мигающими огнями драги. — Эта махина принадлежит прииску Гастелло. Теперь Гастелло объединил все прииски Омчакской долины. Наши полигоны принадлежат ему... Да, вот так-то, брат! Мы с тобой гоняли тачки, звенели лопатами, а сейчас драги, гидромониторы, экскаваторы, бульдозеры... На руднике Белова подземные электровозы. А на полигонах механические промывочные приборы. Мы промывочный прибор обслуживали в триста рук, а теперь на нем один безусый юнец. Кстати, ты знаешь, сколько весит драга? Две тысячи тонн! Когда эту штуку везли из Омчакской долины к нам, пришлось все мосты на трассе перестраивать. Развалились бы к чертовой матери!

Федор Федорович ставит локти на стол, кладет на стиснутые ладони голову.

— Я и не гадал, что на всю жизнь заболею Севером. Убей на месте, а не найду определения своим чувствам. Как это объяснить, что места, где ты страдал, где ты был каторжником, стали твоими родными местами? Не могу объяснить. А ты можешь? Тоже нет? Вот то-то и оно-то! Сорок лет моей жизни связаны с партией, и когда мне возвратили партийный билет, я неожиданно для себя понял: не в силах уехать отсюда. Здесь не хватает людей, здесь нужны коммунисты. И решил остаться на время. И вот остался совсем.— Он убирает от лица ладони, весь становится строже, сосредоточеннее. — Да, у нас острый недостаток людей. Молодежь, приехавшая на Колыму по зову партии, отличная, нет, великолепная молодежь, но ее же надо учить. Я мечтаю, ох, как мечтаю об открытии в Магадане университета! Зачем завозить специалистов за двенадцать тысяч километров? Мы можем создавать своих — от геологов до учителей. А время агитации — езжайте, мол, на три года на Колыму — миновало. Нам теперь надо агитировать за семьи. Семья — вот основа жизни и развития Севера...

Колеблется на столе желтый язычок свечи, стены райкома вздрагивают от напряженного гула драги. Лицо Федора Федоровича расплывается в сумерках.

А где же Золотая долина!

Наконец-то я в Омчакской долине. Я так долго стремился к ней, что она стала казаться выдумкой воображения. По-прежнему тянется она на восемьдесят километров между голыми, унылыми сопками. На заиндевелых вершинах торчат одинокие карликовые березки, воды Омчака крутятся между терриконами и отвалами перемытых золотоносных песков. Старые терриконы и отвалы заросли уже почерневшей травой, пегими лишайниками, всемогущим кипреем.

Тридцать пять километров перерытой и нагроможденной человеческими руками и механизмами таежной земли! Я брожу между отвалами, отыскивая знакомые, проклятые памятью места бывших лагерей. Это, может быть, нелепо, но мне становится досадно, что не нахожу этих мест. Куда же они провалились? Всюду каменные осыпи и перемытые пески. Выхожу к подножию сопки — знакомое и совершенно неузнаваемое место. Оно перепахано тракторами и тускло блестит под неярким северным солнцем. На краю распаханного поля что-то чернеет; подхожу и вижу домик без крыши, дверей и окон. Среди вывороченных половиц желтеет крапива и ржавый чертополох. Узнаю: это же вахта нашего бывшего лагеря. У порога валяется жестяной лист с полустертой надписью «Запретная зона». И больше ничего. Никаких следов, даже обрывка колючей проволоки нет на этой пустынной земле.

Все те же голые вершины смотрят на меня, но не тот воздух, не те ощущения, что были когда-то в Омчакской долине. Мимо катятся комфортабельные автобусы, развозящие горняков на участки и полигоны. В северном конце долины видны корпуса обогатительной фабрики. Громко тарахтят бульдозеры, экскаваторы. Над драгой развертывается и вспыхивает красное знамя. Эту драгу обслуживает бригада коммунистического труда.

За отвалами появляются белые аккуратные домики. Здесь тоже был лагерь, на его месте теперь стал молодежный поселок. Хороший поселок — с добротными домами, школой, магазином, столовой.

...Меня всегда восхищают люди одной, но пламенной страсти. Анатолий Аверьянович Коладюк из таких людей. Сын золотоискателя из Бодайбо, он пошел по стопам отца. Уже двадцать три года работает Анатолий Аверьянович в Омчакской долине, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» украшают его грудь.

У Коладюка спокойное, усталое лицо и мягкий, неторопливый голос. Большие руки, знающие гаечный ключ, совковую лопату, хитрые узлы драги, не пугающиеся шестидесятиградусных морозов и зверских метелей. Я смотрю на эти руки с уважением и доверчивостью: сколько дел переделали они! Какие огромные богатства страны прошли через эти узловатые, тяжелые руки!

— Когда мы вычерпаем золото из вечной мерзлоты Омчакской долины? — Анатолий Аверьянович наваливается грудью на стол и слегка притопывает сапогом. — Н-да, вопрос, так сказать, поставлен ребром. Посмотрите-ка на эти штуковины.— Он берет с тумбочки предмет, похожий на конский череп золотистого цвета.— Щупайте, щупайте, это всего лишь картонный муляж самородка. В самом же самородке было ровно 14 130 граммов. Найден в прошлом году бульдозеристом Даушевым. Самый большой самородок за все время существования золотой Колымы. А вот и другой, он поменьше, всего восемь килограммчиков. Но это муляжи, так сказать, на память о нашей работе. Одну минуточку. — Коладюк снимает телефонную трубку. — Драга? Результаты ночной смены известны? Да? Сколько? Ага! Спасибо! Двести процентов суточного задания, а у нас на ходу четыре драги. Я не считаю промывочных приборов и старательских артелей. Попадаются ли самородки сейчас? В этом году нашли пятнадцать килограммов мелких самородков.— Коладюк мягко смеется.— Удивляюсь поэтам! Подай им самородки! А какая разница, что самородки, что россыпное золото? Госбанк охотно берет и то и другое.

— Анатолий Аверьянович! — В моем голосе неуверенность и боязнь показаться смешным. — Я по дороге слышал, мне рассказывали, нет, лучше сказать, врали о какой-то необыкновенной, уникальной жиле. Рассейте сомнения...

Коладюк кладет руку на картонный муляж огромного самородка.

— С удовольствием. Эта уникальная жила существует. И открыл ее геолог Павел Анисимович Аверченков. Он тоже был незаконно репрессирован. И открыл он ее в том самом ущелье, где до него искали другие и ничего на нашли. Жила обнаружена около озера. Вы его знаете, оно в двухстах километрах отсюда...

В моей памяти словно включили электрический свет. Я вижу круглое, зажатое сопками, но пронизанное до дна солнцем, холодное синее озеро. Обрывистые берега с линзами вечного льда уходят в его глубину, лиловые цветы рододендронов горят на черных и коричневых скалах. Мне ли не знать этого озера: я был когда-то на его берегах и писал стихи о красоте его.

— У этого озера Аверченков нашел подледниковую, моренную, так сказать, жилу. И уходит она на дно озера. Там сейчас идут тщательные разведки. А золотоносную руду вертолетами доставляют в Омчакскую долину, к моим соседям на обогатительную фабрику. Скоро ли мы исчерпаем клады Омчакской долины? — Анатолий Аверьянович улыбается. — Нет, не скоро!..

Я покидал Омчакскую долину на рассвете, когда вершины сопок слегка розовели под невидимым солнцем. Мрачная, неожиданная и прекрасная, она опускалась под нами, а мы поднимались на безымянный перевал. Я смотрел на уходящую долину, и она не вызывала больше горестных воспоминаний. Казалось невероятной выдумкой, диким сном, что когда-то по всей этой долине гнездились лагеря, запретные зоны, сторожевые будки.

— Какая на завтра погода? — спросил я водителя райкомовской легковушки.

— Я слушал метеосводку, — ответил он. — На завтра погода отличная.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

БАГРОВАЯ РОКАДА

«Хороший стиль кроется в сердце».
Дидро.

АЛЬБЕР МАРКЕ В МОСКВЕ

Яркий светоносный день, пестрые флажки на стройной мачте, теплое, будто из меда, море. В чистом голубом небе плывет одинокое облачко, по гладкой воде скользит яхта. На ялике куда-то спешит немного смешной человечек. Лишь скрип уключин нарушает безмятежную тишину полудня. «Порт Гонфлер» — пейзаж знаменитого французского художника Альбера Марке из собрания Музея изобразительных искусств. Он поражает нас свежестью, прозрачностью и простотой.

Марке. Его творчество естественно, как пение жаворонка, как порыв озорного ветра, распахивающего окна и двери...

Летом 1934 года Альбер Марке с женою Марсель приезжает в Москву. Он аккуратно исполняет все нелегкие обязанности туриста: колесит по городу, посещает выставки, музеи, картинные галереи.

Когда в ВОКСе его спросили, кто из московских художников ему больше всех понравился, он ответил с улыбкой: «Простите, но я очень полюбил работу молодого Нисского, его пейзаж «Осень».

Как разглядел Марке в огромном московском калейдоскопе эту картину, размером чуть больше развернутой школьной тетради?

Очевидно, французского мастера очаровала душевность и необычайно острое чувство современности, наполнившее это полотно; его взволновало биение большого сердца неизвестного ему русского художника.

Вскоре супруги Марке покинули гостеприимную Москву и уехали в Париж, но в кулуарах ВОКСа еще долго бытовал каламбур: «У Марке вкус нисский».

МАЛЫШ И «КУКУШКА»

По горячим от солнца рельсам, по пыльным путям узловой станции Новобелицы носится ватага босых шумных мальчишек. Один из самых озорных малышей, русый, весь в веснушках, Жорка Нисский, сын станционного фельдшера. Он живет в маленьком домике всего в ста метрах от железной дороги.

В этом домике он родился, рос, и здесь под неуемный грохот и разноголосые крики поездов протекало его детство.

Узловую окружал сосновый бор и заросшие лозой болота. Мальчишка рос на воле — весь мир принадлежал ему. И звонкие лесные ручьи, и ленивая река Сож, и даже таинственное озеро, по которому ходили плоты,— все было в его владениях. Но самым дорогим, заветным в его мальчишечьем царстве была железная дорога с паровозами, водокачкой, семафорами.

Малыш любил рисовать паровозы. Все было хорошо, пока дело не доходило до колес. Тут все шло криво, косо, и поезда упрямо стояли на месте. Юный художник частенько ревел от досады. Однажды он взял подсвечник с круглой подставкой, обвел ее карандашом, и поезд сразу покатил быстрее ветра.

...Каникулы. Жорка ни минуты не сидит дома. Спозаранку он убегает в лес, купается с ребятами в речке, потом спешит на станцию. Надо успеть забраться на «кукушку» к знакомому машинисту, под завистливые взоры друзей, дать гудок и, замирая от счастья, укатить из Новобелицы и мчаться, мчаться куда-то далеко, далеко...

Он приходил домой поздно, весь перемазанный мазутом, часто со сбитыми руками, порой в синяках. Отец молча брал мокрое полотенце, и Жорка получал свою ежедневную порцию воспитания. Но когда день проходил без наказания, мальчишка долго ворочался в постели, не мог уснуть: чего-то ему не хватало...

Полвека спустя художник Нисский часто вспоминал об этой доброй привычке получать по загривку за дело и без дела. Ведь его частенько «прорабатывали». То за «формализм», то за «декоративность», то бог знает за что...

Но об этом мы расскажем позднее. А пока наш герой, устав от дневных забот, сладко спит, и снится ему красивый тюбик ультрамарина из набора масляных красок «Гюнтер Вагнер», которые он видел в москательной лавке. Ведь он художник, он копирует пейзажи Шишкина, и во сне его копии во сто крат лучше оригиналов.

...Теперь каждое утро Жора надевает красивую фуражку с двумя скрещенными лавровыми ветками и буквами «Г. Г.» — Гомельская гимназия, берет ранец и, благословляемый сияющей матерью, идет в школу. Он проходит двадцать шагов до изгороди и... ныряет в кусты. А через мгновение, перемахнув через забор, он уже на чердаке родного дома, где его ждет холст, кисти и купленные на деньги от некупленных завтраков краски фирмы «Гюнтер Вагнер».

В 1919 году шестнадцатилетний Жора Нисский поступает в Гомельскую студию имени Михаила Врубеля.

ВХУТЕМАС ШАГАЕТ В КОЛОННЕ

1921 год. Георгий Нисский приезжает в Москву и поступает во Вхутемас.

Вхутемас. Сотни страниц исписаны о дерзких и восторженных вхутемасовцах, об их замечательных учителях, об удивительном времени дерзаний и чудачеств, о бесконечных спорах и дискуссиях, в жарком горниле которых рождался драгоценный сплав искусства...

Ребята любили спорт. Они боксировали, занимались легкой атлетикой, играли в волейбол. Волейболисты Вхутемаса держали первенство Москвы. В этой сборной команде одним из лучших был Георгий Нисский. Он недаром с детства слыл озорным. Кто, как не он, бегал по парапету здания Вхутемаса на высоте восьмого этажа, пугая насмерть старушек, стоящих в очереди в Сандуновские бани. Кто, как не он, первым решил прыгнуть с самолета на парашюте и, когда друзья встретили его как героя, заявил, что «это все чепуха»...

...Желание быть первым, познавать новое, дерзать — во всем этом было огромное влияние Маяковского. Владимир Владимирович часто встречался с молодежью Вхутемаса, и она его боготворила.

Когда Маяковский выступал в Политехническом музее, вхутемасовцы строились у себя во дворе на Рождественке в две колонны и с песнями подходили к дверям музея, безбилетные, сметали контроль и победоносно врывались в зал. Когда все рассаживались, где могли, Маяковский, улыбаясь, говорил: «Ну, что ж, можно начинать — Вхутемас пришел».

Это была в искусстве пора бури и натиска, пора романтическая, давшая много славных имен...

1930 год. Нисский заканчивает Вхутемас. Его дипломной работой была картина «Восстание французских моряков в Одессе».

СЕМАФОР ОТКРЫТ

Высокое осеннее небо с легкими перистыми облачками обещает перемену погоды. Но сегодня светит солнце, оно озаряет темную от угля и мазута землю, перечерченную рельсами железной дороги. Черным жуком, не спеша, ползет по путям паровоз, белым частоколом стоят перед ним семафоры с красными руками. Вот один из них нехотя поднял руку — путь свободен. Прохладно. Степной ветер срывает дым с трубы паровоза, поет в стальных проводах телеграфа, ерошит перышки стайки воробьев, зябко прижавшихся друг к другу.

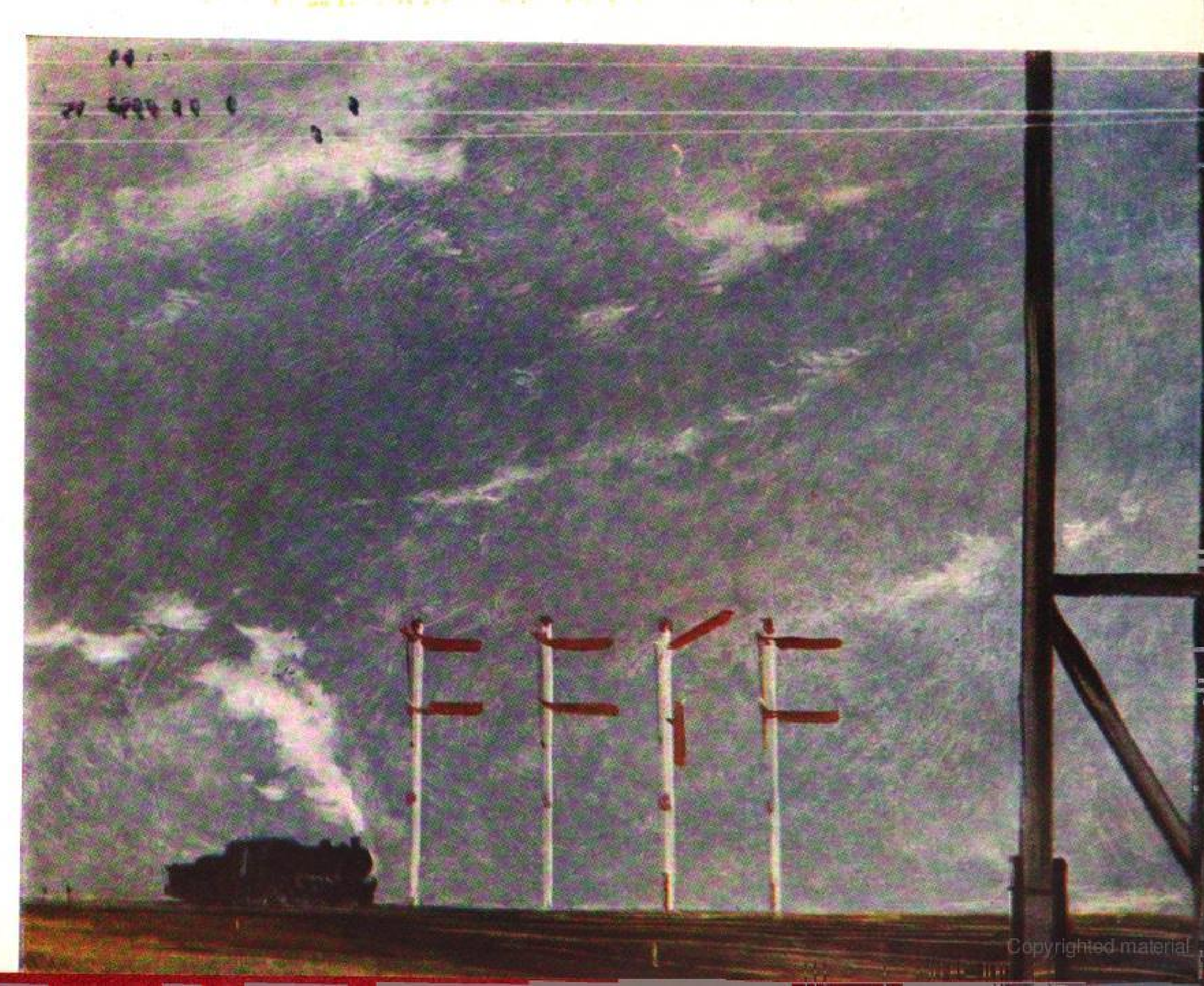
«Осень». Так художник Нисский назвал свой пейзаж, который мы публикуем на вкладке.

На редкость простой мотив, скупой, небогатый лирическими аксессуарами, но почему он так волнует? Почему, несмотря на отсутствие традиционных примет «Золотой осени», вас невольно охватывает чувство очарования? Казалось, как может типичный по атрибутам индустриальный пейзаж (паровоз, семафоры, телеграфные провода) быть глубоко интимным? В чем секрет его обаяния?

Нисский — поэт. Его видение мира глубоко лирично, взволнованно, прочувствованно, он по-особому, по-своему воспринимает жизнь во всех ее проявлениях. И в громаде событий и в самых мелких штрихах будней художник осмысливает все остро и точно. Он очень мало пишет с натуры, но зато много видит. А с м о т р е т ь и в и д е т ь, как известно,— совсем разные понятия. Нисский ежедневно, ежеминутно снова открывает мир, мир своих переживаний, своей мечты...

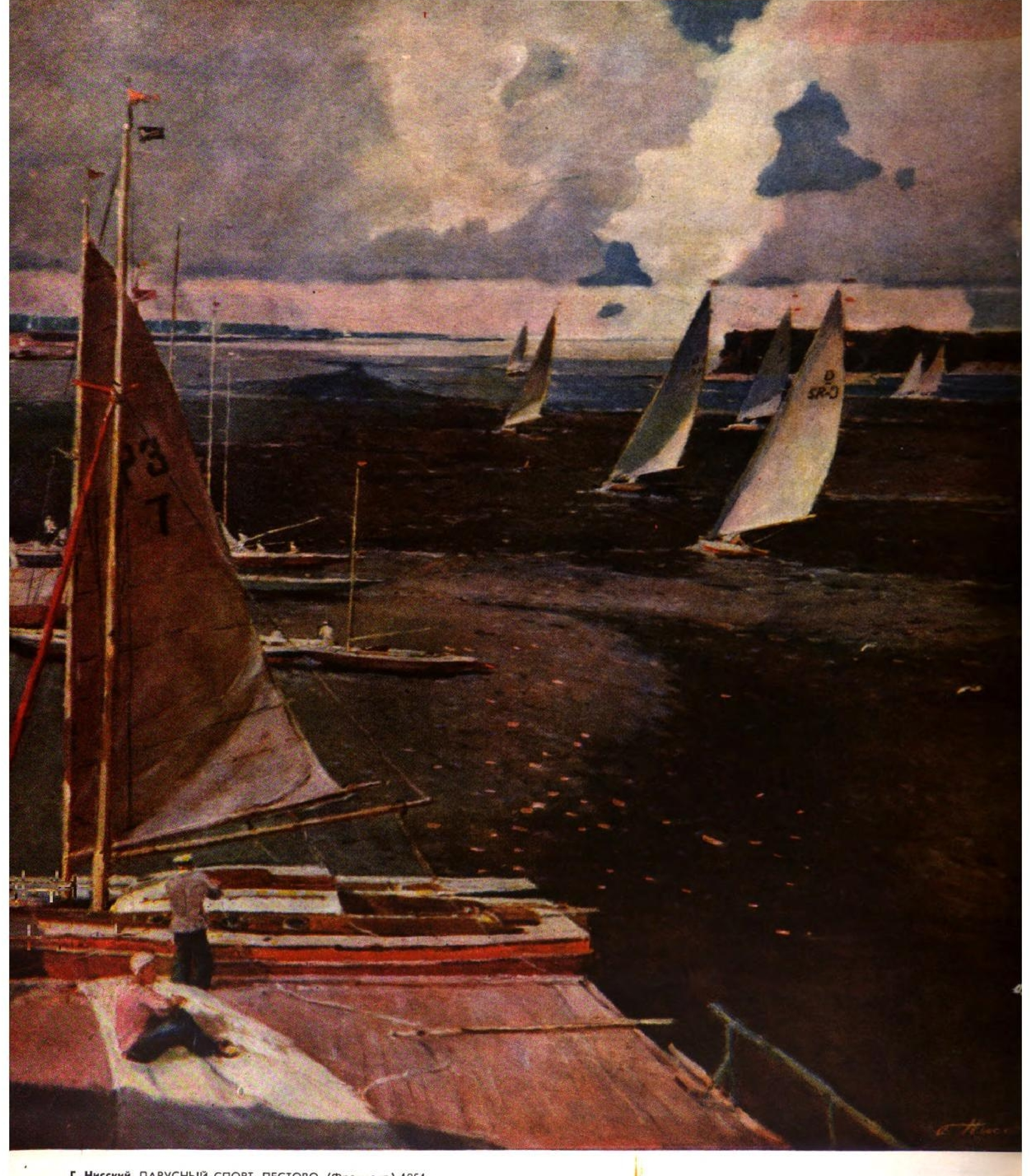
Г. Нисский. ШТОРМ ИДЕТ. 1959.

Воронежский областной музей изобразительных искусств.

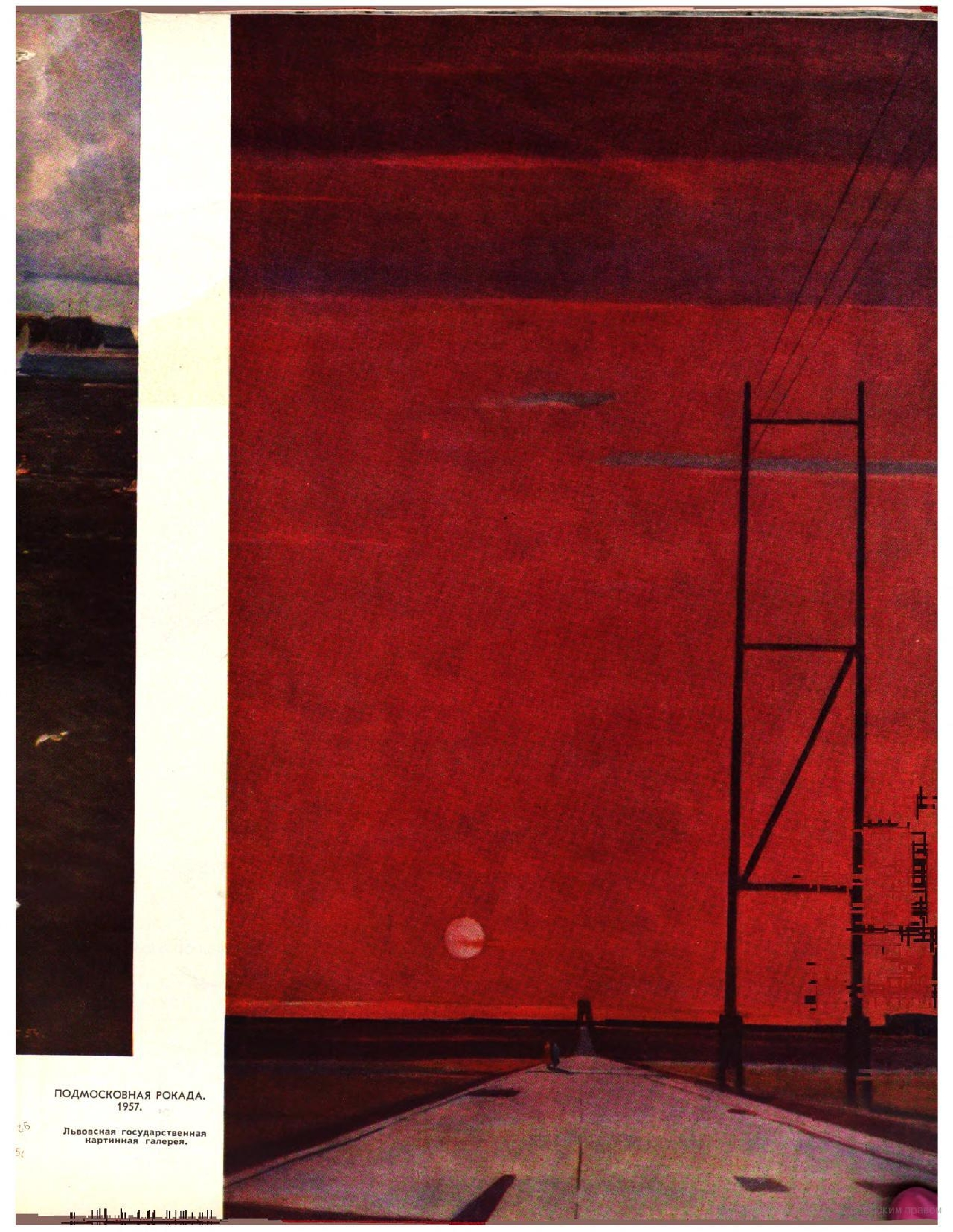
ОСЕНЬ. 1932

Государственная Третьяковская галерея

Г. Нисский. ПАРУСНЫЙ СПОРТ. ПЕСТОВО. (Фрагмент.) 1954.

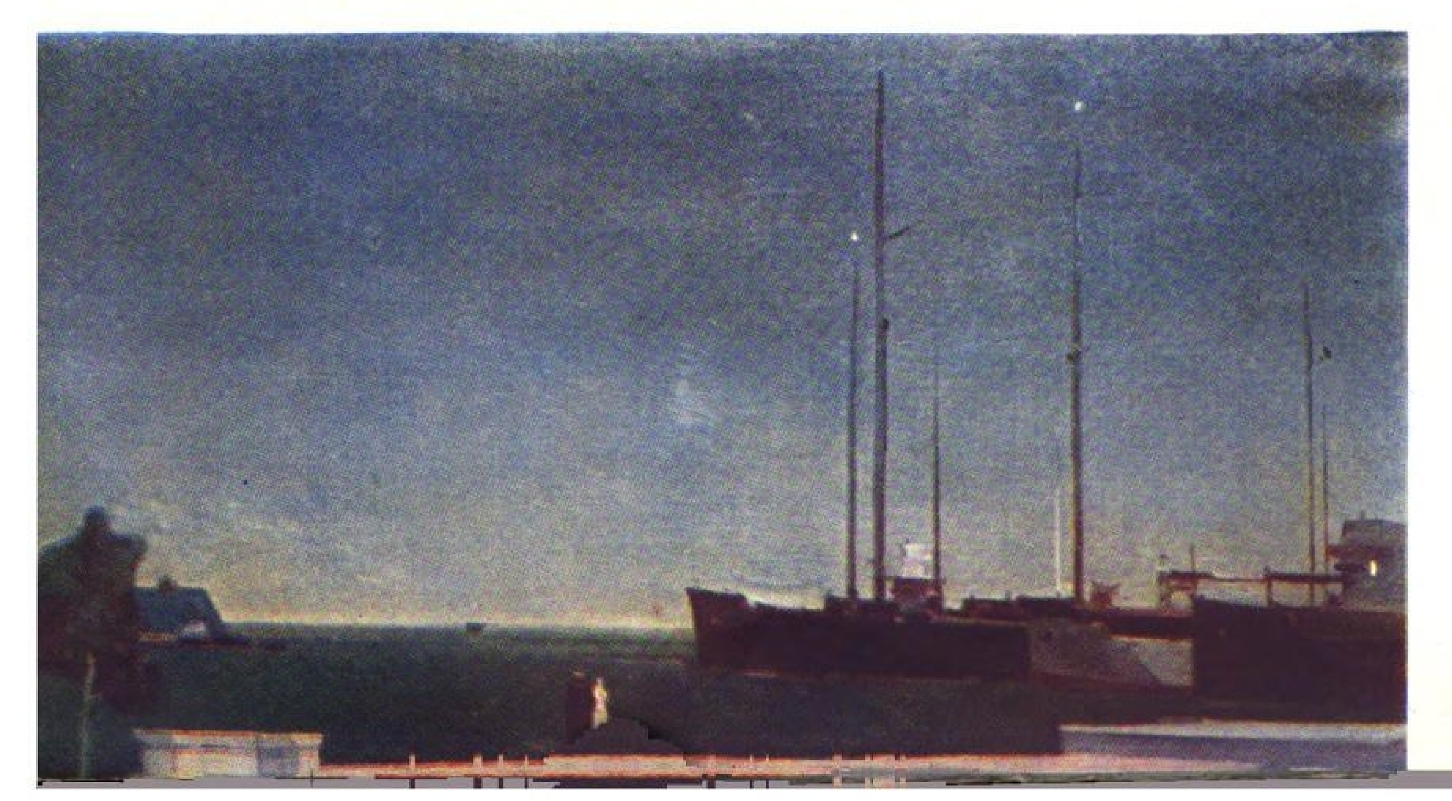
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

ПОДМОСКОВНАЯ РОКАДА.
1957.

Львовская государственная картинная галерея.

Г. Нисский. СУЗДАЛЬ. 1964.

БЕЛАЯ НОЧЬ. 1956.

Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева.

РОЖДЕНИЕ «ОСЕНИ»

Новобелицы. Погожие дни лета 1932 года. Нисский приезжает погостить к родителям, отдохнуть, пописать.

Он встает рано утром.

Только взошло солнышко и заискрился, засверкал сад, покрытый росой. Поют птицы, кругом благодать неописуемая. Мать давно ушла на базар, и отец с сыном начинают собирать завтрак. Георгий идет на огород, с грядок рвет еще теплые от вчерашнего пекла помидоры, несет их в беседку и там накрывает на стол. Отец уже успел побывать в малиннике, где у него припрятана бутылка наливки. Наконец завтрак собран. И отец с сыном долго сидят, закусывают, судачат.

Потом прибывает с базара мать, и Георгий отправляется бродить по знакомым, любимым с детства местам...

Он уходит в дальний глухой «нестеровский» бор послушать шум сосен и голос птиц, потом бредет к речке и долго-долго глядит, как ветер высоко в небе гоняет стаи облаков. Он встречает школьных товарищей, снова ездит на маневренной кукушке и снова приходит домой поздно вечером, весь перемазанный, усталый и счастливый.

Вскоре Нисский обретает то состояние душевной наполненности, которое так необходимо для творчества поэтам и художникам.

Пейзаж «Осень» он написал дома, сидя на завалинке, по впечатлению, без этюдов. Отец любил сидеть поблизости, молча поглядывая на работу сына. На коленях у него всегда укладывалась старая кошка Муська...

Так родился этот маленький шедевр, пленивший молчаливого Марке.

В середине тридцатых годов Нисского увлекает тема моря. Он пишет ряд картин, создавших ему известность. Но он ни на один час не бросает поисков. В его мастерской рождаются десятки маленьких эскизов, носящих в себе планы новых картин, новых решений. Впереди были намечены выставки, поездки.

Но жизнь рассудила иначе.

КОНЕЦ ТИШИНЫ

Октябрь 1941 года. Москва.

Танки идут на запад. На них в белых полушубках — сибиряки. Коренастые, с суровыми, обветренными лицами.

На московских бульварах войска. Горят костры. На площади Свердлова в козлах винтовки. В Колонном зале идут митинги ополченцев. Небо Москвы гудит от разрывов зенитных снарядов. Тревоги следуют одна за другой.

Георгий Нисский стоит у обочины Ленинградского шоссе и глядит на поток танков, рвущихся на запад. Он продрог, уже давно стемнело, но он не может уйти, оторваться от этой грозной картины.

«Я этюдов не писал,— вспоминает Нисский.— Я только чувствовал и смотрел, а потом убегал в мастерскую рисовать и компоновать. А саму вещь написал, сам не замечая... в два дня».

В тяжелые дни обороны Москвы Нисский испытал доселе неведомую бурю чувств, его сердце поэта было смятено и возбуждено до предела, и вот отдача: эпическое полотно «На защиту Москвы» создано за пятьдесят часов.

Критики часто упрекали художника за «быстроту» писания картин. Им, очевидно, было невдомек, какой глубокий духовный процесс предварял, подготовлял окончательный «творческий залп» мастера...

В феврале 1942-го Дейнека и Нисский едут в Действующую армию в район Юхнова. Бесконечная русская заснеженная равнина с рваными черными ранами взрывов, обгоревшие остовы домов, искореженная техника и вмерзшие в снег трупы. Враг разгромлен, отброшен от Москвы.

Нисский ведет фронтовой дневник.

«Только бы верно понять сердцем. На глаза надежды больше. Видят уже правильно...

...Отбирать только главное... Остальное, литературно досказывающее — убирать, убирать, уверенно, безжалостно».

ШВЕРТБОТ ИДЕТ ПО КАНАЛУ

Отгремела гроза. Но еще бродят в тревожном небе косматые махины туч, еще темен край неба, где порою у самого горизонта полыхают зарницы. Солнце прорвало свинцовую гряду облаков и зажгло в напоенном влагой воздухе радугу — предвестницу окончания ненастья. Ослепительно сверкают ажурные фермы моста, перекинутого через канал. Нарушая тишину, весело гудит теплоход, по-деловому рассекая чугунную гладь вод. Пейзаж «Радуга» написан Нисским в 1950 году.

Послевоенное пятилетие художник много работал. Он создал десятки пейзажей, в которых нашла отражение радость ощущения мира. Они пронизаны солнцем, в них воспета свежесть водных просторов, быстрый бег яхт, красота ставшего родным Подмосковья.

Нисский — отличный яхтсмен. Поэтому так привлекательны и так убедительно «обжиты» его картины. Да это и не мудрено: художник на своем швертботе «Кайра» проплавал не одну тысячу километров по каналам, Оке, Волге, Москве-реке.

На цветной вкладке мы публикуем «Парусный спорт. Пестово».

Солнце и ветер — вот герои этого пейзажа. Вернее, ветер, один ветер хозяйничает сегодня в Пестове. Он гонит острокрылые яхты, раздвигает завесы облаков, которые бросают на встревоженную ветром воду диковинные тени. Все в движении, упругом, мускулистом. Трудно поверить, что полотно написано пятидесятилетним художником, настолько оно переполнено юностью, порывом.

ЧУДО В ГОРОДЕ СУЗДАЛЕ

Древние холмы славного города Суздаля, крытые изумрудным бархатом трав и увенчанные белогрудыми храмами. Как они величественны и прекрасны летним вечером, когда свежий ветерок разгонит облака и на ясном небосводе взойдет бледный лик месяца!

Нисский влюблен в русскую старину. Он побывал в городах Ростове, Владимире, Суздале, Новгороде, Пскове.

Однажды с художником Михаилом Петровичем Кончаловским Нисский приехал на этюды в Суздаль. Кончаловский тут же сел писать, а Георгий Григорьевич по привычке пошел бродить...

На склоне одного из окрестных холмов развалился на траве парень в начищенных сапогах и розовой шелковой рубашке; он бросил наземь велосипед и положил на раму вихрастую русую голову. Рядом с ним смиренно сидела девушка в белом платье. Козы у подножия холма обнюхивали кем-то оставленный мотороллер. В небе как будто мелом реактивный самолет вычерчивал сложную параболу. Где-то рядом гремел и тарахтел автобус. Жизнь шла своим чередом.

Когда Нисский в мастерской в Москве пробовал все это писать, получалось что-то не то.

Детали мешали воспринимать целое.

И вот тогда случилось чудо. Сперва из пейзажа Суздаля улетел самолет и забрал с собой белый след, потом за ним уехал с холста мотороллер, а последним, нехотя ушел красавец парень, уводя с собой велосипед и девушку. Остались только козы, да молодые женщины, да холмы. А в конце еще появилась на дневном небе луна.

Таким теперь вы видите пейзаж на нашей вкладке.

ПЕРЕД ШТОРМОМ

Поздняя крымская осень. На море холодно, купаться нельзя. По пустынному берегу бродит коренастый человек в матросской робе; его старая капитанская фуражка с крабом надета набекрень, доброе лицо обветренно. Он идет у самого моря, и ветер, срывая гребешки с волн, пригоршнями швыряет ему в лицо брызги. Это Георгий Нисский.

Художник давно дружит с этими краями, любит их. Встречные радушно приветствуют его, он отвечает им, подняв сжатые руки.

Штормит. Рыбаки вытаскивают на берег древние фелюги, а потом гуськом бредут к дому артели. Ветер все свежеет, сейчас он сорвал с места лилово-свинцовые тучи, и они нехотя поползли в горы, задевая за башни Генуэзской крепости. Через минуту ветер уже осаживает седые волны, но они упрямо лезут на плоский берег, зловещие в своем упорстве.

«Шторм идет». Эта картина очень характерна для Нисского наших дней. Она драматична, колорит ее предельно напряжен.

...Немые просторы. Беспредельное серое небо, и снега, снега. Почти у горизонта белую равнину ограничивает темный лес. Пустынно. Лишь у опушки соснового бора бежит лошадка, запряженная в сани. Казалось, никто не способен нарушить вековую тишину природы. Холод сковал ее, и она стынет в своем ледяном уборе.

Внезапно алая игла пронзает небо, и через мгновение слышен рокот самолета. «Над снегами» — новаторское произведение. В нем ясно звучит мелодия века, века авиации, космоса.

ДОРОГИ, ДОРОГИ...

Подмосковная рокада. Стрелой пролегла она до пылающего горизонта. Огромное багровое небо взметнулось над темными полями, над гулким бетоном шоссе. Раскаленное солнце освещает две крохотные фигуры, идущие по бесконечной дороге.

...Дороги. Любимая, без устали повторяющаяся в творчестве художника тема. Нисский — путник, вечно странствующий по дорогам своего времени, вечно ищущий новое.

...Три художника помогли Нисскому стать таким, каким мы его знаем сегодня: Александр Дейнека, Петр Кончаловский и Альбер Марке.

Это они приучили его быть немногословным, лаконичным, прогнать иллюстративность и изобразительную болтовню, помогли ему выдержать многие испытания.

Дейнека своим огромным дарованием, своим примером стойкости в искусстве, своим плечом помог Нисскому в трудные времена, когда некоторые критики прорабатывали Нисского за десятки не совершенных им грехов.

Кончаловский — своим жизнелюбием, любовью к декоративности и большому цвету и, самое главное, глубокой любовью к природе — матери истинного искусства.

Марке — своим величайшим проникновением в суть пейзажа, мудростью и простотой...

Нисский шестидесятых годов снова обрел молодость. Его произведения предельно лаконичны и собранны. Но за этой внешней строгостью и сдержанностью — горячее сердце много повидавшего и передумавшего художника.

Три мушкетера из Сухих Мланцев

Юмористическая повесть

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

IV

Когда человек собирается объясняться в любви, у него всегда немного тревожно на душе. Даже грустно, даже жутковато.

Ему неожиданно приходят в голову разные мысли, которые никогда раньше не приходили. Любит она его? Или, может, она его не любит?

Конечно, у такого старого холостяка, как Мартын Кныш, мысли совсем другие, чем, например, у юноши. Юноше перед объяснением все представляется в розовом и оранжевом свете. Все вокруг сияет и улыбается ему. Никто не упрекнет такого юношу, если вдруг он начнет стихи писать или декламировать. А Мартын Кныш ничего такого розового и оранжевого не видит. Он не собирается стихи декламировать, он прозаик. Когда тебе уже за сорок перевалило и вдруг тебе жениться захотелось, тут не до стихов.

Он шел весенней улицей и думал, какой станет жизнь, когда Горпина Горюн, лучшая свинарка колхоза, согласится выйти за него.

Заработки у нее хорошие. Может, она даже сто рублей получает в месяц! Ого! Да на такие деньги можно вдвоем жить и песни распевать. Сто рублей! Сто! А в год сколько получится?.. Не одну кровать с никелированными финтифлюшками можно купить. И радиолы покупай и шкафы.

А про него какая слава пойдет! Каждый скажет: это, мол, Горпины, лучшей свинарки, муж. Никто тогда не будет ему глаза колоть: дескать, лодырь, дескать, тунеядец и дармоед. Кто осмелится это сказать, когда у него знаменитая жена? Никто так не осмелится сказать. И жена тогда тоже будет Кныш. Одну фамилию возьмем. А как же? После женитьбы жизнь может стать прекрасной. Лишь бы пошла за него Горпина Горюн.

Мартын идет улицей и не замечает весны. С такими мыслями разве что заметишь?..

А весна прекрасна в Сухих Млинцах. В садах цветут яблони и груши. Цветут? Нет, не цветут. Их кто-то осыпал розовым снегом. И вишню осыпал и сливу. А пчелы тянут от цветов золотые нити к солнцу. Пчелы несут нектар да еще нагружаются желтой пыльцой. Им много меда нужно. А то как же? Молодых пчел кормить, на зиму соты заполнить. Они не знают, что скоро придет человек с проволочной сеткой на голове и начнет выкачивать мед. А может, пчелы и знают об этом? Кто докажет, что нет? Может, потому и стараются так, чтобы всем хватало?

Мартын Кныш идет улицей и не замечает прелестей весны. Его даже не удивляет то, что одни лишь пчелы остались в селе. А люди в поле, на фермах, на лугах. Всем хватает работы. Не только пчелам. Весна ведь!

Не хотелось сейчас Мартыну Кнышу встретиться с бригадиром. Не до бригадира ему, когда он по такому важному делу на ферму идет.

Но не так-то просто миновать дом бригады: в Сухих Млинцах лишь одна улица. Как же ты обойдешь бригадный дом, если он стоит в центре села? Не топтать же чужие огороды.

И когда Мартын Кныш поравнялся с домом бригады, он увидел Романа Пулейко, бригадира.

Роман Пулейко шел навстречу и улыбался, точно увидел далекого родственника, с которым очень давно не встречался.

А Мартын Кныш не улыбался. Не до смеху ему: он идет свататься и в любви объясняться.

— Здоров был, Мартын! — весело окликнул его Роман Пулейко и протянул руку.

— Здравствуй,— ответил Мартын Кныш и хотел пройти мимо, даже шаг уже было сделал вперед.

— Спешишь? Куда? — спросил Роман Пулейко.

Так он ему и скажет, куда!

— Не кудыкай, а то счастья не будет.

— Будет.

Прошли вместе шагов десять, а тогда Мартын Кныш сказал:

— Говорят, Пилип Одудько приехал. Проведать надо.

— Ну что же, пойдем тогда вместе. Я тоже соскучился по нему.

Пристал, точно репей к овце. Ну чего ему надо? Вот и посватайся, если бригадиры на каждом шагу попадаются.

До дуплистой вербы, что при дороге стоит, шли молча. Больше нигде нет такой дуплистой вербы, как в Сухих Млинцах: ей лет сто. Жаль, что здесь не жил какой-нибудь знаменитый писатель. Жил бы здесь, скажем, Панас Мирный, была бы не просто верба, а верба Панаса Мирного. Ее можно было бы сделать памятником старины и рассказывать, как под той вербой прогуливался писатель и свои произведения обдумывал.

Миновали вербу. Но почему это бригадир идет молча, почему не агитирует? Вишь, дергает себя за бородку. Она, бородка, у него совсем никудышная, этакая реденькая, стыдно даже смотреть на такую. Когда Роман Пулейко сердится, он всегда себя за бородку дергает.

— Хочешь «Север? — спросил бригадир и протянул папиросу. Закурили.— А как там на Гнилуше? Идет карась или нет? — снова спросил бригадир.

— Нет, не идет еще.

— А люди говорят, что ты на рынке здорово торгуешь. Прошлогодние продаешь, что ли?

— Прошлогодние,— улыбнулся Мартын Кныш. Вот так он ему и скажет, где караси идут. Пускай сам поедет и поищет!

— Бывает и такое.

Снова шли молча. Пускай себе помалкивает бригадир, ему, должно быть, тоже надоело агитировать. Теперь Мартыну Кнышу уже не избавиться от него. Придется идти к Пилипу Одудько. А Горпина Горюн тем временем уйдет домой. Конечно, уйдет, не ждать же ей, пока они там наговорятся у Пилипа Одудько.

А он еще специально побрился и в зеркальце себя рассматривал и «под польку» стригся.

Хорошая хата у Пилипа Одудько. Он хотя и халтурит где-то в городе, а о хате своей заботится. Как новая. Шифером крыта. Лучшей доярке колхоз всегда выписывает шифер по твердой цене. Иначе нельзя: корреспонденты приезжают, и секретари, да председатели. Надо, чтобы был хороший дом, чтобы было о чем писать. И плетень новый, только в позапрошлом году ставили. Калитки, правда, нет — перелаз. В Сухих Млинцах обычай такой — делают не калитки, а перелазы, чтобы скрипа не было, да и расход меньший: петли не нужны и скобы. А перелезть не так уже и трудно. Старикам и старушкам, конечно, неудобно, ну и пусть не лазят — могут дома сидеть, незачем им по селу шататься. А если нужно к кому-нибудь в гости, ворота можно открыть.

Первым перешагнул через перелаз Роман Пулейко, за ним Мартын Кныш.

Зашли в хату. Впереди Роман Пулейко, а за ним Мартын Кныш.

За столом сидели Пилип Одудько и Онуфрий Каленик. Они не просто сидели, они самогон пили. Полторы бутылки уже выпили.

А Евдоха хлопотала возле печи. Увидев гостей, она приветливо улыбнулась:

— Заходите, заходите, пожалуйста. Пилип же вернулся.

Пилип Одудько не поднялся навстречу гостям. Он кивнул косматой, давно не чесанной головой и сказал:

— Подай-ка, жена, стаканы. И открой еще одну консерву.

Роман Пулейко улыбнулся Евдохе и сказал:

— Вот еще одного привел. Теперь все три мушкетера в сборе.

— Ха! — фыркнула Евдоха.

Пилип Одудько посмотрел на бригадира и сказал:

— Пришел в дом, нечего зубоскалить! Садись и пей.

Из бутылки забулькала мутная, как вода в Многе, жидкость. Мутной вода в Многе бывает только по весне, в пору половодья, а самогон весь год такой мутный.

— Ваше здоровье,— поднял стакан Пилип Одудько и поглядел маленькими блестящими кружочками глаз на каждого из гостей.

Роман Пулейко не допил. Поставил стакан и понюхал луковицу. Все в Сухих Млинцах знают, что бригадир пьет только полстакана, но все ему наливают полный — на то он и бригадир!..

Мартын Кныш выпил до дна. Самогон вонял подгоревшим бураком, кизяком и еще чем-то невыносимо противным. Чем-то таким, чего в природе нет — только в самогоне.

«Не иначе, у Усти брали,— подумал Мартын.— Никто в Сухих Млинцах и окрестных селах не гонит такого мерзкого самогона, как Устя. Воняет так, что грудь спирает. Выпьешь, и на тот свет захочется, такой он противный. Табак, что ли, она подсыпает туда или белену?»

Онуфрий Каленик пил медленно. Он цедил самогон сквозь зубы, будто это такой вкусный напиток, что жаль его просто так, одним духом проглотить.

— Ну, а ты что надумал? — спросил бригадир у Пилипа Одудько.— Вот эти два мушкетера толкутся без дела по селу, а ты что же, в компанию с ними собираешься или как?

— А что мне думать. Возвратился, и все!

— В гости или как?

— Там видно будет! Еще успеешь наговориться со мной, Роман. А сейчас пей и закусывай.

— «Там видно будет». Это, брат, не ответ,— говорит бригадир.— На тебя уже достаточно насмотрелись.

— Дети только не насмотрелись,— сказала Евдоха и вздохнула.

Горько стало у нее на душе: отец есть, а дети его не видят.

— А ты помалкивай! — не подымая головы, отозвался Пилип.

— Намолчалась уже, хватит! — снова отозвалась Евдоха и бросила быстрый взгляд на мужа. Потом еще раз взглянула на него и сказала.— Довольно!

— На все надо смотреть с философской точки. С этой точки ежели посмотришь, то все становится ясным,— сказал Онуфрий Каленик и посмотрел на бригадира таким взглядом, который как бы говорил: ничегошеньки ты до сих пор еще не уразумел.— Почему, например, только у нас заставляют работать? А во всех других странах нет. А ну, почему?

— Действительно, почему? — спросил Мартын Кныш. Не сидеть же ему молча, когда философские точки обсуждаются.

— Скажу,— ответил Роман Пулейко и дернул себя за бородку.— Закон такой: кто работает, тот и ест. Понял? Чтобы паразитов не было. Паразит — это тот, кто жрет и в нужник бегает. Понял? Для собственного только брюха живет. Понял?! А нам рабочие руки нужны. Коммунизм для всех строится, и все строить должны. Понял или нет, философ? А ты, философ, подумал, что сказали бы тебе миллионы безработных капиталистических стран? Ты подумал? Они сказали бы тебе: «Дурак. Только работа делает человека человеком». Понял ты или еще не понял? — И Пулейко вновь начал дергать себя за бородку, словно он ее сейчас оторвет и выбросит к чертям собачьим. Может, потому такая жидкая бороденка у Романа Пулейко, что он, как только рассердится, начинает ее дергать. А сердится бригадир часто.

— Вот что я вам скажу, мушкетеры,— продолжал Роман Пулейко,— бросьте резвиться. Хватит дурака валять. Опомнитесь, а то глядите, как бы не поздно было.

— Довольно! — пододвинул стакан Пилип Одудько.— Пей, на собраниях наговоришься, а сейчас пей.

Пилип Одудько сказал так, а про себя подумал: «Ты не бранись, а становись на колени и проси. Попроси, тогда увидим. А руганью и агитацией нас не возьмешь. Проси!»

Роман Пулейко отодвинул стакан и сказал:

— Еще одну ферму начинаем строить — для свиней. Вот через неделю возвратятся с курсов каменщики и плотники — приступим. За угощение спасибо. А вы пораскиньте умишком, и как можно скорее. Советую,— взялся за кепку бригадир.

— Да чего тут думать? Скажи лучше, что людям говорил,— посмотрел на бригадира Онуфрий Каленик и начал цедить сквозь зубы мерзкий самогон.

— Что людям говорил? Изволь. Лодырей будем выселять. Вот что я людям говорил. Понял? Закон.

— Так то же о стилягах закон,— сказал свое слово Мартын Кныш. Он на рынке об этом прослышал. Карасями торговал, а две дамочки стояли в очереди к нему и судачили.— А у нас стиляг нет.

— Мушкетеры есть,— улыбнулся Роман Пулейко.— Целых три. Было два, а вот и третий пожаловал.

— Нет, это для города закон. Как у нас выселять, когда все мы друг друга знаем и друг с другом здороваемся? Как тут выселять? Это про город, правду говорю,— сказал Онуф-

---

Продолжение. См. «Огонек № 24.

рий Каленик и поглядел осоловелыми глазами на бригадира.

— Это ничего не значит, что здороваемся. Мы и попрощаться можем,— ответил Роман Пулейко и натянул кепку. Он посмотрел на Евдоху и, поклонившись ей, сказал: — Спасибо.

Ушел бригадир. Вот тебе и раз! Попроси он, разговор был бы совсем другой, а так — ничего не выйдет. Пилип Одудько не побежит выпрашивать для себя ярмо на шею. Он уже пуганый, его не запугаешь.

Вонючий Устин самогон не брал Мартына Кныша за душу, немного кружилась голова, но одна мысль засела в ней и не давала покоя.

Пошла уже Горпина Горюн домой? Видимо, пошла. А что же ей ждать, пока он Устиного самогону нахлещется? Нет, теперь уж лучше здесь сидеть: учует, что самогоном несет,— не пойдет за него.

Посидели молча. Бригадир наговорил такого, что лучше бы век не слышать.

Евдоха сказала:

— Все люди на работе — весна ведь, а они водку хлещут.

Она ни к кому не обращалась, вроде самой себе это сказала.

— Может, и ты пойдешь? — спросил Пилип Одудько, презрительно скривив губы и насмешливо посмотрев на жену.

— Сейчас вас, пьянчуг, накормлю и пойду. Доить пора.

Пилип Одудько сжал кулаки. Его косматое, давно не бритое лицо исказила необузданная ярость. Он поднялся и хотел подойти к жене. Надо же ее поучить, как себя вести на людях! Но Евдоха сама подошла к нему твердым шагом. Она так близко подошла к нему, что обожгла его смелым взглядом горячих, черных глаз.

— Ну!

Мартын Кныш улыбнулся. Ого! А если бы его будущая жена Горпина Горюн вот так засверкала на него глазами при людях? Что бы он сделал? Ничего бы он не сделал. Пускай себе сверкает.

А Евдоха так и стояла возле Пилипа Одудько и сверкала глазами. Она сказала:

— Ты, Пилип, ежели возвратился, то живи. А ежели не хочешь быть человеком, так скатертью дорога, уезжай. Я уже нахлебалась горя, хватит! Не позволю над собой издеваться. Натерпелась уже. Сама на детей заработаю, прокормлю и в люди выведу. А ты точно гость. Мне гостей не надо. И пьянчуг не надо.

Пилип Одудько вскипел, его мутные глаза налились кровью, огромные кулачищи сжались. Он сделал еще один шаг к жене.

А она — ну, посмотрите на нее! Стиснула свои белые зубы, подняла еще выше голову и стоит, ждет. И в глаза ему смотрит. Другая из дома бы выбежала и подняла крик на все село, а эта стоит, сверкает на своего страшного мужа черными глазами. Пилип Одудько сделал еще шаг к жене. Он нес свои кулачищи, словно пудовые гири.

Теперь муж стоит совсем рядом. Он ощущает ее дыхание. Он занес над головой свои гири, точно он не ударить собирается, а раздавить ее, свою жену. Может, он и опустил бы их на голову жены, но встретился с взглядом черных, сейчас очень даже черных глаз, и пудовые гири стали медленно опускаться.

Мартын Кныш проследил, как медленно опускаются кулаки Пилипа Одудько, и глубоко вздохнул. А Онуфрий Каленик улыбнулся. В самом деле, смех один! Он никогда не бил свою Оришку. Культурный человек всегда найдет более пристойный способ, чтобы проучить. А бить — это дикость. Словами надо действовать, словами, а не кулаками!

Пилип Одудько тяжело опустился на лавку. Он знал: теперь уже никогда больше не ударит Евдоху. Такую теперь не ударить. Маяк!

— Все? — спросила Евдоха и не просто спросила, а с ухмылкой.— Или, может, хочешь еще что-нибудь сказать?

Пилип Одудько ничего не хотел сказать. Он тяжело дышал, уставившись в какую-то точку на полу, словно там лежал рубль и он только-только его заметил.

— Я ухожу на ферму. А ты, Пилип, ежели хочешь жить с людьми, то поди с поклоном в правление к председателю и проси, чтобы тебе дали работу.

Евдоха ушла, не сказав больше ни слова, даже не оглянулась на трех мушкетеров, как будто их и нет на свете.

Мартын Кныш и Онуфрий Каленик растерялись, не зная, что им дальше делать: уйти или, может быть, остаться. Они сидели и смотрели на Пилипа Одудько, у которого по волосатым щекам текли слезы. Пилип лишь скрипел зубами и двигал челюстями.

Наконец он посмотрел на своих гостей и сказал:

— Вот такая наша жизнь! — и крепко выругался.

— Мушкетеры, значит, мы,— сказал Онуфрий Каленик.— Придумал же наш Пулейко. Мушкетеры, знаете, кто были? Это вроде как французские казаки. Сечи у них не было, но рубились они здорово. На шпагах. Наши на саблях, а они на шпагах. Сабля, видите ли, для француза тяжеловата — ею не очень-то намашешься, а шпага — словно перышко. А какие же мы мушкетеры? Это Пулейко для насмешки придумал. Ты как полагаешь, Мартын?

— Конечно, для насмешки.

— А про то, что выселить могут, что скажешь?

— Уже пугали.

— Да, было.

— Гм-гм.

— Я бы на работу пошел. Почему бы и нет? Но подходящей-то нет,— сказал Онуфрий Каленик.— За вилы браться, что ли?

— Замолчи, телок,— огрызнулся Пилип Одудько.— Он работы боится! Я работы не боюсь. Я сызмала работаю. Понял? Меня не работа страшит, я хочу знать, за что работаю и сколько мне платить будут. А что в колхозе платят?

— Но твоя жинка получает зарплату, как на заводе. Третьего числа платят,— сказал Онуфрий Каленик,— и моя точно так получает. Не в том дело.

— Конечно, не в том. Пускай попросят, тогда пойду. А то сразу — в мушкетеры! — сказал Пилип Одудько.— Какой я мушкетер?

Он бы еще выпил, Пилип Одудько, но бутылки были пустые, а идти к Усте не хотелось.

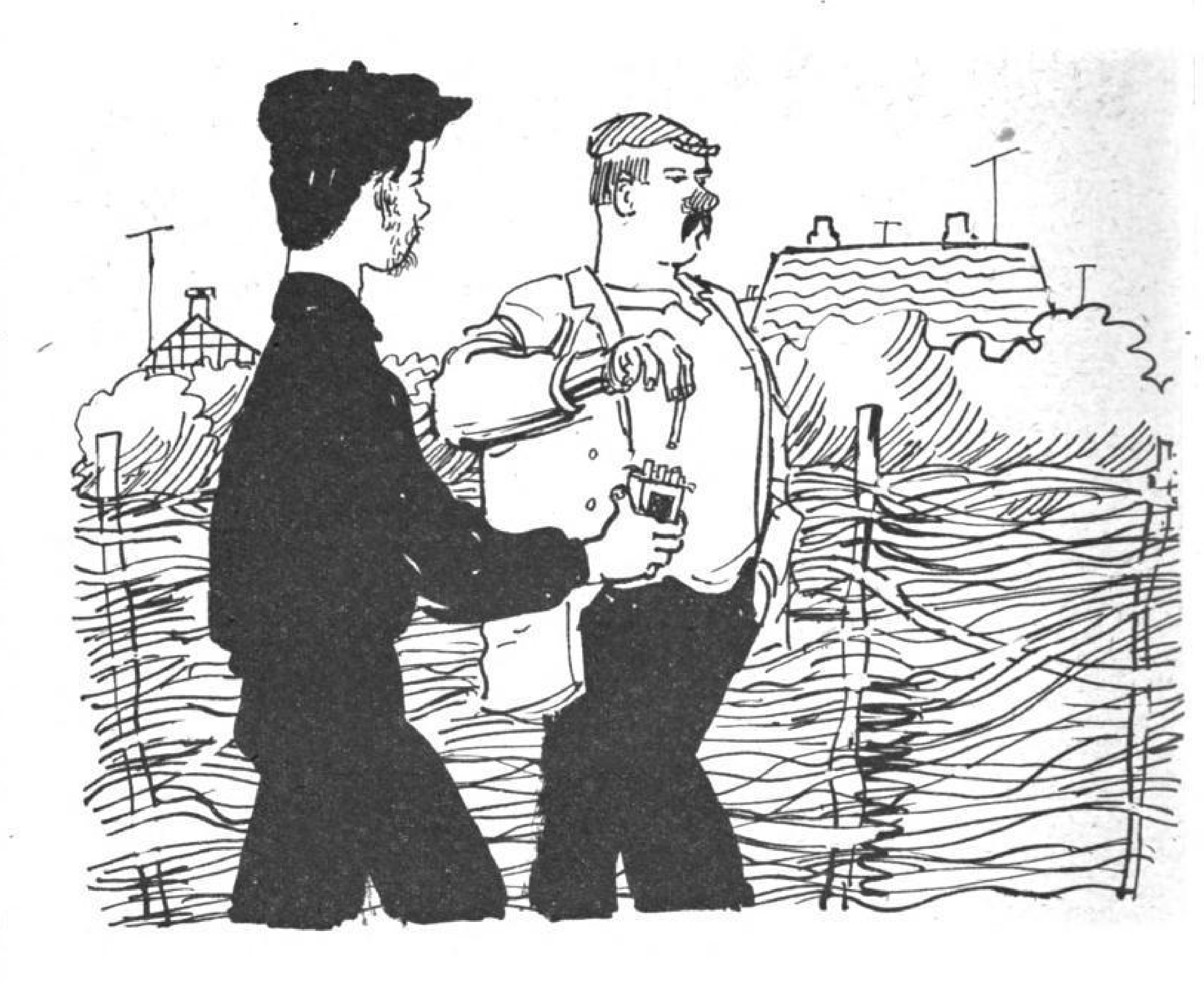
— Ты смотри, какие они теперь гордые стали. Мою Евдоху видел? Попробуй ударь такую. Маяк! А раньше для меня было все одно, что жену ударить, что на пол плюнуть.— Пилип Одудько тут же продемонстрировал, как он на пол плюет.— Теперь не трожь. А ну, попробуй! Беды не оберешься. Лучше уйду.

Помолчали. О чем, собственно, говорить, когда все ясно?

— Ну, бывайте здоровы,— сказал Мартын Кныш,— пойду уже.

Никто ему не ответил.

Сгущались сумерки. В леваде у Многи пели соловьи. Девушки тоже пели — около кооперации, на колодах. Там колоды лет пять лежат, с тех самых пор, как новый магазин надумали строить.

Мартын Кныш шел улицей и ругался. И откуда этот бригадир свалился ему на голову? Ведь он шел свататься и объясняться в любви, а Роман Пулейко все испортил. Теперь снова думай, пойдет ли она за него или, может, тоже скажет, что он мушкетер.

Грустно на душе у Мартына Кныша. Знали бы соловьи, как грустно, не заливались бы так в леваде, у Многи. Они бы плакали, а то, вишь, поют.

V

Минувшей ночью Мартыну Кнышу не спалось. Он пролежал почти всю ночь с раскрытыми глазами и слушал, как стрекочут в подпечке сверчки. И отчего они взбесились? Голодные они или объелись? А может, у них радость такая, что всю ночь надо стрекотать? Может, у них детишки родились, вот и празднуют и стрекочут, досаждая хозяину дома?

Удивительные мысли приходят человеку в голову, когда он идет свататься и это серьезнейшее дело неожиданно срывается.

Ну, а зачем ему жена? Браниться будет, корить, глазами сверкать. Но тут же эта мысль улетучилась. Пускай ругается, пускай сверкает. Лишь бы была она, жена!

Взбудораженное сверчками и бессонницей воображение Мартына Кныша разыгралось. Вот

если бы сейчас, здесь, рядом с ним, лежала на полатях Горпина Горюн, разве плохо бы было? Он мог бы вот этак рукой до нее дотронуться, и она бы ему ничего не сказала. А может, даже, наоборот, может, она что-нибудь сказала бы и прильнула к нему. Целоваться, конечно, не обязательно, это молодым — тем обязательно, а им нет. Но прижаться можно, еще как можно!

Поутру Горпина поднялась бы и начала хлопотать возле печки. Яичницу бы поджарила или картошку с салом. И огурцы с грядки принесла бы. Сейчас, правда, их еще нет, зато редиска есть.

Тогда и он бы поднялся, и они позавтракали вместе, и о чем-нибудь поговорили бы. Про фермы, должно быть, говорили бы. Не про политику же! А после пусть себе идет на ферму. Он ей не запретит, он не такой, как Пилип Одудько, и кулаки на свою жену не станет поднимать.

После завтрака ему можно еще немного полежать. А затем на Многу, посмотреть, что там делается, как там рыба идет. А когда карась икру начнет метать, он завтрака ждать не станет, тогда надо прямо с утра к вентерям, а то, чего доброго, кто-нибудь еще вытрусит их. Все может статься, когда ты отлеживаешься, как граф, под боком у жены. Вентери надо до солнца обойти, когда еще тлеет одинокая звезда на небе, вытрусить — и в вершу. Да понадежнее запрятать. А когда верша вся наполнится — на рынок.

Горожане просто обожают карасей. На ходу хватают и в очередь к нему, Мартыну Кнышу, становятся. Никакая рыба не сравнится с карасем — в сметане он или без нее. Разве что линь.

А продашь, иди в чайную. Выпей двести граммов «Московской». Это тебе не та пакость, которую Устя гонит. Это столичная. Только двести граммов, не больше, потому что в городе заведены теперь большие строгости. Могут забрить на пять суток... Это им раз плюнуть.

Ну, а если Горпина серчать будет, можно и не пить, можно тогда дома опрокинуть рюмку-другую. И вправду, что это за муж, который по ресторанам и забегаловкам слоняется? Ну, там видно будет — в чайной пить или дома.

И только тогда, когда над Сухими Млинцами зазвучал петушиный концерт легкой музыки, Мартын Кныш провалился в теплую пропасть. Тут уж клятые сверчки не раздражали.

Ничего особенного Мартыну Кнышу не приснилось. Ему лишь казалось во сне, что собаки лают.

Проснулся он, когда весеннее солнце поднялось довольно высоко. Поел картошки, вчера ее сам сварил. Не ахти какая хорошая, однако есть можно.

А теперь что делать? Мартын Кныш подсел к окну вентерь плести. Но деревянная игла очень медленно двигалась в руках. Как будто не хочется игле поддевать нитку и делать ячею. Нет, надо жениться! А то что это за жизнь, когда даже игла падает из рук? Когда приходится есть вчерашнюю картошку в мундире, с растительным маслом и с луком. Пускай сверкает на него Горпина очами, пускай даже ругается и запрещает в чайной законные двести граммов выпить после торговли. У нее тоже характер есть, она живой человек, почему же ей не побраниться малость? Лишь бы только она была рядом с ним, чтобы он, когда пожелает, мог на нее посмотреть и подумать: «А это моя жена».

Такая мысль развеселила Мартына, он даже улыбнулся, и его длинный нос шевельнулся вправо. Когда Мартын Кныш улыбается, у него всегда нос шевелится либо справа налево, либо слева направо.

Сегодня он все же пойдет на ферму и обо всем скажет Горпине. Он будет ждать ее в рощице под горой, а когда она приблизится, он подойдет к ней и просто скажет:

«Здравствуй, Горпино!» Она ответит: «Здравствуй, Мартын». А он потом скажет: «Давай, Горпино, поженимся».

Э, нет! Надо что-то другое сказать, что-то очень красивое, очень хорошее. Но опять же человек идет с фермы, она же свинарка, выматывается за день — дальше некуда, а ты ей всякие красивые слова начнешь говорить. Этак можно человека напугать красивыми словами.

А может, так начать:

«Пойдем сегодня в кино, Горпино. В клубе что-то крутить будут».

А она что ответит? Тут не угадаешь. Может сказать:

«Отстань ты со своим кино. Нашел дурочку в кино ходить».

Нет, не надо приглашать в кино! Хоть и неплохо было бы в темноте посидеть, однако приглашать не следует. Еще обидится. Что она, девчонка? Это девчонку можно пригласить и в темноте даже за руку подержать, а Горпина не девчонка, ей и без кино все сразу ясно станет. Она тут же поймет, почему у него игла из рук падает.

А не лучше ли так: идти они будут рядом, она здесь, а он здесь. Вот он и скажет:

«Не надоело ли тебе, Горпино, жить одной?» Она ответит: «Надоело». Тогда он скажет: «И мне надоело. Давай,— скажет он,— жить вместе».

И никаких тебе красивых слов. Без выкрутасов и без кино. А то в кино могут такое показать, что потом и разговаривать не захочешь. Там, в кино, чаще всего про любовь. А вдруг и ей захочется, чтобы было красиво, как в кино! Но разве он может что-нибудь красивое придумать? Где он возьмет эти красивые слова и всякие там улыбочки? Он не очень-то умеет улыбаться и разные слова говорить. Не научился, у него всего три класса начального образования. Где там красивые слова возьмешь? В районной газете их тоже не вычитаешь. А романы разные он никогда в руках не держал. Обойдется без кино.

Вдруг игла весело замелькала в руках. Он первый мастер на всю республику вентери плести. Уж такой сплетет, что караси и щуки сами в него полезут, прут в такой вентерь, словно их кто-то сзади подталкивает. Лини — те не очень, те с умом, а язи перескакивают — мудрые очень.

В сенях скрипнула дверь. Кого это несет?

— Здоров ли, Мартын? — приветствовал его Роман Пулейко.— Я думал, где это ты. А он вентери плетет. Сейчас вроде как и не сезон плести — зима ведь была.

— Была да сплыла.

— То-то же.

— По мою душу пришел? — спрашивает Мартын Кныш.

Ему хочется, чтобы Роман Пулейко вскипел и начал дергать себя за бородку. Когда он начинает дергать себя за бородку, с ним гораздо легче препираться.

Но Роман Пулейко вовсе не сердится. Он подсаживается к Мартыну и молча наблюдает, как движется игла: раз—в одну сторону, раз—в другую.

— Пойдем со мной на ферму,— говорит Роман Пулейко,— надо дорыть ров под трубу для автоматической подачи кормов.

— А почему я? Разве никого больше нет в селе? — спрашивает Мартын Кныш.

Он, конечно, понимает всю нелепость своего вопроса. Но он всегда так отвечает бригадиру. И тогда Роман Пулейко взрывается и начинает нести бог весть что.

— Довольно, Мартын, дурака валять! Сам знаешь — все в поле. Вдвоем будем рыть, одному вроде скучно.

То ли голос Романа Пулейко зазвучал необыкновенно душевно, то ли Мартын Кныш сам почувствовал, как скверно одному рыть канаву: никому слова не скажешь, ни с кем цигарку не раскуришь. Или, может, Мартын понадеялся, что увидит возле фермы Горпину Горюн,—кто знает! Но он решил пойти. Пускай бригадир не думает, что у него совсем уж сердца нет. И проняло же, должно быть, Романа Пулейко, если он пожаловал к нему в хату. И даже не ругает и за бородку себя не хватает.

До дуплистой вербы, что стоит при дороге, шли молча. Потом Роман Пулейко сказал:

— На днях приезжал инструктор-организатор из сельхозуправления. Говорит, наша ферма заняла первое место в области...

— Это хорошо.

— Конечно. Говорят, Сухие Млинцы скоро станут селом коммунистического труда.

— Значит, премии давать будут...

Рука Романа Пулейко потянулась к бородке.

— Не ради премии трудимся, Мартын,— раздраженно сказал он.— А инструктору я возразил. Не может, говорю, наше село так называться, не коммунистическое еще наше село.

— Тю! С чего же это ты так?

— А у нас, говорю, еще три мушкетера есть.

Помолчали. Бригадир протянул Мартыну Кнышу пачку «Севера». Закурили, пустили дым в небо.

— Меня-то ты напрасно в мушкетеры. Я же карасей сдаю на общественное питание. Сам же распорядился сдавать, и заработки мои записываете.

— Запретили.

Мартын Кныш даже остановился. Как это запретили? Что ни день, то новость! Ведь это тоже работа.

— Запретили,— повторил бригадир,— говорят, разбазариваем фонды. Вот как.

Чудаки! Какое же это разбазаривание? Ведь он, Мартын Кныш, готовую продукцию сдает в колхоз. Не всю, конечно, даже не половину, может, даже меньше трети сдает он в колхоз на общественное питание, чтобы механизаторам в поле давали свеженькой рыбки, карасей и щук. Чудаки! Вот в городе на рынке к нему в очередь становятся, точно он не Мартын Кныш, а магазин. И хватают. А тут — запретили. Чудаки!

— Вот подумай, Мартын,— снова заговорил Роман Пулейко. Он бросил окурок и по старой привычке, приобретенной еще тогда, когда пас коров, сплюнул сквозь зубы: тот и пастухом не считался, кто сквозь зубы не умел сплевывать. Давно это было, а, поди, на всю жизнь привычка осталась.— Подумай, Мартын, мушкетеров нам никак нельзя терпеть в селе: назад они нас тянут и вперед ступить не дают. Подумай.

И Мартын Кныш думал. Он, собственно, давно уже думал. С того самого дня, когда лекцию про коммунизм прослушал. Очень ему понравилась эта лекция. Читала ее интересная такая женщина из района. Приятно было слушать и смотреть на нее. Впервые не заснул на лекции Мартын Кныш, до конца высидел и не заснул. А потом в ладони хлопал и улыбался. Лекция была занятная, что это за коммунизм и как при нем люди жить будут.

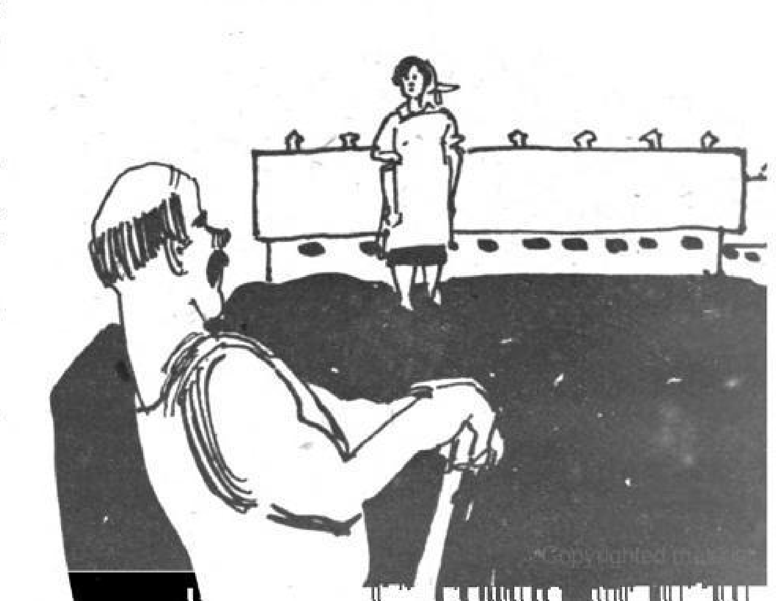
Хорошо будут жить люди. Здорово будут жить! И почему это он так рано родился? Родись он лет на двадцать позднее, и жил бы при коммунизме, словно у бога за пазухой. Живи да наслаждайся. Ты и сознательный в высшей степени: хочешь пойти на ферму канаву копать — иди, не хочешь — не иди. Никто тебя мушкетером не обзовет.

Нет, определенно надо было родиться лет на двадцать позднее. Может, даже на тридцать. Когда бы уже был полный коммунизм. И все бы было уже налажено, ни у кого в голове не осталось бы никаких пережитков.

А теперь извольте радоваться: иди канаву рыть, а то, видите ли, бригадиру скучно одному! Поскучал бы малость, а то больно уж веселым стал. Сейчас бы он уже вентери доплел, а вечером пошел к Горпине Горюн свататься.

Мартын Кныш уже намерен был повернуть обратно, но тут же подумал: а вдруг Горпина Горюн сейчас на ферме? Пускай она его увидит, пускай подумает: Мартын уже перевоспитался. Он уже не какой-то там мушкетер. Сохрани бог! Видали, как лопатой орудует? Может, она даже подумает: за такого и замуж можно идти, такой, вероятно, крепко любить будет. А почему бы она не могла так подумать?

Продолжение следует.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

МОЙ ЛЕРМОНТОВ

Лирическая поэма

Над Пятигорском
Шумный ливень льется,
А мы с тобой забрались
В темный грот
И смотрим, как от капель
Ветка гнется,
И слышим,
Как июльский дождь поет.
Здесь, говорят,
Печорин с Верой встретились,
Почти в такой же полдень
Грозовой.
Легендами и вымыслами этими
Взволнован я.
Но Лермонтов живой,
Все заслонив,
Встает передо мною,
Бежит по тропкам
К дымчатым холмам,
В глазах, налитых
Южной чернотою,
Грусть с горькою улыбкой
Пополам.
То он стоит
У серных вод Провала,
То на прямой вершине
Машука.
Кто скажет,
Где впервые зазвучала
Написанная гением строка?
На этих зеленеющих отрогах,
У неба и земли на рубеже?
Здесь выходил один он
На дорогу,
Здесь Демона
Предчувствовал уже.
И все же он не Демон,
Не Печорин.
Он от кавказского загара
Черен,
Как Азамат —
Приятель Казбича.
Мой Лермонтов —
Аристократ и горец,
И вежлив он,
И рубит он сплеча.
Все в нем сплелось.
Как гор вершина, сдержан,
Нетерпелив,
Как бешеный поток,
И черств душой
И беспредельно нежен.
Он легкомыслен,
Он же и пророк.
Мой Лермонтов
Не образец героя,
В котором идеальная душа.
В нем вечное желанье
Непокоя
С неутоленной жаждой
Мятежа.
Не в меру подозрителен,
Доверчив —
И местью отвечает
На обман.
Мой Лермонтов —
Клубок противоречий,
Грозящий извержением
Вулкан.
Биографы пусть изучают
Даты,
Когда и где,
В каких местах он жил.
А мне важней,
Какую боль утраты,
Какую тяжесть
Он в душе носил,
Каким накалом крови
Чувства мерил,
Как праздновал
Печаль и торжество,
На что надеялся,
Кому он верил
И трепетно боготворил
Кого.
Заснеженные ледники
Кавказа
Ему напоминали
Русский снег,
Равнины, неохватные
Для глаза,
И лунный отблеск,
И саней разбег.
Позванивает колокольчик
Бойко,
И мимо обнищавших
Деревень
Проносится стремительная
Тройка,
Отбрасывая
Аспидную тень.
Из-под копыт летят,
Взрываясь, хлопья,
За перегоном
Скрылся перегон.
Угрюмая, кандальная,
Холопья,
Глядит Россия
С четырех сторон.

Все яростней,
Все бешенее кони
Бегут, подхлестнутые
Ямщиком.
Спасаются как будто
От погони
В недобром одиночестве
Степном.
Что вспомнилось поручику
В изгнанье?

Над невской далью
Бледная заря,
Бесстрашие

Декабрьского восстанья,
Трусливая безжалостность
Царя?

Летящий сквозь столетья
Всадник Медный,
Смерть Пушкина
И ужас похорон,
Свои стихи —
Они, как залп ответный,
Раздались,
Покачнув державный трон?
Любовь?
Но что от той любви
Осталось?
Она исчезла
Призраком пустым,
Та женщина,
Что ангелом казалась,
Но поступила
По-земному с ним.
Еще, как говорят,
В запасе вечность,
И четверть века
Не прожита им,
А он с тоской
Смертельною обвенчан,
И собственным бездействием
Томим.
И это не придуманная поза,
Не наигрыш,
Не байроновский жест.
Он слишком чист
Для той житейской прозы,
В которой топчут
Человечью честь.
Но сердце от обид
Не разорвалось,
Глазам не надоела
Синева,
И в нем живет
Мальчишеская шалость
С причудами лихого озорства.
И радуется он
Цветку простому,
Воде, что можно
В родниках испить...
Две б жизни на земле
Прожить такому,
Он не сумеет

Высокогорные стихи

Сырбай МАУЛЕНОВ

Караспанский хребет

Сто веков беспробудно проспав,
В синей шапке, суров и красив,
Протянулся хребет Караспан,
С небом землю соединив.

Говорят, разодрал ураган
На две части небесную высь.
И одна половина легла
Вот сюда, на долину Арысь.

Много песен, сказаний, легенд
Породил этот царственный вид.
И ни в небе и ни на земле
Караспан: между ними парит!

Караспан на дояра похож.
Вон коровы его — в высоте!
Он доит облака, чтобы дождь
Напоил пересохшую степь.

Иссык-Куль

Едем, едем, дороги лента
Вьется вверх, перевалы во мгле...
И сдается, что озеро это
В небесах,
А не на земле.

Где-то спит оно в небе синем:
Крут подъем, а его все нет...
Вдруг мы видим:
Вдали, в низине,
Заплескался лазурный свет!

Ни пути к нему, ни дороги...
Тесным строем сплотясь вокруг,
Оградили леса, отроги
Иссык-Куль
От ветров и вьюг.

Нам во сне оно даже снилось.
Может, вправду сюда оно
Вдруг упало,
Но не разбилось,
Из вселенной давным-давно?..

Снова вьется дороги лента,
Снова скрылось оно во мгле.
Снова кажется:
Зеркало это
Где-то в небе, не на земле...

Город Рудный

Когда-то степь
Белела кучкой юрт.
Сегодня весь в огнях, перед тобою
Веселый город распростерся тут,
На голубом извилистом Тоболе...

Где было ровно,
Вижу скулы скал.
Как будто бы сюда издалека
Перенесла полкряжа Ала-Тау
Какая-то гигантская рука.

Дрожит от взрывов
Древняя земля!
Клубится дым, над глыбами паря.
И россыпью огней сверкает город,
И ночью занимается заря.

И одной прожить...
Завистники
Его живьем бы съели
За то, что звездных
Он достиг высот.

С ним рядом ходит
Не один Сальери,
Готовит гибель
И паденья ждет.

Расставлены
Опасные капканы,
И паутину сплетен
Вьет паук,
И пенятся

Гусарские стаканы,
И вертится
Ночей картежных круг.
Как факелы, горят
Селенья горцев
В тревожной неприглядности
Ночей.
Мартынов
В женском обществе смеется
И хвастается
Удалью своей.
Все беспросветно,
Все душе отвратно...
А бабушка,
Не покладая рук,
Хлопочет, просит,
Чтоб опальный внук
По высочайшей милости
Обратно
Вернулся в ненавистный
Петербург.

Черкесский конь
Под ним легко танцует,
А бурка к смуглому
Идет лицу.

Все выше в горы —
Свежий ветер дует,
Все ближе
К злополучному концу,
Среди ущелий,
Богом позабытых,
Он мчится,
Словно ринулся в полет.

И пуля та,
Что для него отлита,
К стволу прижавшись,
Очереди ждет...
А что Мартынов?

Разве в нем таится
Разгадка
Той трагедии большой,
Не он, так подвернулся бы
Другой:
Самовлюбленный, пошлый
И пустой,
С которым все равно ведь
Не ужиться,
Не примириться
На земле одной.

Он на ничтожество свое
В обиде,
В азарте низменном
И мелочном
Горел бессильной ярости
Огнем,
Он в Лермонтове
Великана видел,
А Лермонтов
Пигмея видел в нем.
Холеные
Лоснились
Бакенбарды,
Курчаво завиваясь
В повитель,
И Лермонтов
Насмешливые взгляды
Бросал,
Пока не началась дуэль.

Всей судорогой
Нервов обнаженных,
Всей силой воли,
Что на помощь звал,
За сосланных в Сибирь,
За всех казненных,
Униженных душой
И оскорбленных
В самодержавье Лермонтов
Стрелял.

Над Пятигорском
Шумный ливень льется,
А мы с тобой забрались
В темный грот.

Как сильно под сорочкой
Сердце бьется,
Как он светло
В моей душе живет!
И пусть обидно нам,
Что невозможно
Остановить бегущие века,
Перед его могуществом —
Ничтожна
Забвения
И вечности река.

Здесь зазвенела
Глубь железных недр.
Покоя векового больше нет!
Здесь каждый день
Идет рудой в горнило
Для звонкого литья грядущих лет!
Там, где свой клад земля сокрыла,
Где недра гор
И рудники...

Перевел с казахского
Александр Коренев.

Там, где рудники

Я видел
Зреньем сокровенным —
Через кристалл, а не стекло,—
Как в зал,
Где шел партийный пленум,
Само Грядущее вошло...
На всех повеяло из зала
Озоном свежим, еще раз...
И что-то вдруг душе сказало:
Другая эра
Началáсь!

Волна оваций взмыла живо!..
И, утихая, все хлопки
Вдруг превратились
В э х о взрывов

Барханы

Среди барханов вихрь играет,
И не видать людей тогда.
В пустыне он передвигает
Горбатых призраков стада.

Вдруг озеро каким-то чудом
Повиснет с пламенных небес.
И словно выпито верблюдом,
И даже след его исчез.

Бархан ли движется тяжелый,
А может, в яростных лучах
Верблюд от той воды веселый
Бежит, веревку волоча.

Перевел с казахского
Ник. Ушаков.

Театр живых традиций

О Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова рассказывают В. Ананьева, К. Черевков и Е. Умнов.

В далекий день открытия театра, 9 декабря 1836 года, состоялась премьера «Ивана Сусанина» М. И. Глинки.

На этой сцене впервые шли и многие оперы Чайковского, Римского-Корсакова; здесь проходили премьеры «Князя Игоря», «Бориса Годунова», «Хованщины»... Овеяны неумирающей славой имена выступавших в этом зале артистов Ф. Шаляпина, Л. Собинова, И. Ершова, А. Павловой, Т. Карсавиной, В. Нижинского, балетмейстеров М. Петипа, М. Фокина, Ф. Лопухова...

Традиции, накопленные за вековую историю театра, живы. Составу труппы может позавидовать любой театр мира, а репертуар Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова огромен и разнообразен. В течение двух с половиной месяцев ежевечерне могут идти разные спектакли, и ни одно название не повторится!

Здесь русская и мировая классика, современные зарубежные композиторы, большое место занимают произведения советских авторов. Начав в 1925 году оперой А. Пащенко «Орлиный бунт», театр постоянно создает советские спектакли. Накоплен немалый «золотой фонд». В текущем сезоне идут оперы «Декабристы» Ю. Шапорина, «Дуэнья» С. Прокофьева, «Семья Тараса» Д. Кабалевского, «Судьба человека» И. Дзержинского... Успех неизменно сопутствует балетам «Спартак» А. Хачатуряна, «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Берег надежды» А. Петрова. Из тринадцати премьер последних двух лет, семь — советских авторов, в том числе: балет «Россия» входит в порт» В. Соловьева-Седого на тему популярной его песни «Если бы парни всей земли» и опера В. Трамбицкого «Кружевница Настя», по одноименному рассказу К. Паустовского, посвященная блокированному Ленинграду.

И сейчас расписание репетиций новых спектаклей изобилует именами известных композиторов: Шостакович, Мурадели, Прокофьев, Д. Толстой...

Трудно представить себе размах работы этого сложного коллектива, в составе которого около тысячи человек.

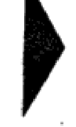
Артисты консультируют самодеятельность, участвуют в шефской работе, выступают по радио... На концертных афишах постоянно мелькают знакомые фамилии. Поистине немалый вклад внес театр в кинематограф. Главному режиссеру Р. Тихомирову принадлежат фильмы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Крепостная актриса».

Недавно на экраны страны вышел фильм «Спящая красавица». Постановщик его — главный балетмейстер театра К. М. Сергеев. Партию феи Карабос исполнила Н. М. Дудинская, а ее ученица солистка театра А. Азова сыграла роль Авроры. Скоро в кинокартине «Война и мир» зрители увидят в роли Наташи Ростовой артистку балета Людмилу Савельеву.

С большим успехом прошли гастроли артистов театра в Швеции, Норвегии, Финляндии, Японии, Англии, Франции, ГДР. В сентябре этого года театр едет в США.

Известный американский импресарио С. Юрок, который присутствовал на репетициях, посещал спектакли, говорит о балете: «У нас его помнят еще по первым гастролям — тем, что были несколько лет назад. Нынешний успех должен быть и будет еще большим!»

Предполагается показать американским зрителям балеты «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Золушка», две большие концертные программы и новый спектакль «Далекая планета».

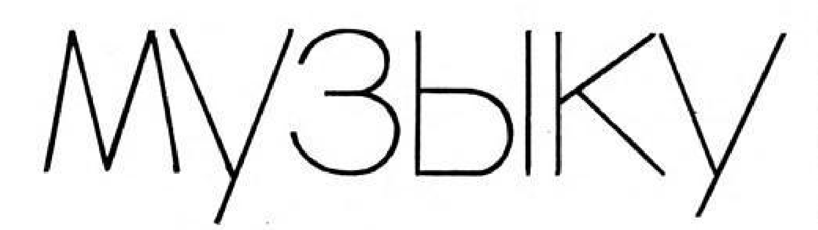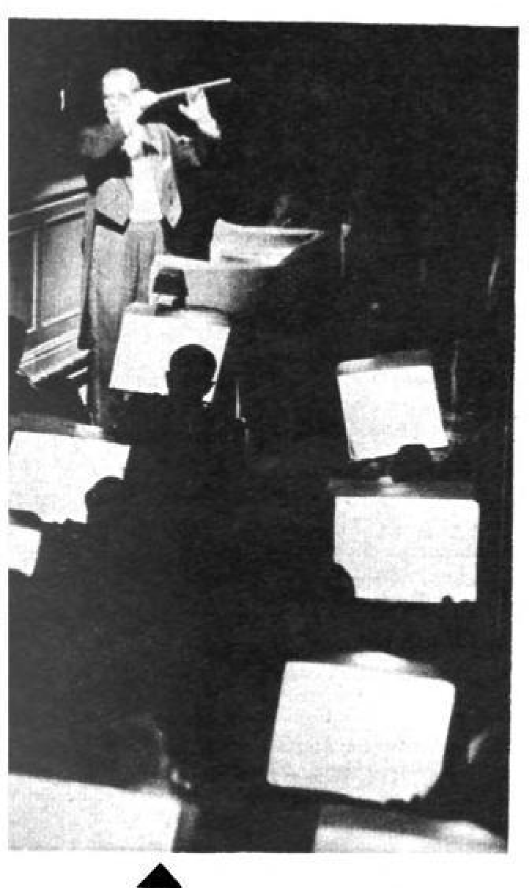

В 1862 году по заказу петербургского Театра оперы и балета (он тогда назывался Мариинским) Джузеппе Верди написал свою оперу «Сила судьбы». Вскоре состоялась премьера. А недавно театр снова показал этот спектакль.

128 лет идет опера М. И. Глинки «Иван Сусанин» в этом театре.

Экскурсия в

МУЗЫКУ

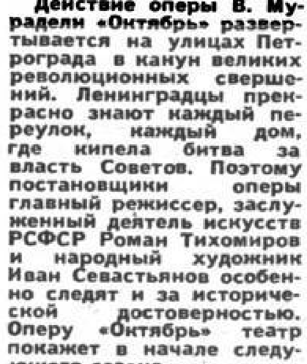
Потух свет. Стих зал. Все взоры прикованы к оркестру. За пультом главный дирижер театра, заслуженный деятель искусств профессор А. Климов.

Сегодня премьера оперы «Демон». Сейчас герой появится на подмостках. Надо подать сигнал, чтобы притемнили сцену, и вызвать солиста на выход. Все это забота помощника режиссера Софьи Халип.

Сцена из балета «Спящая красавица».

Действие оперы В. Мурадели «Октябрь» развертывается на улицах Петрограда в канун великих революционных свершений. Ленинградцы прекрасно знают каждый переулок, каждый дом, где кипела битва за власть Советов. Поэтому постановщики оперы главный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Роман Тихомиров и народный художник Иван Севастьянов особенно следят и за исторической достоверностью. Оперу «Октябрь» театр покажет в начале следующего сезона.

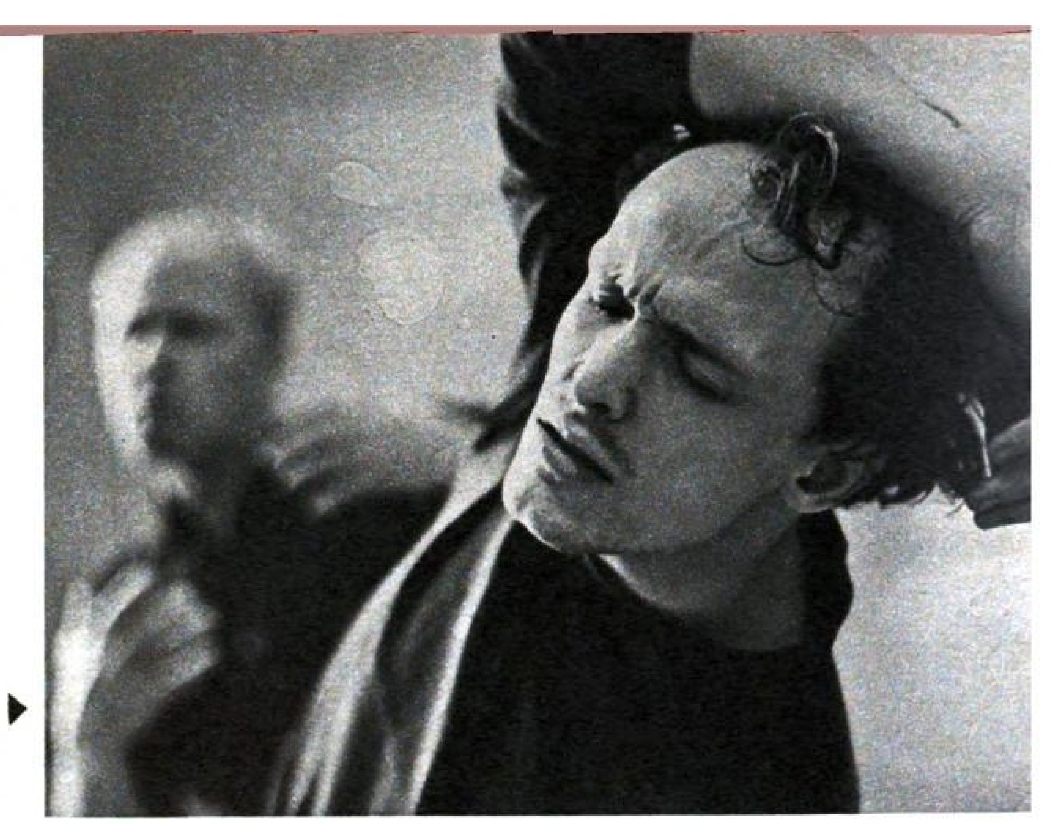
До выхода на сцену еще несколько минут: можно успеть поправить костюм, заглянуть раз-два в зеркало и даже дочитать страницу интересной книги.

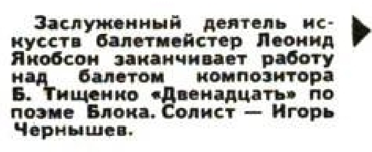

Четыре года назад пришла в театр из Саратовской консерватории Галина Ковалева. Сейчас она уже заслуженная артистка республики, лауреат международных конкурсов вокалистов в Софии и Тулузе. В эти дни Галина Ковалева работает над партией в опере «Октябрь» (у рояля — концертмейстер И. Рубаненко).

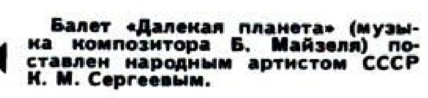

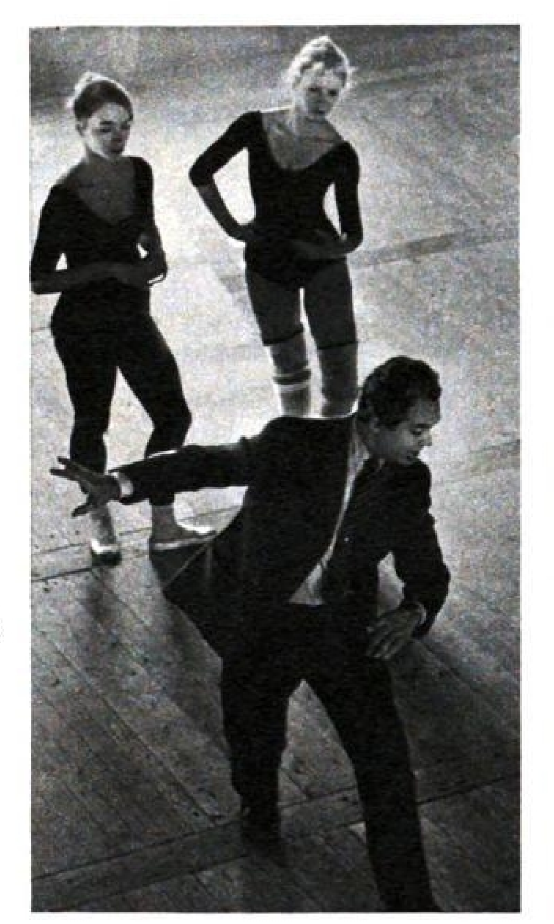
Заслуженный деятель искусств балетмейстер Леонид Якобсон заканчивает работу над балетом композитора Б. Тищенко «Двенадцать» по поэме Блока. Солист — Игорь Чернышев.

«Наша Оленька» — называют в театре заслуженную артистку РСФСР Ольгу Леонидовну Заботкину. Советскому зрителю она известна не только по балетным спектаклям, но и по фильмам «Два капитана», «Дон Сезар де Базан», «Черемушки», «Спящая красавица».

Балет «Далекая планета» (музыка композитора Б. Майзеля) поставлен народным артистом СССР К. М. Сергеевым.

Балет — это всегда молодость. По рисунку танца, тончайшему мастерству молодых артистов нетрудно догадаться, что выпестованы они народным артистом СССР, главным балетмейстером театра Константином Михайловичем Сергеевым. Сам в недавнем прошлом один из ведущих танцовщиков советской сцены, он щедро передает свой опыт.

Перед выходом на сцену.

Поставленная в 1961 году опера «Судьба человека», которую написал Ив. Дзержинский по рассказу Мих. Шолохова, пользуется исключительным успехом: ей всегда сопутствует аншлаг. Роль солдата Андрея Соколова — одна из любимых в репертуаре народного артиста РСФСР Бориса Штоколова.

Долгие годы блистала на сцене народная артистка СССР Наталья Дудинская. Сейчас она передает свои знания преемницам.

А. ГОВОРОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Ведь «республика»
Без горна,
Что в селе петух
Без горла.
И везде —
над Подмосковьем,
Над республикою
«Юность»,
Над республикой
Здоровья
Горны звонкие взметнулись.
С добрым летом,
С бодрым летом,
С теплым дождиком
При этом,
С рыбной речкой,
С вечерами —
С пионерскими кострами,
С «тихим часом»,
Пионеры!
Отдыхайте,
Вали,
Веры,
И Валеры,
И Захары...
Отдыхайте все
Без грусти:
Солнце летнее
Загара
Сколько хочешь
Вам отпустит.

РЕСПУБЛИК

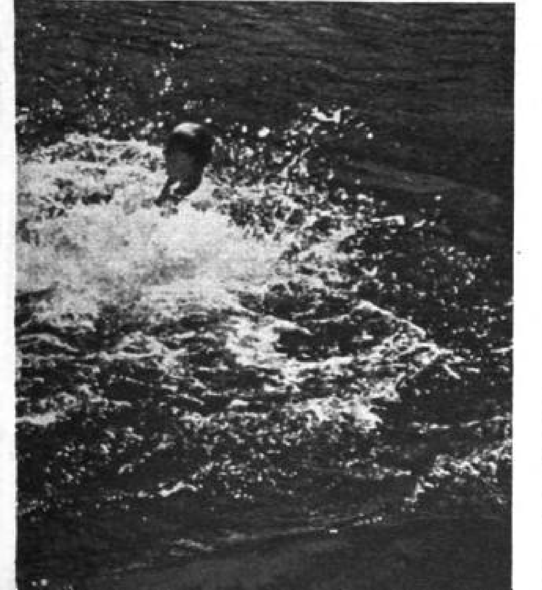

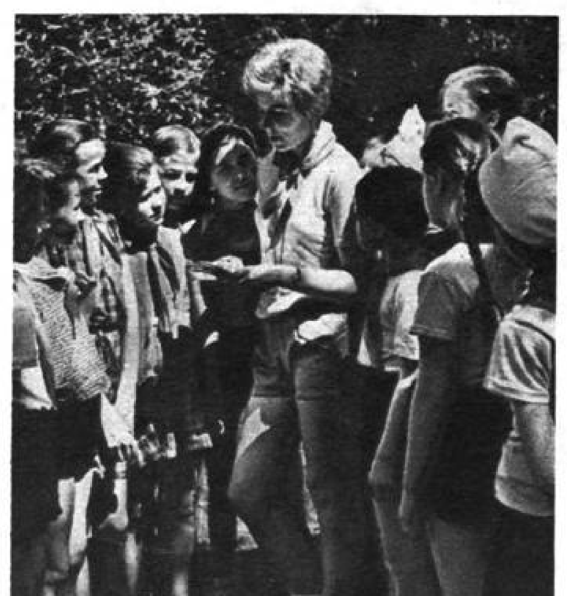

А ЮНОСТЬ

Загадка, проблема, открытие, факт

ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ШУМ?..

...И все-таки человеку нужен шум. Ученые установили частоту и интенсивность различных колебаний, благотворно влияющих на человека. Они записали на магнитофон шорох листвы, шум проливного дождя и рокот морского прибоя. Выяснилось, что частота этих шумов находится в зоне средней чувствительности нашего уха. Этим объясняется то приятное чувство успокоения и равновесия, которое они вызывают. Шумы естественного происхождения играют важную роль в формировании человеческого слуха.

КОНСЕРВИРОВАННАЯ ПЫЛЬЦА

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть садовые тюльпаны, которые цвели бы не одним, а несколькими цветами? Пока таких цветов нет нигде, но скоро вы сможете полюбоваться ими в садах и парках.

Чтобы получить эти диковинные цветы, ученые скрестили туркменские дикорастущие тюльпаны с садовыми. Но среднеазиатские тюльпаны цветут ранней весной, значительно раньше, чем садовые. Как же могут ученые производить скрещивание, опылять растения? Сейчас разработан специальный метод хранения цветочной пыльцы. Ее замораживают до 79 градусов, чтобы все жизненные процессы в ней на время приостановились. Потом, на следующий год, когда пыльца понадобится для скрещивания, ее размораживают, и она вновь приобретает свои свойства.

ЗАГАДКА КРАСНОГО ПЯТНА

Для непосвященных всегда кажется немножко комичным, как ученые реагируют на самые, казалось бы, несущественные вещи. Но то, что непосвященному может казаться мелочью, часто носит характер сенсации в мире науки. Поэтому, когда радиоастрономы Алекс Смит и Томас Карр из Флоридского университета обнаружили, что радиосигналы с Юпитера — этой гигантской далекой планеты нашей Солнечной системы — вдруг стали приниматься на Земле с интервалами на 1,3 секунды больше, чем раньше, они пришли в смятение. Для них новость была такой же неожиданной, как если бы вдруг города Вашингтон и Нью-Йорк обменялись местами.

Видимая поверхность Юпитера покрыта густыми облаками, на фоне которых просматривается загадочное красное пятно, открытое в 1831 году. И вот это красное пятно изменило вдруг период своего вращения вместе с изменением периода радиосигналов. Высказывается предположение, что именно это пятно связано с образованием радиоволн, излучаемых Юпитером.

Но планеты не могут изменять период своего вращения, как меняется расписание движения поездов. С другой стороны, возможно, что запаздывание радиосигналов вызвано какими-то изменениями в магнитном поле планеты. Но как и почему это отражается на красном пятне? Во всяком случае, пока что проблема эта вполне может быть сформулирована как название детективного романа: загадка красного пятна.

В ЛЕСУ ГОРНЫХ ТРАВ

Их даже неудобно называть травами. Они достигают трех-четырех метров высоты. В таком «лесу» и заблудиться можно.

Почему же заинтересовались ими ученые?

Павел Борисович Виппер, заведующий отделом полезных дикорастущих растений Главного ботанического сада АН СССР, охотно рассказывает:

— Нас прельстили их гигантские размеры. Мы решили посмотреть, а не подойдут ли они на силос скоту, не пригодятся ли как техническое сырье в промышленности?

Вы, вероятно, знаете окопник? Его можно встретить почти во всех областях нашей страны. Это — высокое многолетнее растение с крупными шершавыми листьями и голубоватыми цветами.

В нашей лаборатории выяснили, что он хорошо силосуется, обладает полноценным белком, его с успехом можно рекомендовать колхозам и совхозам для корма скоту.

Другое дикорастущее растение — горец забайкальский — содержит ценное вещество, необходимое в кожевенном производстве для дубления кожи. В Чувашии, близ Шумерлинского завода дубильных экстрактов, раскинулась целая плантация забайкальского горца.

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ЭХО»

Ф. КРИВИН

Рисунки В. Черникова.

ДЕДАЛ И ИКАР

— Кто такой Икар?

— Это сын Дедала. Того, что изобрел крылья.

Мудрый человек был Дедал. Он знал, что нельзя опускаться слишком низко и нельзя подниматься слишком высоко. Он советовал держаться середины.

Но сын не послушался его. Он полетел к солнцу и растопил свои крылья. Сын погиб, потому что

ему не хватало отцовской мудрости.

А Дедал все летит. Он летит по всем правилам, не низко и не высоко, умело держась разумной середины. Куда он летит? Зачем? Это никому не приходит в голову. Многие даже не знают, что он летит, мудрый Дедал, сумевший на много веков сохранить свои крылья.

Дедал... Дедал...

— А, собственно, кто такой Дедал?

— Это отец Икара. Того, что полетел к солнцу.

ИСТИНА

Платон был общительный человек, и у него было много друзей. Но все они говорили ему:

— Платон, ты друг, но истина дороже.

Никто из них в глаза не видел истины, и это особенно обижало Платона. «Почему они ею так дорожат?» — с горечью думал он.

В полном отчаянии Платон стал искать истину. Он искал ее долго, всю жизнь, а когда нашел, сразу потащил к друзьям.

Друзья сидели за большим сто-

лом, пили и распевали древнегреческие песни. И сюда, прямо на стол, уставленный всякими яствами, Платон вывалил им свою истину.

Зазвенела посуда, посыпались черепки.

— Вот вам истина,— сказал Платон.— Вы много о ней говорили, и я ее принес. Теперь скажите, что вам дороже: истина или друг?

Друзья притихли и перестали петь древнегреческие песни. Они сидели и смотрели на истину, которая неуклюже и совсем некстати громоздилась у них на столе. Потом они сказали:

— Уходи, Платон, ты нам больше не друг!

ДОКТОР ФАУСТ

Доктор Фауст все же нашел средство, как сохранить свою молодость. Он ходил по знакомым, и все они восклицали:

— Ах, доктор, вы чудесно выглядите!

Фауст расплывался в смущенной улыбке:

— Это уже не то. Посмотрели бы вы, как я выглядел сорок лет назад!

И все было очень хорошо.

Однажды Фауст пришел к своему старому приятелю Мефистофелю, с которым они в молодости занимались кое-какими делами. Мефистофель уже давно отошел от дел и на досуге устраивал соседям мелкие гадости.

— Как жизнь, старина?— приветствовал его Фауст.

— Слава богу!— сказал Мефистофель.— А у вас что слышно? Есть новенькие изобретения?

Фауст махнул рукой.

— Я давно бросил это дело. Знаете, уходит много времени, а я не хочу, чтобы время уходило.

— Все корпите над своими книгами?— предположил Мефистофель.— Ну и что хорошего вы в них вычитали?

— Я теперь не читаю книг: жалко времени.

— Так-так... Ну, а Маргарита как поживает? Все еще встречаетесь с ней?

— Э, где там! Бросил: жалко времени.

— Так какого же дьявола вы живете!

Фауст сел и стал думать, зачем он живет. Он опустил голову, согнул плечи и тяжело дышал. Потом встал и побрел домой, а Мефистофель смотрел ему вслед и дьявольски улыбался.

Когда на улице Фауста встретили знакомые, они пришли в ужас:

— Ах, доктор, как вы постарели, вы совсем не держитесь на ногах. Эй, люди, скорее сюда! Помогите доктору дойти до кладбища!

Новоселы гор

Этот небольшой зверек с серо-голубым мехом — шиншилла. Внешне он чем-то напоминает одновременно белку и кролика. Его родина — Южная Америка. Там, в Андах, когда-то шиншиллы жили большими колониями, гнездясь на скалистых, малодоступных горных террасах.

Существует забавная история о том, как впервые мех шиншиллы попал в Европу.

После открытия Колумбом Америки туда в поисках золота и славы устремилось множество испанских судов. Одна из экспедиций проникла в глубь южного континента и напала на россыпи драгоценных камней. Часть найденных сокровищ решили отправить в дар королеве испанской.

Чтобы лучше сохранить драгоценности, их завернули в меховой палантин, взятый у од-

ПОСОВЕТУЙСЯ СО «СТАРШИМ БРАТОМ»

Американская фирма «Интернешнл бизнес машинз» разработала новую систему электронно-вычислительных машин. Она собрана из микроминиатюрных модулей. Этот вид монтажа столь компактен, что в объеме одного наперстка умещается до пяти тысяч диодов и полупроводников.

Такая сверхкомпактность позволяет не только экономить материал и место. При фантастической быстроте, с которой работают современные электронно-вычислительные машины, электрический ток, путешествующий по чудовищному лабиринту проводников со скоростью света, уже задерживает их работу. Поэтому при маленьких размерах этой системы току приходится совершать значительно более короткое путешествие, а стало быть, и более быстрое. Чтобы промчаться по цепям системы, ему нужно всего несколько миллиардных долей секунды, тогда как раньше он «неторопливо» странствовал несколько миллионных долей секунды.

Но главное отличие системы заключается в том, что к центральной машине могут быть подключены десятки более простых машин, установленных в разных помещениях и даже городах. Если задача оказывается не под силу примитивному электронному мозгу меньшей машины, он не выключается, как раньше, а автоматически обращается за помощью к «старшему брату». «Старший брат» может одновременно выслушивать просьбы десятков «родственников» и, решив за них трудные задачи, сообщать правильные ответы. Покончив с назойливыми приставаниями маленьких машин, главная машина вновь погружается в свои собственные глубокомысленные расчеты.

ЛЕКАРСТВА ДЛЯ ПОЛИМЕРОВ

Где теперь только не применяются синтетические материалы — в промышленности и на транспорте, в авиации и медицине... На полимеры воздействуют высокие температуры и давления, электрический ток и радиация.

Детали станков и машин, изготовленные из полимеров, подвергаются трению, ударам и толчкам, растяжению и сжатию.

И полимеры не вечны. Под влиянием разных причин постепенно разрываются связи в молекуле, нарушается внутреннее строение полимера, он теряет свои ценные качества.

Можно ли продлить жизнь полимеров? Оказывается, можно. Ученые разработали специальные вещества — стабилизаторы. Если малые дозы такого вещества добавить в полимер, срок службы его увеличивается во много раз.

Лекарства для полимеров бывают разные. Одни излечивают «солнцебоязнь», другие предохраняют от воздействия высоких температур и т. д.

Экономический эффект от применения стабилизаторов очень высок. Малая химия обеспечивает долговечность большой химии.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КОСТЮМ

Оригинальную куртку изготовили в Москве, в научно-исследовательской лаборатории швейной промышленности. Она сделана из водонепроницаемой ткани на капроновой основе.

Куртка может служить спасательным костюмом для рыбаков. На груди и на спине костюма воздухонепроницаемые камеры. Специальный прибор автоматически наполняет их воздухом, едва человек попадает в воду. В капюшон вмонтирована лампочка, питающаяся током от батарейки, находящейся в рукаве. Лампочка помогает ночью найти человека, смытого волной с палубы.

СЕРДЦЕБИЕНИЕ КИТА

Исследователи, изучающие подводный мир, перестают считать его миром безмолвия.

Недавно акустики зарегистрировали новую серию подводных звуков: оказалось, что это стучит сердце кита.

ХВОСТ ВМЕСТО ГОЛОВЫ

В Торресовом проливе плавает удивительная рыбка щетинозуб. Ее хвост по форме напоминает голову, а голова напоминает хвост. Причем для полного сходства щетинозуб даже плавает хвостом вперед. Но когда рыбке угрожает опасность, она немедленно пускается наутек, на сей раз уже головой вперед, озадачивая своего противника.

Взрослый шиншилла.

Шиншиллы очень чистоплотны. Они по нескольку раз в день принимают ванны. Только «водой» им служит чистый мелкий речной песок.

Малыши с удовольствием пьют коровье молоко.

ного местного индейского вождя, уложили в ящик и отправили на фрегате в Испанию.

Сопровождавший этот подарок человек выгреб все драгоценности, а пустой ящик с меховым палантином передал во дворец. Сам, разумеется, скрылся.

Когда королеве показали полученный из Америки мех, она пришла в неописуемый восторг и захотела тут же наградить того, кто привез этот подарок. Этот человек был найден. Уверенный, что его ждет наказание, он упал к ногам королевы и во всем признался.

Королева, выслушав его, обратилась к присутствующим:

— Если бы я была только королевой, то наказала бы его. Но я женщина, и нам свойственны некоторые слабости. Такой мех еще не украшал ни одну женщину мира! Я буду первой и единственной даже среди королев!

Виновник был прощен.

С тех пор и без того немногочисленные шиншиллы стали безжалостно уничтожаться. Их мех ценился дороже золота, его обладатели были известны поименно. Вскоре шиншилл почти совсем истребили.

Баснословные цены на шиншиллу надоумили одного канадского торговца пушниной искусственно разводить этих зверьков. Подобные питомники появились и во многих странах Европы.

Заинтересовались шиншиллой и у нас. На звероводческих фермах Всесоюзного научно-исследовательского института пушнины около города Кирова уже живут и размножаются сотни этих зверьков.

Но наши ученые решили разводить шиншилл и на воле. Такие опыты уже сейчас проводятся в Таджикистане. Открытые вольеры в горах на высоте двух-трех тысяч метров над уровнем моря близки к тем условиям, в которых шиншиллы жили у себя на родине. Новоселы чувствуют себя превосходно.

Д. УХТОМСКИЙ

Фото автора.
Кировская область.

Маленькая фотоновелла

ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...

Весной 1946 года я был в Иране.

В Тавризе я увидел такую картину: на маленьком ишачке сидел верхом пожилой иранец. Сбоку шагал мальчонка, вероятно, внук наездника. Я сфотографировал эту сценку.

А когда через несколько лет появились стихи С. Я. Маршака с такими строчками:

Где это
Видано?
Где это
Слыхано?
Дедушка
Едет,
А мальчик
Идет! —

я подумал, что они могли бы стать подписью к моему тавризскому снимку.

И я послал фотографию С. Я. Маршаку.

Вот как ответил мне Самуил Яковлевич:

Я и не думал, что заране
В своих стихах предугадал
Вот эту сцену, что в Иране
Макс Поляновский
наблюдал.

Одно я думаю в тревоге:
Иранский всадник так
тяжел,
Что навсегда протянет
ноги
К земле придавленный
осел.

Внучок скорей с ослом
поладит.—
Пускай он будет седоком...
Но лучше, если ослик
сядет
На шею дедушке верхом!

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

ПОЕДИНОК

Ласло ПАЛАШТИ

Элегантная, хорошенькая женщина заходит в обувной магазин.

— Покажите бежевые туфли с вырезанным носиком.

— Пожалуйста, цвет беж, вырезанный носик,— услужливо говорит продавец и ставит перед покупательницей туфли.— Будем мерить?

— Прошу вас,— говорит женщина, но глаза ее блуждают по полкам, заваленным обувью.— Покажите что-нибудь другое...

В дальнейшем мысли продавца я буду заключать в скобки.

— (Уж чувствую, что покупательница попалась трудная!) Пожалуйста, что-нибудь другое... Есть прекрасные белые туфли.

— Покажите.

— (А чего показывать? Эта не купит.) Прошу вас. Эти определенно вам подойдут.

— Немного велики.

— (Черта с два — велики!) Есть и поменьше. Прошу.

— А эти жмут.

— (Замучает до смерти!) Может быть, туфли на шнуровке, остроносые? Есть бежевые, белые, серые.

— Будьте любезны, покажите серые.

— (Сейчас попросит белые!) Они сделаны на экспорт. Прекрасная пара!

— Покажите лучше белые.

— (А теперь захочет померить бежевые.) Подходят?

— Может быть, этот же фасон, но бежевые?

— (Теперь последуют сандалеты.) Вот бежевые.

— Эти мне тоже не нравятся. А какие у вас сандалеты?

— (Я заранее предсказывал!) Восхитительные!

— Сначала покажите красные.

— (А потом, конечно, белые, бежевые, серые, желтые!) Вот чудесная красная пара.

— А других нет?

— (Мои нервы недолго выдержат!) Может быть, зеленые?

— Покажите. Мне они не идут. В витрине я видела серые, комбинированные с белым.

— (Эти покажу, а потом все, конец!) Пожалуйста, серые с белым, с витрины.

— Интересно, на витрине они выглядели лучше. Благодарю, я зайду в другой раз. До свидания!

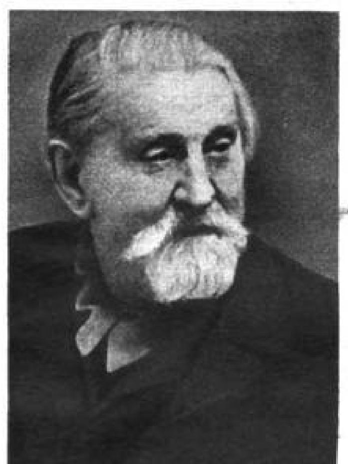
— (Чтоб тебе лопнуть!) До свидания!

Перевела с венгерского Е. Тумаркина.

Сергей Есенин.

Люди, время...

Н. И. Свищев-Паола.

90 лет исполнилось старейшему фотомастеру-художнику Николаю Ивановичу Свищеву-Паола.

Пятнадцатилетним мальчиком он пришел работать в фотоателье Овчаренко в Москве и с тех пор свою жизнь посвятил развитию и усовершенствованию русской художественной фотографии. Он создал галерею портретов выдающихся людей нашей Родины — ученых, поэтов, художников, артистов. Каждый портрет создан с присущей автору художественной выразительностью.

С 1910 по нынешний год Николай Иванович участвовал в 40 художественных выставках, имеет более 33 почетных дипломов, золотые и серебряные медали. Он неоднократный лауреат отечественных и международных выставок.

Н. ДУНАЕВА

Пейзаж.

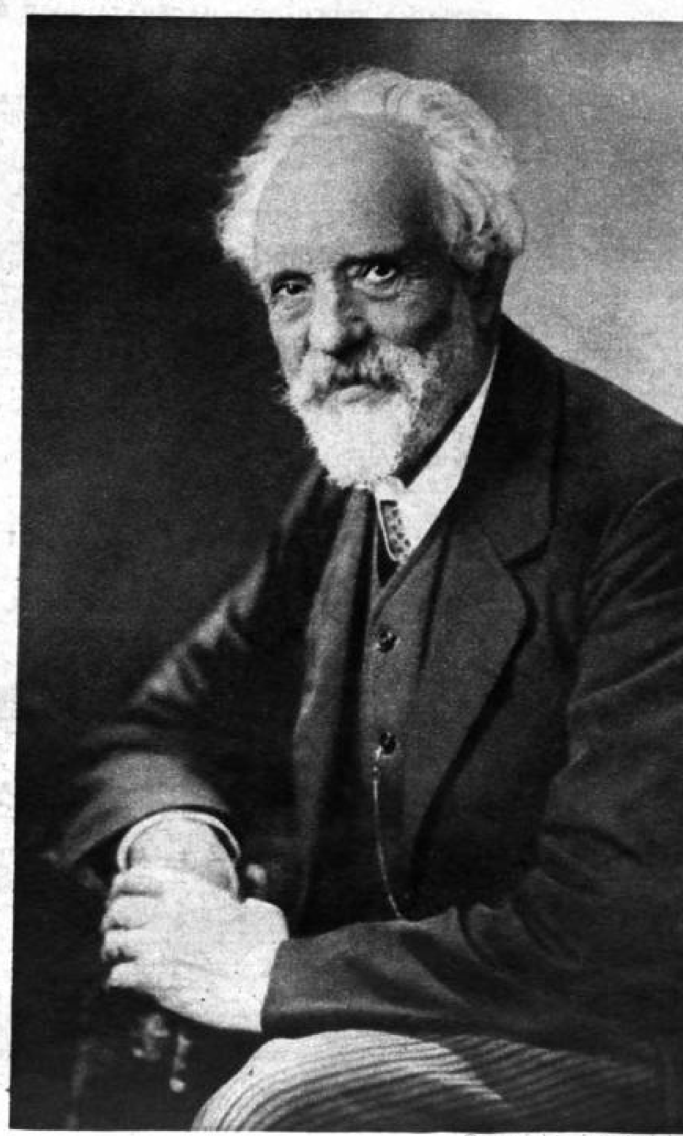

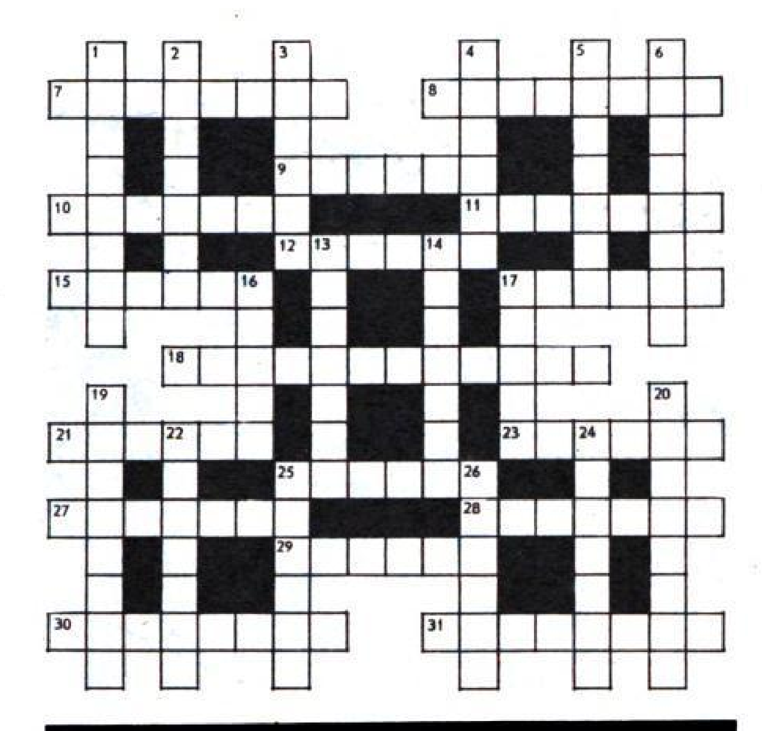
А. М. Коллонтай.

Разговор.

В. Н. Вакшеев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский композитор. 8. Глубоководный океанографический снаряд. 9. Порт на Черном море. 10. Роман Г. Флобера. 11. Победитель в конкурсе. 12. Азербайджанский поэт XII—XIII веков. 15. Неглубокий ров. 17. Работница животноводческой фермы. 18. Русский исследователь Центральной Азии. 21. Ледник на Кавказе. 23. Заплечный вещевой мешок. 25. Копировальная бумага для размножения чертежей. 27. Стихотворное произведение. 28. Фотографическое изображение. 29. Пчеловодное хозяйство. 30. Вязаная ткань. 31. Инструмент каменщика.

По вертикали:

1. Областной центр в Целинном крае. 2. Морская промысловая рыба. 3. Планета. 4. Аттракцион. 5. Наука о развитии человеческого общества. 6. Полуостров в СССР. 13. Река в Бирме. 14. Персонаж драмы А. С. Пушкина «Русалка». 16. Государство в Африке. 17. Портовый рабочий в западных странах. 19. Единица измерений частоты колебаний. 20. Сорт тыквы. 22. Балет С. С. Прокофьева. 24. Музыкальный инструмент. 25. Хищная птица. 26. Тропический плод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

7. Акшийрак. 8. Флагшток. 9. Талон. 11. Гранат. 12. Дублер. 13. Вобла. 14. Водород. 17. Медведь. 19. Достоевский. 22. Косынка. 23. Трактат. 24. Кокос. 26. Бунчук. 28. Кремль. 29. Пойма. 30. Конфетти. 31. Атабаска.

По вертикали:

1. «Кайрат». 2. Швартов. 3. Болонка. 4. Багдад. 5. Скафандр. 6. Горельеф. 10. Лобачевский. 15. Радин. 16. Десна. 17. Макет. 18. Дойна. 20. Асунсьон. 21. Стамеска. 24. Капитан. 25. Стартер. 27. Кафель. 28. Камбуз.

На первой странице обложки: Студенты совхоза-техникума Валентина Бондаренко и Александр Белобородов (см. в номере репортаж «Открытое поле»).

Фото И. Тункеля.

На четвертой странице обложки: Уборка парусов.

Фото А. Ерохина.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00692. Подписано к печати 10/VI 1964 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 078 000. Изд. № 947. Заказ № 1536.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Есть в Московском зоопарке забавный уголок пестрой компании пушистых и лохматых малышей.

Нашу «детвору», которую вы видите на снимках, мы выпустили на площадку молодняка 1 мая. День открытия площадки по традиции приурочивается к майским праздникам, чтобы доставить удовольствие юным москвичам, посещающим зоопарк в праздничные дни.

И не только дети, но и взрослые простаивают здесь часами.

Котенок Рыжик впервые встретился с кроликом, испугался и приготовился к защите, а лопоухий и нападать-то не умеет. Кролик есть кролик (фото 1).

А вот что произошло в «Ледовитом океане». Пришел бурый медвежонок воды попить, а из морских глубин белое чудовище вынырнуло да как рявкнет. Присел сибиряк в страхе и не знает, что делать: то ли защищаться, то ли бежать (фото 2)? Инстинкт подсказал: не связывайся с полярником, он сильнее. И забрался наш мишка от страха на решетку (фото 3).

А сколько страху натерпелся щенок Лопоушка, когда повстречался с чернобурной (фото 4). Это совсем не та, матерчатая, которую ему недавно удалось стащить в доме бывшей хозяйки из открытого чемодана и разделаться с ней по-щенячьи, разорвать в клочья.

Но такие драматические встречи происходят на площадке только в первые дни после ее открытия, когда малыши начинают познавать друг друга. И не удивительно. Белые медвежата прилетели с далекой Новой Земли, поросята приехали на такси из подмосковного совхоза, щенок жил в квартире на Арбатской площади, а бурый мишка лишь недавно выбрался из берлоги. Кролик весь мир представлял в виде своей клетки, капусты и морковки, а тут на тебе — просторы, бассейн с фонтаном, яркие игрушки и такие страшные звери, как кот с усами.

Но проходит несколько дней, и на площадке все боевые действия прекращаются. А к чему враждовать? Вот посмотрите на распорядок дня. Утром завтрак, потом прогулка, немного порезвились — обед, а после — опять гуляй. Набегался — и снова в столовую.

Бурые мишки Кнопка и Лялька так наелись, что не хотят идти на манеж. Приходится их нести (фото 5). А у Топтышки другой нрав. Она никак не хочет смириться с тем, что маляр, работающий напротив, забрался по лестнице выше нее. А может быть, и не в этом дело. Над часами окно кабинета директора: что он там делает? Понаблюдаю, а затем расскажу поросенку по секрету (фото 6). Ну, а тот, известно, внимательно выслушает, а потом хрю-хрю-хрю... по всей площадке разнесет.

Чтобы малышам не было скучно, для них приготовлено много разных игрушек: качалки, кольца, бочки, горки для катания, мячи и лестницы.

Вот Мишка, качаясь на деревянной утке, пытается откусить ей нос. (фото 7). Урчит, ворчит, сердится. Нос не поддается, но и мишка не сдается. Кто кого, посмотрим. Чаще всего побеждают острые мишкины зубы, и нам почти ежедневно приходится ремонтировать игрушки. Что поделаешь, малыши не сознательные.

К осени животные подрастают. Часть из них мы «прописываем» на постоянное жительство в Московском зоопарке, некоторые уезжают за границу, наиболее способные становятся артистами цирка и даже киноактерами.

Осенью площадка закрывается. А пока приходите в гости к нашим малышам, не пожалеете.

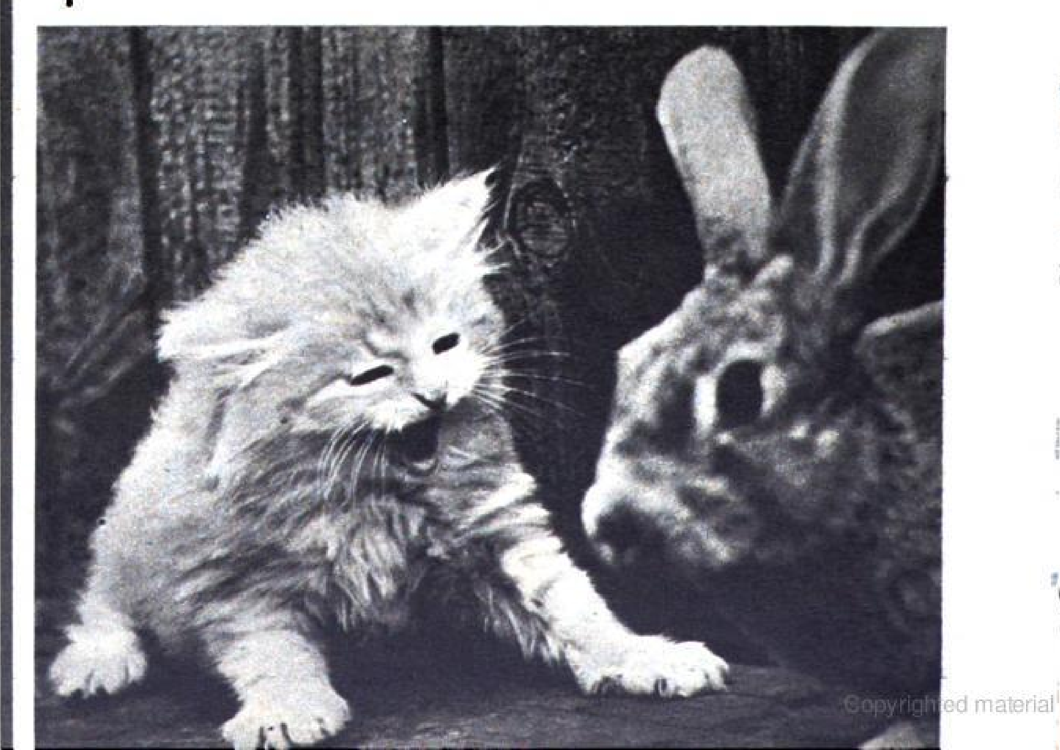

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка.

Фото А. БОЧИНИНА.

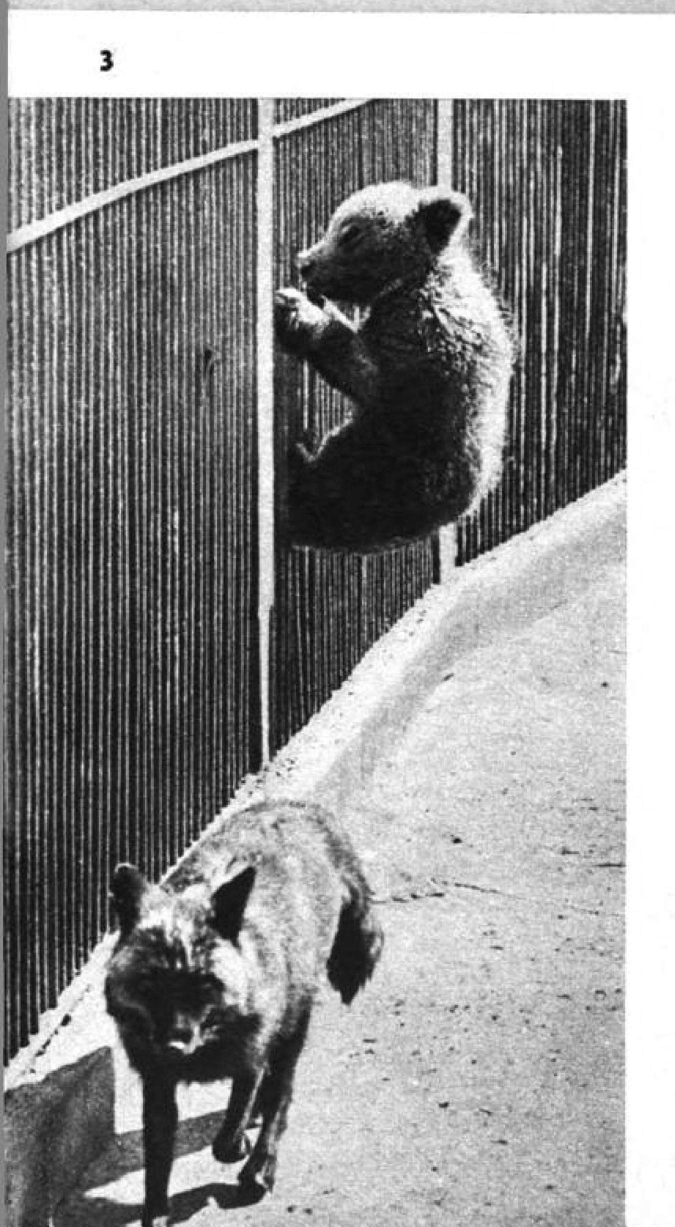
1

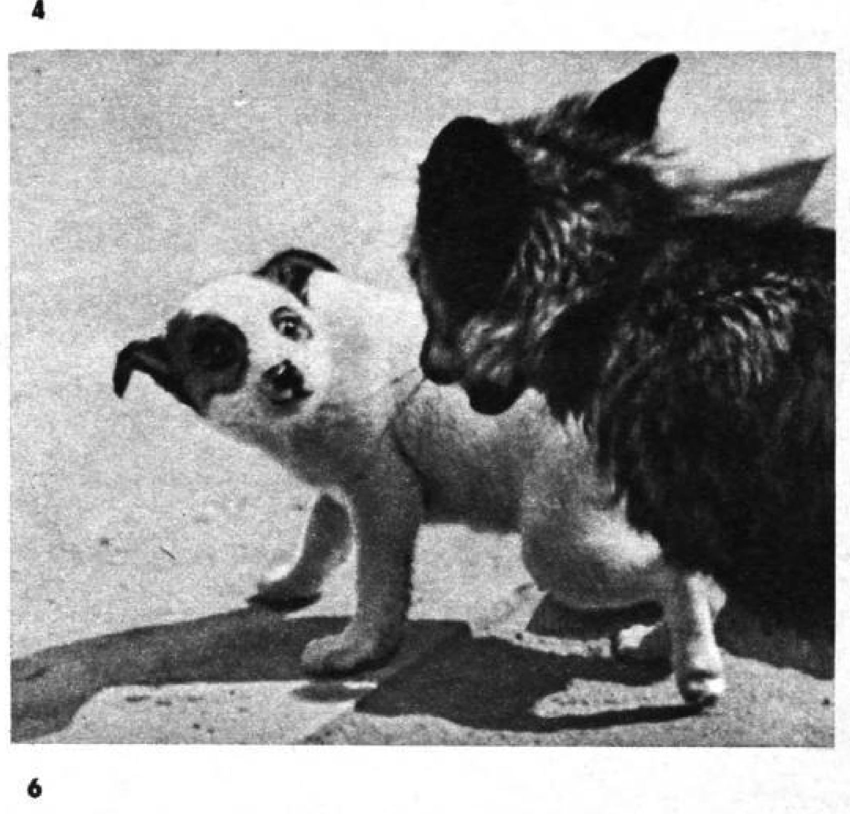
2

ши-проказники

3

4

5

6

7

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
215